

789/42

Г. В. ПЛЕХАНОВ

25

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РОДБЕРТУСА

БУРЕВЕСТНИК • 1924 • КРАСНОДАР

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ПЗ
9-40

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАРЛА РОДБЕРТУСА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. ДЕЙЧА

ПАРТИЙНО-КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БУРЕВЕСТНИК“
КРАСНОДАР :: 1924.

Дан Плеханов
76.2438

Отпечатано
в книжной типографии
Кубано-Черноморского Партийно-
Кооперативного Издательства
«Буревестник»
в мае 1924 г.
Изд. № 87.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Известно, что Госиздат приступил к опубликованию полного собрания сочинений Г. В. Плеханова в 27 томах, и уже появилось семь томов, чему, конечно, нельзя не радоваться. Но обширное предприятие это не исключает огромного значения за изданиями отдельных произведений покойного основоположника марксизма в России, так как далеко не всякому интересующемуся его взглядами будет доступно приобретение полного собрания его сочинений. Поэтому, нас, лиц близких Г. В. Плеханову, всегда чрезвычайно радуют попадающиеся в печати извещения о выпущенных или предпринятых в том или другом месте изданиях отдельных его произведений, так как нам, понятно, приятно слышать, что взгляды, которые он развивал, получают возможность быть наиболее широко распространенными.

Тем большее удовольствие вызывает такое издание, предпринятое на отдаленной от центра окраине нашей обширной страны; известно, что появляющиеся в столицах книги редко и в крайне ограниченном числе попадают туда.

Уже в виду указанных причин, нельзя не приветствовать предпринятое «Буревестником» опубликование сочинения Г. В. Плеханова о Родбертусе, тем более, что, насколько мне известно, до сих пор ни одно из многочисленных издательств при издании отдельных произведений Г. В. не остановило своего выбора на этой его статье. Между тем она, несмотря на то, что является одной из самых ранних его произведений, представляет большой интерес и теперь.

Поэтому, с своей стороны, — к чему, я уверен, охотно присоединятся и другие близкие Плеханову лица, — выражаю искреннюю благодарность названному издательству за этот его выбор. Глубокой признательностью моей «Буревестнику» обуславливается то, что я с удовольствием принял сделанное им мне предложение написать настоящее предисловие.

Само собою разумеется, что едва ли какое-нибудь из произведений Плеханова нуждается в пояснениях, тем более в чьих-либо рекомендациях, так как любое из них само за себя говорит и понятно каждому без всяких комментариев. Не этого, я уверен, ждет от меня издательство «Буревестник»: ему, и по его предположению, читателям, полагаю, интересно узнать, при каких обстоятельствах покойный друг мой приступил к изучению взглядов этого выдающегося немецкого экономиста, и затем — как он занимался и писал ряд статей, являющихся здесь в виде отдельной книги. Так как все это произошло буквально на моих глазах, к тому же составляет интересную страницу из жизни Георгия Валентиновича, то я считаю уместным воспроизвести здесь, насколько возможно подробнее, то отдаленное время, от которого нас отделяет период в сорок с чем-то лет.

* * *

В 1881-м году Плеханов, живя в Париже, познакомился со взглядами приобретшей большое тогда значение на западе, так называемой, «реалистической» школы в политической экономии или, как она еще называла себя в Германии — школой «катедер-социалистов». Написанная им об этом затем довольно большая статья под заглавием «Новое направление в области политической экономии» явилась, в сущности, первым произведением, в котором последовательно проводились марксистские его воззрения.

П. Л. Лавров, с которым Плеханов находился тогда в наилучших отношениях, познакомившись с этой статьей, нашел ее превосходной, почему и взялся рекомендовать ее

Михайловскому, редактору наиболее тогда популярных «Отечественных Записок». Попасть на страницы этого журнала считалось большой честью, и далеко не всякому опытному автору это удавалось; между тем Плеханов являлся только начинающим писателем¹⁾. К тому же отдел политической экономии в «Отечественных Записках» заполнял своими статьями известный ученый, единственный во всем мире марксистский профессор — Н. Зибер. Ввиду этого, естественно было опасаться, что статья неизвестного автора, подписавшегося своим отчеством — «Валентиновым», едва ли будет принята. Но это предположение не оправдалось: вскоре после отправки рукописи Лавров получил от Михайловского чрезвычайно лестный отзыв о статье и просьбу сообщить, кто ее автор. Получив эти разъяснения и адрес Плеханова, Михайловский обратился к нему непосредственно с предложением написать обстоятельную статью о Родбертусе, в виду интереса, как он заявлял, который этот экономист вызывал к себе в России. При этом, помню, Михайловский заметил, что, хотя проф. Зибер в «Юридическом Вестнике» уже поместил статью о Родбертусе, но во-первых, этот журнал мало распространен, а во-вторых, «она изложена очень тяжело».

Начинавшему писателю, каким тогда являлся Плеханов, это сопоставление его авторитетным редактором с признанным ученым экономистом было, конечно, приятно, но Георгий Валентинович не преувеличивал значения похвал, которые по его адресу расточал Михайловский. Они скорее вызывали у него недоумение: он указывал нам, — мне и Вере Засулич, — на непоследовательность этого редактора «Отечественных Записок», который одновременно с его вполне марксистской статьей помещал в своем журнале, сопровождал также похвалами, народнические статьи только что начавшего тогда

¹⁾ В предшествовавшем году появилась в крайне мало распространенном тогда, журнале — «Русское Богатство» его статья, под заглавием «Поземельная община и ее вероятное будущее», подписанная буквами Г. В., она была народнического направления и прошла совершенно незамеченной.

печататься В. В. (В. Воронцова), чего, по мнению Георгия Валентиновича, не стал бы делать Чернышевский в «Современнике». Из этого совместительства народничества с марксизмом, при лестных отзывах о статьях того и другого направления, Плеханов, помню, уже тогда сделал невыгодное заключение о знакомстве Михайловского с политико-экономическими вопросами.

«Раз он признает заслуживающими внимания взгляды В. В., — говорил нам Георгий Валентинович, — то как может он расхваливать мою статью, развивающую диаметрально противоположные воззрения? Он не нашел в ней ни единого промаха или пункта, с которым он не согласен, — из этого очевидно, что Михайловский плохо разбирается в этих вопросах».

То, что последовательному марксисту, готовому, по его признанию, создать из «Капитала» «прокрустово ложе», казалось совершенно несовместимым, — мирно уживалось в эклектической голове Михайловского. Можно почти с уверенностью сказать, что в то время последний не видел различия между взглядами В. В., доказывавшего, что для трудящегося населения России развитие в ней капитализма принесет лишь бедствия, и воззрениями Плеханова, критиковавшего катедер-социалистов. Многие страницы из его статьи «Новое направление в области политической экономии» должны были показаться Михайловскому, наоборот, вполне подтверждающими отрицательное отношение В. Воронцова и других к развитию капитализма в России, так как в них тоже сообщалось, что с ростом последнего все увеличиваются бедствия трудящихся масс.

Следует к тому же иметь в виду, что в то отдаленное время Михайловский, В. В., Николай-он и др. вполне одобительно относились к тем положениям «Капитала», в которых автор его указывал на отрицательные стороны крупного производства, на страдания, причиненные трудящимся массам с момента введения машинного производства,

с ростом капитализма. Названные и другие передовые русские публицисты охотно ссылались на Маркса, и усиленно цитировали некоторые места из единственно известного тогда у нас его произведения — из первого тома «Капитала».

Да и вообще, редакторы наших передовых тогда журналов, сами неразделявшие многих положений Маркса не видели ни малейшей опасности от ознакомления с ними читателей, так как считалось почти аксиомой, что «в России эти положения автора «Капитала» не применимы». Этим отчасти следует объяснить, почему в книжках «Отечественных Записок» печатались статьи марксиста, проф. Зиберы, а примеру этого наиболее распространенного журнала следовали и другие наши периодические издания. По словам того же Михайловского, марксистов тогда у нас было «два с половиной человека», а от такого ничтожного количества никакой опасности, конечно, не могло произойти; увеличения же их числа не только не предвиделось, но решительно отрицалась всякая возможность этого у нас, в стране с «общинным землевладением».

Иных взглядов на ближайшее будущее России придерживался, как известно, Плеханов в описываемое время: он уже решительно отрекся тогда от народничества и единственное спасение России видел в развитии в ней капитализма, а, следовательно, и пролетариата, который, по его убеждению, мог явиться наиболее энергичным борцом за уничтожение остатков крепостничества и за завоевание свободных учреждений. Эти взгляды он собирался развивать в подпольной печати, когда, как я выше сообщил, получил предложение Михайловского написать статью о Родбертусе.

Здесь необходимо напомнить, что в те времена у нас, революционеров без различия направлений, было совсем иное отношение к сотрудничеству в легальных органах печати, чем какое установилось впоследствии, 12 — 15 лет спустя. Незадолго перед тем — в начале 70-х годов — считалось многими из нас почти что предосудительным, во всяком случае, непохвальным своими произведениями поддерживать легальную

прессу, так как это означало поощрять существовавший строй. Подобно тому, как учащиеся должны были, «сжигая за собою корабли, бросать учебные заведения, отказываться от карьер» и проч., так и лицам, обладавшим литературными дарованиями, предлагалось писать исключительно в подпольных изданиях. Если память мне не изменяет, только зимой 1877—78 г.г. впервые нарушил это «табу» на легальную печать небезызвестный тогда бакунист Каблиц, поместивший в книжках «Недели», под псевдонимом Юзэв, на шумевшую статью, озаглавленную «Ум и чувство, как факторы прогресса», при чем, к слову, он отдавал преимущество чувству. Все же еще в течение двух-трех лет после этого некоторые продолжали косо поглядывать на таких нарушителей издревле установившегося канона нашей церкви, но этих отступников, — к тому же вынужденных цензурными условиями скрываться под псевдонимами или под инициалами, было крайне мало, — всего несколько человек.

С наступлением восьмидесятых годов число участников в легальной прессе, — в особенности из среды эмигрантов, — несколько возросло, причиной чего была, конечно, испытываемая ими нужда, усилившаяся с заметно увеличившимся притоком новых лиц после наступившего торжества террористического направления. Но даже тогда, когда у некоторых эмигрантов сотрудничество в легальной печати отнимало значительную часть их времени, все же преобладающее большинство из них не переставало смотреть на этот род деятельности только как на занятие, доставляющее им и их семьям средства к существованию, говоря иначе — они не придавали почти никакого значения распространению в легальной печати известных взглядов, положений, сведений.

Таково же приблизительно было тогда и отношение Плеханова к своему участию в легальной прессе. Написать первую статью — «Новое направление» — заставила его испытываемая им и его семьей большая нужда, в подтверждение чего, кроме устных рассказов, у нас имеются и письменные доказательства

Так, 31 октября 1881 года Плеханов, между прочим, писал Лаврову: «Лишним было бы говорить о том, до какой степени меня обрадовало сообщенное вам известие. Вы поздравляете меня с успехом: от всей души благодарю вас, милый Петр Лаврович, тем более, что помещением моей статьи, «успехом», я обязан вам... Благодаря вашей поддержке, я, быть может, получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти или задолжания без надежды уплаты»¹⁾. Аналогичных мест, иллюстрирующих тяжелое материальное положение Плеханова в то время, можно привести не мало из указанной его переписки.

Это обстоятельство заставило его принять сделанное ему Михайловским предложение, обрадовавшее его, на первых порах, главным образом, в качестве возможности получить некоторые материальные средства, а не как способ для распространения своих марксистских взглядов: последнее, повторяю, мы возлагали на подпольную прессу, для чего, как известно, в то именно время Плеханов подготовлял перевод с предисловием «Манифеста коммунистической партии». Как мало значения в этом смысле он придавал заказанной ему Михайловским статье, может отчасти служить доказательством следующий факт.

Несмотря на то, что за эту статью Плеханов должен был получить относительно довольно большую сумму, и Михайловский торопил его с присылкой хотя бы части статьи, он, как я уже упомянул в другом месте, в это же время принял предложение какого-то поселившегося в Кларане русского барина, обучать чему-то, кажется, его малолетнюю дочь, что вместе с ходьбой из Божь, где он жил, в Кларан отнимало у него довольно много времени и, следовательно, замедляло исполнение этой литературной работы.

Было бы, однако, ошибочно заключать из этих моих слов, будто Плеханов в предложении написать статью все время

¹⁾ См. мою брошюру «Г. В. Плеханов», стр. 88, «Нов. Москва», 1922 г.

видел исключительно только возможность получить известный заработок. Нет, как он спустя некоторое время говорил нам, а также писал Лаврову, его это предложение обрадовало еще и потому, что давало ему возможность погрузиться в изучение произведений Родбертуса, которого как раз в то время принялись превозносить до небес немецкие катедер-социалисты, доказывавшие, что он куда выше Маркса.

Однако, это уже должно было возбудить в молодом марксисте сильное желание ознакомиться с произведениями вновь открытого буржуазными учеными апостола политико-экономических истин. Поэтому, с присущей ему настойчивостью и добросовестностью, он принялся за изучение произведений Родбертуса.

В следующем, после цитированного мною выше письма к Лаврову, без даты, отправленном, вероятно, зимой 1881—82 г. Плеханов, между прочим, сообщил:

«Я с удовольствием беру эту тему, хотя сочинения Родбертуса очень трудно достать. У меня есть теперь его «Zur Beleuchtung der socialen Frage», затем есть перепечатка его брошюры «Der Normalarbeitstag» в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft»¹⁾, а затем у Р. Мейера помещены некоторые из его писем по поводу Эйзенахского конгресса катедер-социалистов.

Вот все, что я имею в настоящее время под рукою. А вы знаете, что сочинения Родбертуса довольно многочисленны, хотя и не волюминозны. Придется поехать в Берн, и там у Зибера достать остальные сочинения Родбертуса. Если же и там их не будет, то придется писать в берлинские Buchhandlungen²⁾ и достать их оттуда. Не знаю, удастся ли это, а без остальных сочинений я писать о нем не стану. Вот еще вопрос. Родбертус был, как известно, министром земледелия в 48 году. Не знаете ли вы какой-нибудь подробной истории Германии 48—50 г.г., где можно было бы прочитать

¹⁾ «К освещению социальных вопросов» в «Нормальный рабочий день» (в «Повременнике общих государственных наук»).

²⁾ Книжные магазины.

о его деятельности, как министра? Так как мне хочется написать возможно более полный этюд о Родбертусе, то в крайности я стану рыться в газетах того времени, если только найду таковые в Бернской или Цюрихской библиотеке. Не получили ли вы русского перевода его «Исследований в области политической экономии классической древности»? Я написал в Петербург, чтобы мне ее выслали, но не знаю, есть-ли она в книжных магазинах? Провинциальные издания очень медленно доходят до столиц¹⁾.

Уже из этой выдержки видно, как основательно приступал Плеханов к ознакомлению со взглядами и политической деятельностью Родбертуса. Для этого он не ограничился изучением лишь его произведений, но захватывал обширнейший круг касавшихся данной темы сочинений разных других авторов. Не следует упускать из виду, что в то время, кроме «тяжело» написанной небольшой статьи Зибера, еще никто другой из марксистов—ни Каутский, ни Энгельс—не коснулись Родбертуса. Таким образом, молодому Плеханову, всего за год перед тем целиком примкнувшему к марксизму, пришлось вполне самостоятельно разобраться в чрезвычайно серьезных и сложных политико-экономических проблемах, еще не выясненных в имевшемся тогда только 1-м томе «Капитала».

К трудностям выполнения взятой им на себя задачи присоединялось еще то, что ему нужно было перечитать огромное количество книг, брошюр, журналов на немецком языке, к изучению которого он приступил всего года за полтора-два до того; следовательно, он не мог еще владеть им в совершенстве. Но до чего, однако, Плеханов уже в то время хорошо освоился с этим, далеко не легким, языком, может служить отчасти доказательством следующая иллюстрация.

* * *

В описываемое время я и Вера Ивановна Засулич поселилась также над Клараном, в подлучасе ходьбы над деревушкой

¹⁾ См. цитир. мою брошюру, стр. 89—90.

Божя, где, как я уже упомянул, жил Плеханов с семьей. Мы виделись ежедневно, и я имел, поэтому, возможность наблюдать, как он работал над предложенной ему Михайловским темой: он, как говорится, глотал книги, быстро прочитывал одну за другой, сопровождая это, как всегда, разными значками — на их полях карандашом. Но особенно мое удивление вызвал такой случай.

Однажды, в жаркий летний полдень, когда я, поспев у Плеханова, собрался уйти, он заявил, что пойдет со мною ко мне. Увидев, что он захватил с собою какую-то довольно значительных размеров, еще не разрезанную, брошюру Родбертуса на немецком языке, я спросил, для чего она ему нужна в дороге. На это он ответил, что, так как жарко, и нам предстоит идти в гору, то он будет подниматься медленно и часто останавливаться. В виду этого ему и пригодится взятая им книжка.

Я шел впереди по прямой узкой горной тропинке, значительно сокращавшей путь, чем более широкая, извилистая, но менее крутая дорога, по которой поднимался Г. В., почти не отрывавший глаз от страниц взятой им брошюры. Вблизи шала, который мы с В. Ив. Засулич занимали, мне пришлось немного подождать его. Когда он подошел, и я взглянул на нумерацию раскрытой страницы брошюры, то положительно был изумлен. Теперь я, конечно, не помню, сколько, оказалось, успел он прочесть страниц на ходу в столь короткий промежуток времени, но число их было до того велико, что оно показалось мне прямо невероятным, и я спросил, не просматривал, не перелистывал ли он только эту брошюру. В ответ на это он показал мне обычные свои пометки на полях. Другому, даже давно владевшему в совершенстве немецким языком, потребовалось бы несколько часов на прочтение того количества страниц, на которое Плеханову понадобилось всего три четверти часа, к тому же в жару и на ходу.

К слову, способность Георгия Валентиновича в какой угодно обстановке, — на людях, во время бесед, в трамвае,

поезде, на пароходе и т. д. — сосредоточиваться и быстро поглощать страницы за страницами самых серьезных сочинений, меня всегда изумляла: казалось в таких случаях, что он лишь перелистывает данную книгу, когда в действительности он прекрасно ее усваивал, замечал ее достоинства или недостатки и мог немедленно дать ясный, исчерпывающий о ней отзыв и запоминал навсегда все это. Между тем, как другие люди, занимавшиеся литературным трудом или вообще предававшиеся умственным занятиям, производили на окружающих впечатление священнодействующих, внимания которых никоим образом нельзя ничем отвлекать, Плеханов, наоборот мог моментально перевести свое внимание на совершенно посторонний от данного вопроса предмет, почему казалось, что он легко, играючи преодолевает самые сложные, головоломные вопросы любой абстрактной области. Поэтому, в высшей степени отрадно и весело становилось на душе, когда, бывало, по приходе к нему, во время живой увлекательной с ним беседы, заглянешь в находившуюся у него в руках или в лежавшую перед ним на столе книгу: изумление, как мог он столь непосредственно от только что занимавшего его абстрактного вопроса перейти к теме нашего разговора, сменялось восхищением перед необыкновенными, колоссальными его дарованиями. Но возвратимся к его занятиям произведениями Родбертуса.

Плеханов в то время уже являлся человеком, не только хорошо знавшим классиков политической экономии, А. Смита и Рикардо, Маркса и Энгельса, но он успел за короткий период времени превосходно проработать также всех физиократов, вульгарных экономистов и катедер-социалистов, что отчасти явствует уже из его статьи «новое направление». Тем не менее, в начале произведения Родбертуса заставляли его сильно задумываться, давали большую работу его мыслям, вызвали огромное их напряжение, о чем он говорил с нами с восторгом.

Вначале, пока Плеханов еще не преодолел всех «многочисленных», хотя и не обширных произведений Родбертуса,

ему временами казалось, что этот экономист своими «открытиями», действительно, предупредил Маркса, как с торжеством трезвонили во все колокола катедерные и другие защитники буржуазного строя. Но, не имея еще ни 2-го, ни тем более 3-го т.т. «Капитала» и скорее интуитивно понимая, что Родбертус, как экономист, не может стоять выше Маркса, восторженный ученик его старался открыть, в чем состоит их отличие, на чьей стороне преимущество. Как известно, Плеханову вполне удалось разрешить казавшиеся ему вначале очень сложными вопросы, о чем, помню, он спешил немедленно поделиться с нами и что, видимо, доставляло ему громадное умственное и моральное наслаждение. Он признавал, что работа над произведениями Родбертуса оказала ему огромную услугу, принесла ему большую пользу: это был своего рода интересный шахматный матч с сильнейшим партнером, из которого Плеханов вышел победителем, в чем легко может убедиться каждый, сколько-нибудь знакомый с политико-экономическими вопросами. А я, в подтверждение правильности этого, приведу следующее заявление известного у нас в качестве «историка» нашего революционного движения, в действительности же — профессора политической экономии — А. Туна.

Не смотря на то, что Тун тесно примыкал к катедер-социалистам и был лично в хороших отношениях с Шмолетом, Вагнером и с другими «корифеями», о которых так резко отзывался Плеханов, этот, вообще довольно беспристрастный и объективный профессор с большой похвалой отзывался о политико-экономических статьях Георгия Валентиновича. Более того: однажды, он самым серьезным образом предложил мне написать моему другу, не согласится-ли он представить в переводе на немецкий язык свои статьи о Родбертусе в качестве диссертации для получения докторского звания. Проф. Тун сказал мне при этом, что, так как защищать эту диссертацию Плеханову пришлось бы у него, то он ручается за полный успех.

Зная отношение Георг. Валентин. к «докторам философии», я не считал нужным написать ему об этом из Базеля, где происходил этот наш разговор с Туном, но, при личной встрече, я ему передал об этом предложение. Как я заранее предвидел, он отнесся к нему с добродушной усмешкой, как к курьезу. Полагаю, что случай этот может служить подтверждением, до чего даже в глазах буржуазного экономиста являлось ценным это произведение молодого Плеханова.

Я далеко не исчерпал всего, что мог бы еще сказать о данной теме, но боюсь, что предисловие мое и без того покажется чересчур растянутым.

Л. Дейч.

10 января 1924 г.
Москва.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА.

Судьба Родбертуса, как писателя, представляет собою довольно поучительное и, на первый взгляд, непонятное явление. Ученый, обладавший огромною и разностороннею эрудицией, оригинальный и глубокомысленный экономический писатель, Родбертус не удостоился, однако, до самого последнего времени не только надлежащей оценки со стороны огромного большинства своих товарищей по науке, но, можно сказать, совершенно игнорировался ими. «Конечно,— говорит берлинский профессор Ад. Вагнер,— каждому экономисту в Германии известно имя Родбертуса и название главных его сочинений, о содержании которых каждый экономист также имеет хоть приблизительное понятие»¹⁾. Но дело в том, что Родбертус не принадлежит к числу писателей, по отношению к которым можно было бы довольствоваться «приблизительным понятием о содержании их сочинений». С самых первых шагов своих в экономической литературе Родбертус является не популяризатором учений господствующей школы, даже не комментатором того или другого нового писателя. Он был оригинальным мыслителем, пролагавшим новые пути в области науки,—одним из первых серьезных критиков классической экономии. Чтобы понять роль и значение его теорий в истории политической экономии, необходимо было ознакомиться с ними из первых источников, т.-е. из его сочинений. В особенности следовало сделать это немецким экономистам, главное достоинство

¹⁾ См. статью Ад. Вагнера в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft» 1878 года, erstes und zweites Heft: «Einiges von und über Rodbertus-Jagetzow».

которых заключается, как известно, в добросовестной и полной «Bücherkenntniss». Однако они довольствовались «приблизительным» понятием об учениях Родбертуса, да и этим, более чем поверхностным, знанием делились с публикой весьма неохотно. Д-р Гумпловиц, в своем «Rechtsstaat und Sozialismus», не без основания, быть может, упрекает немецких ученых в том, что «многие из них умышленно обходили молчанием этого выдающегося экономиста».

Так продолжалось долго, очень долго, едва ли не до начала семидесятых годов, когда отношение к Родбертусу, по крайней мере, части немецких экономистов радикально изменилось. С ним вошли в сношения и старались привлечь его к своему «социально-политическому» союзу, так называемые, катедер-социалисты; о нем заговорили, как о «самом оригинальном представителе экономического социализма», как о писателе, «стоящем выше Лассаля, Маркса и Энгельса». Так отзывался о нем, например, уже цитированный нами Ад. Вагнер. Разумеется, похвальные отзывы о писателе, подобном Родбертусу, не заключали бы в себе ничего удивительного, если бы дело не осложнялось несколькими довольно характерными обстоятельствами.

Во-первых, странно встречать горячих поклонников Родбертуса в среде молодого поколения той самой школы, «отцы» которой более всего заслужили упрек в «умышленном игнорировании» его учений. Ад. Вагнер и его сотоварищи по Эйзенахскому союзу превозносят того самого экономиста, на которого Рошер и Карл Книс почти не обращали внимания. Но это было бы, как говорится, полбеда, если бы в научном миросозерцании катедер-социалистов теориям Родбертуса действительно отводилось сколько-нибудь видное место. На деле же оказывается, что отличительной чертой подобных Ад. Вагнеру поклонников «немецкого Рикардо» является полное их несогласие с учениями последнего. Сочиняемые ими панегирики Родбертусу нисколько не мешают им исповедывать теории, не имеющие ничего общего с его учением. Это отлично сознавал и сам Родбертус, решительно отказавшийся пристать к Эйзенахскому союзу катедер-социалистов. «Я убежден, — писал он тому же Ад. Вагнеру, — что из Эйзенаха ничего не выйдет:

ромашкой нельзя даже облегчить, не только излечить социальный вопрос»... Не смущаясь таким строгим приговором «оригинальнейшего представителя экономического социализма», члены Эйзенахского союза продолжали и продолжают выдавать себя за горячих его поклонников, особенно в тех случаях, когда заходит речь о сравнительной оценке Родбертуса — с одной стороны и Карла Маркса — с другой.

С тем же рвением превозносят Родбертуса за счет Маркса и так называемые «социальные консерваторы» (social-conservative), в роде Рудольфа Мейера, довольно известного в Германии автора книги о «борьбе четвертого сословия за свое освобождение».

Незнакомому с делом могло бы показаться, что теории Родбертуса представляют собою последнее «резвонное слово» буржуазно-юнкерской экономии, — слово, облеченное в ярко-демократический наряд и потому оцененное по достоинству лишь в наше время заигрывания с народом даже самых закоснелых консерваторов. Однако, такое предположение было бы совершенно ошибочно, так как причину странной перемены в отношении к Родбертусу консервативных и буржуазных писателей нужно искать не во внутреннем достоинстве его теорий. Она лежит в истории борьбы различных классов европейского общества, имевшей такое огромное влияние на развитие экономических учений. Различные перипетии этой борьбы отразились на литературной судьбе Родбертуса и обуславливали то или другое отношение к нему его ученых современников из среды «охранителей». Дело в том, что Родбертус с полным основанием может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассаля. Почти одновременно с двумя первыми из названных писателей выступил он на поприще экономической литературы и так же, как они, посвятил свои силы изучению вопроса о положении и роли труда в современном обществе. Правда «практические предложения» его далеко не были так радикальны, как стремления Маркса и Энгельса. Но теоретические основы этих «предложений» сильно противоречили учениям господствовавших школ и весьма близко подходили к учениям крайних

партий. Лет двадцать тому назад одного этого было достаточно, чтобы вызвать негодование и высокомерное презрение патентованных экономистов. Родбертуса «замалчивали» тогда, как опасного и легкомысленного новатора.

Не так обстоит дело теперь. Уже со второй половины сороковых годов сделавшееся заметным новое направление в экономической науке окончательно сложилось ныне в стройную систему, самым полным выражением которой служит «Капитал». Автор его оказался вооруженным таким громадным количеством данных, обнаружил такую колоссальную ученость, что волей-неволей приходилось с ним считаться. Но Маркс, как известно, не останавливался на «критике политической экономии». Последовательный до конца, он взялся за практическую деятельность и обнаружил при этом такие неприятные для буржуазии наклонности, что Родбертус, несмотря на всю свою ученую ересь, явился просто агнем в сравнении с этим беспокойным человеком. Кроме того, и среда, к которой обращались Маркс и его последователи, к концу шестидесятих годов стала гораздо более восприимчивой к их проповеди, чем была она до февральской революции. Движение западно-европейского рабочего класса принимало все более и более грозный характер. Не дождавшись от буржуазии облегчения своего положения, пролетарии пришли к тому убеждению, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Понятно, что «самопомощь», к которой стремились теперь рабочие, не имела ничего общего с «самопомощью», рекомендованной им, например, Шульце-Деличем. Тогда-то вспомнили буржуазные экономисты, что где-то в Померании проживает, в своем имении, ученый, держащийся таких же, по видимому, как и Маркс, научных воззрений, но отличающийся гораздо более смиренным нравом. Особенно привлекательным казалось для почтенных ученых то обстоятельство, что в политике Родбертус не только не разделял воззрений Маркса или Лассала, но и прямо объявлял себя консерватором. Понятно, что в том затруднительном положении, в которое поставил экономистов автор «Капитала», Родбертус представлял для них настоящую находку. Он являлся противоядием, весьма полезным для рабочих, зараженных

«лжеучениями» Маркса. Окончательного излечения теории Родбертуса, конечно, припести им не могли, потому что в сравнении с «любезноверными» бисмарковскому режиму катедер-социалистами Родбертус все-таки, говоря его собственными словами, являлся «черною экономической душою». Но упомянутый выше консерватизм Родбертуса, считавшего вредной всякую политическую самостоятельность рабочего класса, делал его гораздо менее опасным для буржуазии, чем Маркс и его последователи. Кроме того, Родбертус, как это видно из переписки его с Лассалем, полагал, что окончательное осуществление его теорий возможно не ранее... пятисот лет. Дело откладывалось, следовательно, в такой долгий ящик, что ученая «ересь» нашего автора утрачивала немалую долю своего практического значения. Оставались лишь ближайшие требования Родбертуса, представлявшие собою самую слабую часть его воззрений и тем охотнее выдвигавшиеся на первый план буржуазными экономистами, чем меньше нужно было остроумия для обнаружения их несостоятельности.

Таким образом, Родбертус являлся меньшим из двух почти неизбежных в настоящее время на Западе зол. И несомненно, что именно этому стечению обстоятельств обязан он тем вниманием, которое стали оказывать ему теперь катедер-социалисты. Тому, кто назвал бы наше объяснение невероятным, мы напомним прием, оказанный книге Кэри со стороны немецких «манчестерцев». Автору ее прощало пристрастие его к покровительственному тарифу, — пристрастие, составляющее, как известно, смертный грех в глазах «манчестерцев». Его провозгласили великим экономистом единственно во внимание к заслугам его по измышлению нового закона заработной платы, отличающегося весьма успокоительными свойствами.

Вообще западно-европейские буржуазные экономисты находят теперь далеко не в таком положении, чтобы их могла интересовать та или другая теория *an und für sich*. Решающее значение имеют в их глазах практические стремления авторов этих теорий и прежде всего, разумеется, вопрос о политической самостоятельности рабочих классов. Писатель, выступающий против организации рабочих в особую

политическую партию, наверно приобретает симпатии буржуазных экономистов, какими бы теоретическими соображениями он при этом ни руководствовался.

Но если восторженные отзывы Ад. Вагнера о Родбертусе вызываются побуждениями, имеющими очень мало общего с наукой, то это не уменьшает заслуг самого Родбертуса и не мешает ему занимать одно из самых видных мест среди экономических писателей XIX века. Ставить его «выше Маркса и Энгельса», конечно, невозможно. Учение его не может быть поставлено даже рядом с учением этих последних. Неверно также и то, что Родбертус, будто бы, ранее Маркса и Энгельса высказал те положения, которые легли потом в основу «Капитала». Первое сочинение Родбертуса, «Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände», появилось в 1842 году. Менее чем через два года после этого начали выходить в Париже «Deutschfranzösische Jahrbücher», издававшиеся Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Печатавшиеся в этом издании статьи Маркса и Энгельса вовсе не были повторением мыслей, высказанных в 1842 году Родбертусом. В них выражались, напротив, самостоятельные воззрения их авторов, во многих случаях несогласные с учением Родбертуса. Мы не говорим уже о книге Энгельса «Lage der arbeitenden Klassen in England» (1845), о «Misère de la philosophie» (1847) Маркса и других сочинениях, в которых экономическая теория означенных авторов является уже в довольно законченном виде. Факты не позволяют, следовательно, утверждать, что автор «Капитала» заимствовал основные свои положения у Родбертуса. Они показывают, что Родбертус, Маркс и Энгельс одновременно выступили на литературное поприще, и что первый из названных писателей с одной стороны, Энгельс и Маркс — с другой, уже с начала сороковых годов держались самостоятельных, имевших, правда, много общего, но во многом и расходившихся теорий.

Но, оставляя в стороне излишние притязания, к которым был склонен иногда и сам Родбертус¹⁾, за ним все-таки,

¹⁾ «Вы увидите, — говорит он в одном из своих писем к Вагнеру, — что уже с 1842 года я неизменно держусь одних и тех же воззрений и что другие, как, например, Маркс, натолкнулись на многое из того, что уже раньше было напечатано мною».

повторяем, нужно признать огромные заслуги в экономической науке. Сочинения его должны возбуждать тем больший интерес всякого беспристрастного человека, чем более склонности к злоупотреблению его именем обнаруживают люди той или другой партии. Учение его сохранило весь свой интерес до настоящего времени, так как многие положения, общие ему с Марксом и Энгельсом, и поныне еще вызывают ожесточенные нападки буржуазных экономистов. Еще большее значение имеют его сочинения для тех, кто желал бы ознакомиться с историей экономических учений во второй половине XIX столетия. Сравнительная оценка теорий Родбертуса с одной стороны и учений «историко-реалистической школы» — с другой как нельзя более ясно показывает, кто внес действительно новый вклад в науку и кто ограничился пережевыванием, перекраиванием и даже порчей оставшегося от экономистов-классиков наследства.

В виду этого нельзя не порадоваться появлению перевода на русский язык историко-экономических исследований Родбертуса. С своей стороны, мы считаем нелишним представить читателям изложение экономической доктрины этого замечательного писателя.

I.

Прежде чем перейти к экономическому учению Родбертуса, мы позволим себе остановить внимание читателя на его жизни и практической деятельности. На это потребуется тем менее времени, что, во-первых, сколько-нибудь полной его биографии до сих пор не существует, а во-вторых, большая часть жизни Родбертуса протекла в мирной тиши ученого кабинета, вдали от политических тревог и волнений. Естественно поэтому, что биография Родбертуса и не могла бы возбуждать в читателе того живого интереса, который вызывается одной какой-нибудь «страницей из жизни Лассаля».

Карл Робертус-Ягец родился в 1805 году в Померании, учился сначала во Фриданде, потом в Геттингене и в 1827 г.,

Поводом к появлению этих писем послужили экономические статьи фон-Кирхмана в «*Democratischen Blättern*» 1849 года. Проникнутый симпатиями к низшим классам общества, хорошо знакомый с экономической литературой, фон-Кирхман производил тем более сильное впечатление на своих читателей, что статьи его отличались живым и легким изложением. Но хотя он сумел стать в критическое отношение ко многим догматам современной ему экономической науки, однако, в воззрениях его не было последовательности и строгой систематичности, необходимых для того, чтобы пролить новый свет на «несовершенства» общественно-экономического строя. По примеру многих и многих писателей, мировосприятие которых сложилось под влиянием борьбы различных привилегированных слоев общества за свое исключительное преобладание, фон-Кирхман нападал на «монополию» в некоторых из ее проявлений, беря под свою защиту другие виды той же самой «монополии». Так, например, он становился в очень резкое отношение к поземельным собственникам и «капиталистам», т.-е. людям, доход которых образуется из процентов с оданного займа денежного капитала. По его мнению, эти способы получения дохода, без всякого труда, были главной причиной большей части общественных бедствий настоящего времени. Фон-Кирхман совершенно упускал из виду, что прибыль предпринимателя представляет собою такой же неоплаченный труд работника, как и поземельная рента или процент на денежный капитал. Ответом на эти статьи фон-Кирхмана и явились «Социальные письма» Родбертуса, в которых последний противопоставил взглядам Кирхмана и других писателей свою собственную теорию ренты и промышленных кризисов. «*Sociale Briefe an von-Kirchmann*», вышедшие в 1850—51 годах, содержат уже более полное и подробное изложение экономического учения Родбертуса, чем первый труд его «*Zur Erkenntniss etc.*». Вместе с тем, они являются последним сочинением нашего автора, посвященным общим вопросам народного хозяйства. Правда, немецкая литература обогатилась с тех пор еще не одним трудом, вышедшим из-под пера Родбертуса. Но это были специальные сочинения, посвященные частным практическим вопросам и лишь

мимоходом, затрагивавшие основные теоремы экономической науки. К этой категории относятся исследования Родбертуса о поземельном кредите, из которых главное, «*Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Kreditnoth des grundbesitzes*», вышло в 1869 году в Йене. К тому же периоду литературной деятельности нашего автора относятся две небольшие брошюры его по рабочему вопросу. Когда Лассаль начал свою агитацию в среде немецких рабочих, комитет «Рабочего союза» обратился к автору «Социальных писем» с просьбой вступить в возникающую организацию или, по крайней мере, помочь, ей советами и указаниями. Лассаль с самым горячим сочувствием относился к мысли привлечь на сторону «Союза» Родбертуса, «Письма» которого он, по его собственным словам, прочел еще в 1853 г. «с величайшим вниманием». Родбертус уступил письменным настояниям Лассалья и переслал ему для напечатания свое «Открытое письмо комитету немецкого рабочего союза», которое и появилось в 1863 году в Лейпциге. Но желанного Лассалем полного соглашения между ним и Родбертусом все-таки не произошло. Последний не принял активного участия в начинавшемся рабочем движении и, несмотря на неоднократные просьбы Лассалья, не появился даже ни на одном рабочем собрании. Родбертуса смущала выработанная Лассалем программа союза, в которой требование всеобщего избирательного права занимало первое место. Лассаль добивался его, как известно, с целью образования особой политической партии рабочих, что, как мы уже сказали выше, казалось Родбертусу не только излишним, но даже и вредным. Это и был важнейший пункт разногласия, о который разбились все стремления этих замечательных людей к взаимному сближению.

С большим сочувствием отнесся Родбертус к «социально консервативному» изданию «*Berliner Revue*», издававшемуся Рудольфом Мейером. Родбертус не отказался сотрудничать в нем и написал для него несколько статей. Самую интересную из них является статья «О нормальном рабочем дне», вышедшая в 1871 году отдельной брошюрой. Родбертус излагает в ней подробнее, чем в каком-либо другом своем

сочинении, «практические предложения» свои, для которых главные труды его являлись лишь «необходимой теоретической основой». Он доказывает в ней необходимость таких законодательных постановлений, которые позволили бы рабочим «воспользоваться увеличением производительности национального труда», не нарушая в то же время «прав поземельных собственников и капиталистов». Для оценки экономической доктрины нашего автора брошюра эта имеет очень важное значение. Нам придется, поэтому, еще неоднократно возвращаться к ней в нашем дальнейшем изложении. Теперь же мы скажем несколько слов о другого рода работах Родбертуса, тесно связанных с экономическим его исследованием.

Как увидит читатель из следующих глав нашей статьи, одною из характернейших особенностей учения Родбертуса было убеждение его в том, что существующие ныне формы общественно-экономических отношений нельзя рассматривать, как постоянные и неизменные, возникшие с первых же шагов экономической деятельности человека и безусловно для нее необходимые. Свойственный капиталистическому обществу способ производства, обмена и распределения представлялся ему не более как «исторической категорией», созданной экономической необходимостью и носящей в самой себе задатки дальнейшего своего развития и преобразования. Естественно было поэтому, что исследования Родбертуса не ограничивались экономической жизнью современного общества. Ему необходимо было обратиться к изучению истории, чтобы открыть в ней законы, под влиянием которых совершаются образования и смена общественно-экономических формаций. И он не только хорошо ознакомился с экономической историей цивилизованных народов, но и внес несколько ценных вкладов в литературу этого предмета. С 1864 г. он стал помещать свои исследования по политической экономии классической древности в «Jahrbücher für Nationale Oekonomie und Statistik», издававшихся Бруно Гильдебрандом. Первым из этих историко-экономических трудов Родбертуса был переведенный ныне на русский язык опыт об «адскрипциях, инквилинах и колонах». За ним последовали статьи «об истории римского трибута со времен Августа», «о стоимости денег

в древнем мире» и т. д. И хотя работы этого рода далеко не составляют главной ученой заслуги Родбертуса, по истории оказались более внимательными к трудам не принадлежавшего к их цеху писателя, чем экономисты. Исторические исследования Родбертуса еще при жизни его обратили на себя серьезное внимание специалистов. По словам Ад. Вагнера, исследования эти «высоко ценятся историками-специалистами». Хотя некоторые его заключения, — например, по вопросу о возникновении колоната, — до сих пор еще подвергаются оспариванию, но даже те, которые пришли по этому вопросу к другим выводам, относятся к трудам его с величайшим уважением. Даже такой выдающийся знаток римских древностей, как Л. Фридландер, сознается, что ему в его исследованиях о римском народонаселении «оказали существенную услугу подробные письменные указания Родбертуса». Ад. Вагнер совершенно верно прибавляет, что Родбертус имел «почти перед всеми без исключения историками и филологами огромное преимущество, заключающееся в основательном знакомстве с политической экономией и сельско-хозяйственной техникой». Благодаря своим экономическим познаниям, он умел поставить изучаемое им историческое явление на реальную почву развития общественного хозяйства. Таким образом, он сразу выходил из заколоченного круга туманных гипотез о «народном духе» и влиянии этого «духа» на политическую и правовую историю общества. Для примера сошлемся на вопрос о причинах перехода рабства в ту форму зависимости, которая известна под именем крепостничества. Известно, что вопрос этот давно уже привлекал к себе внимание историков, при чем одни приписывали названный переход влиянию христианства, другие апеллировали к особым свойствам «германского духа». Первым противоречили несомненно исторические факты¹⁾, вторые ничем не могли подтвердить свою мысль. Родбертус взглянул на дело с точки зрения экономической, и оно, — по крайней мере, по отношению к римским хозяйственным условиям, —

¹⁾ Ср. *Historie de l'esclavage ancien et moderne* par A. Tourmagne, главы III пятой книги (*Le christianisme a-t-il détruit l'esclavage?*), а также F. Laurent „La féodalité et l'église“ главы — „Affranchissement des serfs“.

представилось в совершенно ясном свете. В своем исследовании об «адскрипциях, инквилинах и колонах» он показал, что для «интенсивного, отличного от римского, способа обработки полей необходима была непосредственная выгода самого возделывателя, а отсюда — участие владельца и, вследствие этого, только мелкое хозяйство. При наших теперешних общественных условиях это повело бы к образованию свободного класса арендаторов мелких участков, с платою аренды деньгами». «Но одних вольноотпущенников было недостаточно для образования такого класса, да к тому же существовали уже кроме того рабы, которые приставлены были к лавкам и мелочным лавочкам на условиях, аналогичных с полевыми индустриями. Что же касается денежной аренды, то, повидимому, и начато было с нее, но по тем же причинам, которые лежали в общих условиях древнего натурального хозяйства, и вследствие обесценения денег, от нее должны были отказаться. Словом, мелкое хозяйство и мелкая аренда, вынужденные обстоятельствами, видоизменились под влиянием существовавших условий, что в арендаторы брались, главным образом, рабы, и аренда уплачивалась при этом натурой». Затем, под влиянием государственных потребностей, «законодательство прикрепило колонов к земле», и рабы-арендаторы превратились в крепостных, плативших «вместо прежней произвольной аренды только канон»¹⁾.

Это исследование Родбертуса показывает, что и решение более общего вопроса о причинах исчезновения рабства и замены его крепостною зависимостью в средневековой Европе может быть найдено лишь в хозяйственных условиях того времени. И в этом смысле «Исследования в области национальной экономики классической древности» имеют большое философско-историческое значение.

Но если до сих пор редко экономисты, рассматривающие хозяйственный строй современной Европы, как переходящую «историческую категорию», то нужно сознаться, что еще реже встречаются историки, отводящие экономическому «фактору» надлежащее место в своих обобщениях. Неудивительно

¹⁾ См. «Исследования в области национальной экономики классической древности». Выпуск первый, стр. 15, 34 — 35.

поэтому, что интерес, возбужденный историческими исследованиями Родбертуса в среде специалистов, ограничивался пределами того или другого из разработанных им вопросов. Его оригинальные философско-исторические взгляды, — по свидетельству того же Ад. Вагнера, — «обратили на себя гораздо менее внимания», а еще того менее встретили они согласия и одобрения.

Сотрудничество Родбертуса в гильдебрандовских «Jahrbücher» продолжалось до 1874 года, к которому относится последнее напечатанное историческое его исследование «Bedenken gegen den von den Topographen Rom's angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer». История не отвлекала его, однако, от главного предмета его занятий — общих вопросов политической экономии. В 1875 году вышло новое издание двух последних «Писем» его к Кирхману. В предисловии к этому изданию Родбертус говорит, что он «намеревался прибавить к этим двум письмам новый отдел, который рассматривал бы логическую сущность главных национально-экономических понятий в различных исторических, одна другую сменяющих, формах их развития».

В этом отделе он имел в виду «провести резкую черту различия между логическими и историческими категориями во всех частях экономической науки, главным же образом в учении о капитале». Но ему не удалось исполнить это намерение. Продолжительная болезнь, к которой присоединилась еще потеря глаза, помешала ему докончить этот написанный уже и черной отдел ко времени печатания второго издания его «Социальных писем к Кирхману», а через пять месяцев по выходе в свет этого издания Родбертуса уже не стало. Он скончался в своем имении Ягедове 6-го декабря 1875 года от воспаления легких. Один из друзей покойного, биограф и издатель фон-Тюнена, Шумахер-Цархлин взял на себя приведение в порядок и издание оставшегося после него «литературного наследия». А оно оказалось очень ценным. В бумагах Родбертуса было найдено введение к «Социальным письмам», написанное для предполагавшегося второго издания его первого «Письма», не вошедшего в издание 1875 года. Почти совершенно оконченным и готовым к печати оказалось новое, четвертое «Письмо», представляющее собою,

очевидно, тот «новый отдел», который Родбертус считал необходимым для законченного изложения своих воззрений. Этому отделу был посвящен последний остаток сил семидесятилетнего ученого. Не далее как за две недели до своей смерти Родбертус писал Ад. Вагнеру, что его «приезд в Берлин замедляется все более и более», так как он «непрерывно хочет окончить» свое продолжение «Социальных писем к Кирхману». Это сочинение появилось в печати под именем «Капитала» после того, как написаны были эти статьи. Оно не дает, однако, ничего нового для характеристики экономических взглядов Родбертуса. Из других рукописей заслуживает особенного интереса незаконченное еще исследование о распределении национального дохода в Англии. Это исследование должно было служить иллюстрацией к учению Родбертуса о распределении дохода между различными классами современного общества.

Весьма интересным дополнением к литературным трудам Родбертуса может служить переписка со многими из его современников. По замечанию Ад. Вагнера, «Родбертус был одним из тех немногих, которые пишут теперь длинные ученые письма». Он охотно вступал в переписку со всеми, обращавшими на себя его внимание оригинальностью своих воззрений или готовностью содействовать осуществлению его «практических предложений». Мы говорили уже выше, что в самый горячий период агитации Лассалья Родбертус состоял с ним в переписке, касавшейся как практической злобы дня, так и общих вопросов экономии и права. Письма Лассалья к Родбертусу, найденные в бумагах последнего, вышли потом отдельным изданием. Нельзя не пожалеть, что до сих пор не найдены письма Родбертуса к Лассалю, и, таким образом, знакомство наше с перепискою этих двух замечательных людей остается односторонним. Но зато уже несколько лет тому назад обнародованы письма Родбертуса к Ад. Вагнеру и архитектору Петерсу в Шверине¹⁾. В профессоре Вагнере он

¹⁾ Статья эта была уже окончена, когда появилась в печати переписка Родбертуса с Рудольфом Мейером, в виде двух небольших томиков, содержащих в себе также некоторые статьи Родбертуса из „Berliner Revue“. Нам придется коснуться этого издания при оценке „практических предложений“ автора.

надеялся, повидимому, встретить экономиста, способного усвоить более широкое мирозерцание, чем то, на котором остановились молодые отпрыски «историко-реалистической школы» — катедер-социалисты. Впоследствии он убедился, повидимому, в неосновательности своих ожиданий, как об этом можно судить, по крайней мере, по письму его к тому же Ад. Вагнеру от 20-го июня 1872 года. Мы приведем отрывок из этого письма, так как сам Ад. Вагнер справедливо замечает, что «оно характеризует принципиальное отношение Родбертуса к социальному вопросу». Речь идет в этом письме о задуманном в 1872 году плане объединения экономистов «антиманчестерского» направления. «Я не могу выразить вам, — писал по этому поводу Родбертус, — до какой степени счастливою кажется мне мысль об объединении людей науки против этого псевдо-научного направления (т.-е. «манчестерства»)». Но, признаюсь вам, я не думаю, чтобы ваше объединение могло и должно было идти дальше единодушного протеста против манчестерства. В социальном вопросе вы не согласитесь и не можете согласиться между собою. В лучшем случае вы должны будете выработать, чтобы не разойтись, род мозаичной программы (eine Art Mosaikprogramm), в которую каждый положит свой камень. Но я думаю, что это имело бы свои большие неудобства и скорее усыпило бы, чем возбудило внимание общества». Поэтому, Родбертус просит при выработке программы «обойтись без его участия». Он прибавляет, что участие повело бы ко взаимным недовольствам. «При вашем благосклонном мнении обо мне вы совершенно упустили из виду, каким злостным еретиком, какою черною национально-экономическою душою являюсь я в нашей науке... Поэтому, многие приняли бы меня за «Бебеля высшего сорта», и вы сами были бы, в конце-концов, не рады, что связались со мною по поводу социального вопроса». И действительно, членам Эйзенахского союза вообще, а профессору Ад. Вагнеру в особенности, Родбертус был далеко не товарищ. При всем своем «радикальном консерватизме», он никогда не стал бы провозглашать бисмарковский способ решения вопроса квинт-эссенцией социально-реформаторской мудрости, как это делал Ад. Вагнер во время последних выборов в рейхстаг.

скачком перенестись в общественный строй, не имеющий никаких точек соединения с настоящим», располагалось множество оттенков более умеренного образа мыслей. Наш автор был одним из первых экономистов, пришедших к тому убеждению, что причина этих «несовершенств» лежит в эксплуатации человека человеком, и решившихся искать способов к ее устранению или, по крайней мере, ограничению. Чуждый того подогретого оптимизма, который уже в то время считался одним из несомненнейших признаков благонамеренности, Родбертус не скрывал от своих читателей ни размеров зла, ни исторического его значения. Резкими и смелыми штрихами нарисовал он безотрадную картину современных общественных отношений. «Пауперизм и торговые кризисы», — писал он в первом «Письме к Кирхману», — таковы, стало быть, жертвы, которыми заплатило общество за свою свободу. Новые правовые учреждения освободили его от прежних цепей; оно вступило в обладание всеми своими производительными силами; механика и химия отдали в его распоряжение силы природы; кредит подает надежду на устранение других препятствий, — словом, материальные условия, необходимые для того, чтобы свободное общество сделать также и счастливым, находятся налицо, — а между тем, смотрите, новое бедствие заняло место старого бесправия. Рабочие классы, которые приносились прежде в жертву юридической привилегии, отданы во власть привилегии фактической, и эта последняя обращается по временам против самих привилегированных. Пять шестых нации, благодаря ничтожности своего дохода, не только были лишены до сих пор всех благоденствий цивилизации, но претерпевали иногда самые страшные бедствия нищеты, которая угрожает им непрерывно. А между тем, они — творцы всего общественного богатства. Их работа начинается с восходом и кончается только с закатом солнца, часто продолжается и ночью, но никакие усилия с их стороны не могут изменить их положения. Не возвышая своего заработка, они теряют последние остатки времени, которым могли бы воспользоваться для своего образования... Вместе с ростом национального богатства растет обеднение рабочих классов; чтобы воспрепятствовать удлинению рабочего дня, является

надобность в специальных законах; наконец, численный состав рабочего класса увеличивается в пропорции большей, чем численность остальных классов общества». Как человек, сумевший возвыситься над классовыми предрассудками буржуазных экономистов, Родбертус увидел, что главной задачей политической экономии должно быть отныне изыскание средств для облегчения бедственного положения пролетариата. Он понял, что рабочие классы, как «творцы общественного богатства», имеют неоспоримое право на более широкое пользование этим богатством. «Я согласен, — продолжает он, обрисовавши бедственное положение «пяти шестых нации», — что до настоящего времени цивилизация нуждалась в таком огромном количестве бедствий для своего пьедестала. Но целый ряд удивительнейших изобретений, увеличивших производительность человеческого труда более чем во сто раз, дал возможность устранить эту печальную необходимость. Благодаря названным изобретениям национальное богатство увеличивается в возрастающей прогрессии... Я спрашиваю: может ли существовать более справедливое требование, чем требование того, чтобы творцы этого старого и нового богатства получили хоть какую-нибудь пользу от его увеличения; чтобы увеличился их доход, или сократилась продолжительность их работы, или, наконец, чтобы все большее число их переходило в ряды тех счастливых, которые пожинают плоды их труда? Но общественное хозяйство приносило до сих пор прямо противоположные результаты».

Констатировавши таким образом, что распределение продуктов в буржуазном обществе противоречит «самым справедливым требованиям», Родбертус переходит к другому «недостатку» современного экономического строя — периодически возвращающимся торговым кризисам.

Если современный способ распределения губительно отзывается на благосостоянии рабочих, то промышленные кризисы не падают и капиталистов. «Они представляют собою бич, терзающий по временам черезчур ожиревшее тело капитала». Но рабочим от этого, разумеется, не легче. «Болезнь охватывает весь общественный организм и в особенности поражает те классы общества, которые менее всего могут назваться

ее виновниками. Тогда выступает на сцену нелепое явление, магазины оказываются переполненными товарами в то время, когда рабочие терпят самую страшную нужду. Тогда соединяются вещи, повидимому, совершенно несоединимые».

Торговые кризисы самым тесным образом связаны, по мнению Родбертуса, с пауперизмом, а этот последний является следствием того закона заработной платы, который, под именем «железного закона Лассалья», наделал столько шуму в немецкой экономической литературе. В действительности закон этот так же мало может назваться «законом Лассалья», как теория происхождения видов может назваться теорией Геккеля или теорией какого-нибудь другого из ее популяризаторов. Даже еще менее, потому что «железный закон» почти так же стар, как старая наука о народном хозяйстве. Закон этот признавался еще Тюрго, Смитом и Рикардо, и Лассаль был совершенно прав, говоря, что он может, в подтверждение своих слов, сослаться на столько великих и славных имен, сколько их было в истории экономической науки. Как писатель, не отказавшийся от научного наследия экономистов-классиков, Родбертус принимал этот закон вместе со всеми вытекавшими из него выводами. Но само собою понятно, что в половине XIX столетия сама жизнь сделала такие выводы из этого закона, каких и не подозревали Тюрго, Смит или Рикардо. Родбертус не мог, поэтому, формулировать его с олимпийским спокойствием экономистов-классиков. Адам Смит ограничился по поводу этого закона тем замечанием, что «мало утешительного в судьбе человека, не имеющего других источников дохода кроме своего труда». Родбертус сделал его исходной точкой своих реформаторских планов.

«Главную цель моих исследований, — писал он в первом своем сочинении,¹⁾ — будет увеличение доли рабочего класса в национальном продукте, — увеличение, избавленное от изменчивых влияний рынка и построенное на прочном основании. Я хочу доставить этому классу возможность извлекать пользу из возрастания производительности труда. Я хочу устранить господство того закона который иначе может оказаться гибельным

¹⁾ См. „Zur Erkenntniss unserer staatswirthsch. Zustände“, S. 28 — 29 в примечании.

для наших общественных отношений, — закона, по которому заработная плата самими условиями рынка всегда понижается до уровня насущнейших потребностей рабочего, как бы ни возвышалась при этом производительность труда. Этот уровень платы лишает рабочих возможности получить надлежащее образование и составляет самое вопиющее противоречие с их современным правовым положением, с тем формальным равенством их с прочими сословиями, которое провозглашено нашими важнейшими учреждениями». Обнаружение тесной связи между пауперизмом и торговыми кризисами Родбертус считает одною из главных заслуг своей экономической теории. Он неоднократно повторяет это во втором «Письме к Кирхману». Все разногласия между ним и Кирхманом автор «Письма» объясняет именно тем, что Кирхман, «подобно многим другим, сводит эти печальные явления не к одному и тому же основанию, не к одному и тому же недостатку в современной общественно-экономической организации¹⁾. Неудивительно поэтому, что, обеспечивая рабочим большую долю в «национальном продукте», наш автор надеялся тем самым «устранить периодические, страшные промышленные кризисы»²⁾. Посмотрим же внимательнее, как доказывает Родбертус существование «железного закона» и связь его с пауперизмом и кризисами, этими «бичами», из которых последний терзает, без разбора, и исхудавшие плечи труда и «ожиревшее тело капитала».

«Если экономическая жизнь общества, — говорит наш автор, — в отношении распределения национального продукта предоставлена самой себе, то известные, связанные с развитием общества условия ведут к тому, что при возрастающей производительности общественного труда заработанная плата составляет все меньшую и меньшую часть национального продукта» (разбивка Родбертуса). Это относительное уменьшение заработной платы не всегда сопровождается уменьшением количества предметов потребления, поступающих в распоряжение рабочего. Другими словами, относительное уменьшение заработной платы

¹⁾ См. Zur Beleuchtung der socialen Frage, Zweiter Brief, S. 1.

²⁾ Zur Erkenntniss etc. S. 29.

не всегда сопровождается абсолютным ее уменьшением. Допустим, что в настоящее время каждый земледельческий рабочий производит своим трудом вдвое больше хлеба, чем производил он в прошлом столетии. Предположим также, что заработная плата его равняется пятидесяти четвертям хлеба, и что тому же равнялась она и в прошлом столетии. Тогда окажется, что, не потерпевши никакого количественного изменения, заработная плата все-таки стала представлять собою вдвое меньшую часть земледельческого продукта. Если прежде она составляла половину всего произведенного трудом работника хлеба, то теперь она будет равняться четвертой части его количества. Как часть продукта, она уменьшилась бы даже в том случае, если вместо пятидесяти четвертей хлеба она равнялась бы теперь шестидесяти или даже восьмидесяти четвертям. Только поднявшись до ста четвертей, стала бы она в прежнее отношение к общей сумме продукта, т. е., как и в прошлом столетии, составляла бы ее половину. Но Родбертус не допускает возможности подобного возвышения заработной платы в современном обществе. Вся суть социального вопроса именно в том, по его мнению, и заключается, что возрастание производительности труда не сопровождается пропорциональным ему увеличением заработной платы.

«Я убежден,— говорит наш автор,— что плата за труд, рассматриваемая, как часть продукта, падает по меньшей мере в той же, если еще не в большей пропорции, в какой увеличивается производительность труда»¹⁾.

«Вы должны согласиться,— продолжал он, обращаясь к Кирхману,— что ежели может быть доказано постоянное уменьшение заработной платы, как части продукта, то связь этого обстоятельства с пауперизмом и торговыми кризисами обнаружится сама собою».

В самом деле, благодаря относительному уменьшению заработной платы, положение рабочих классов несколько не улучшается с возрастанием национального богатства. В то время, как высшие классы общества достигают неслыханного

¹⁾ Zur Beleuchtung etc. S. 25.

прежде благосостояния, количество предметов потребления, достающихся рабочим в виде заработной платы, остается неизменным, да и это бывает, по мнению Родбертуса, лишь «в лучшем случае». Очень часто обогащение высших классов сопровождается уменьшением дохода рабочих. Такое распределение продуктов, естественно влечет за собою появление пауперизма, именно в тот период экономического развития, когда улучшенные способы производства могли бы, казалось, обеспечить благосостояние всех классов общества. Нужно помнить, что понятие о богатстве или бедности данного лица или класса — понятие относительное. Родбертус полемизирует против Адама Смита, утверждавшего, что «человек богат или беден, смотря по тому, в какой мере может он обеспечить себе удовлетворение своих потребностей, наслаждения и удобства жизни». Он справедливо замечает, что, держась данного Смитом определения, мы пришли бы к весьма странному выводу. Мы должны были бы признать, «что зажиточный немец нашего времени богаче древних королей, или даже, что в древности совсем не было богатых. Однако, богатые и бедные существовали и в самые древние времена. Поэтому, под богатством (лица или класса) нужно понимать относительную долю (этого лица или класса), в общей массе продуктов, существующей на известной стадии культурного развития народа»²⁾, независимо от того, какое количество удобств и наслаждений может доставить эта доля ее обладателю. Возрастающее обеднение рабочих классов может, следовательно, считаться доказанным, если будет доказано, что относительная доля рабочих в национальном продукте падает в той же пропорции, в какой увеличивается производительность их труда.

Перейдем к промышленным кризисам. Если заработная плата, как часть продукта, постоянно понижается, то покупательная сила рабочих классов, т. е. четырех пятых или пяти шестых всего населения, не может оставаться в соответствии с развитием производительных сил общества. Она остается на прежнем уровне, или даже уменьшается, в то

²⁾ Zur Erkenntniss, SS. 38 — 39.

самое время, когда производство достигает все более и более высокой степени развития и рынки переполняются товарами. Это ведет к затруднению сбыта, застою в делах, а наконец, и к кризисам. «Пусть не возражают мне,— говорит Родбертус,— что отнятая у рабочих покупательная сила остается в руках высших классов и должна, поэтому, с прежнею интенсивностью действовать на рынке. Продукты теряют всякую стоимость там, где не существует в них надобности. Продукт, который мог бы иметь стоимость в глазах рабочих, оказывается совершенно излишним для других классов общества и остается непроданным. В национальном производстве должна произойти временная остановка, пока скопившиеся на рынке массы товаров не разойдутся мало-по-малу и пока направление производительной деятельности не приспособится к потребностям тех, в чьи руки перешла отнятая у рабочих покупательная сила» ¹⁾.

Центром тяжести всей аргументации Родбертуса является, как видит читатель, учение его о заработной плате, как части национального дохода. Чтобы судить о верности его выводов, мы должны, разумеется, проверить основательность его посылок. Мы должны взвесить доказательства, приводимые им, во-первых, в пользу того положения, что производительность труда не только возрастала прежде, но возрастает и по настоящее время. Мы должны спросить себя, во-вторых: верно ли, что количество предметов потребления, поступающих в распоряжение рабочего класса, возрастало, по меньшей мере, не в той же пропорции, в какой увеличивалась производительность труда, а пожалуй и совсем осталось неизменным или даже упало?

Раз будут доказаны эти два положения, то учение Родбертуса о заработной плате явится вполне законным выводом из них. Мы должны будем признать, что рассматриваемая, как часть национального дохода, заработная плата, действительно, падает, в том или другом отношении к возрастающей производительности труда. Посмотрим же; на чем основывал наш автор свои «предварительные положения».

¹⁾ См. брошюру „Der Normal-Arbeitstag“, перепечатанную в „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“ 1878 года. Erstes u. zweites Heft, S. 345f

И прежде всего постараемся отделить в них несомненное от гадательного, аксиомы от гипотез, данные, твердо установленные классической экономией, от того, что нуждалось еще в доказательствах, будучи впервые высказано Родбертусом. Припомним учение Рикардо о том же предмете. Рикардо также признавал, что производительность труда не остается неизменной, но он допускал возможность ее возрастания далеко не во всех отраслях производства. Что касается фабричной обработки сырых произведений, то здесь постоянное увеличение производительности человеческого труда стоит, по его мнению, вне всякого оспаривания. Оно обуславливается «усовершенствованием машин, лучшим разделением и распределением труда и постоянно возрастающею ловкостью производителей». Не так смотрел Рикардо на земледелие. В основу его теории ренты легло убеждение в том, что производительность земледельческого труда в цивилизованных странах постоянно уменьшается, так как под влиянием возрастающего спроса в обработку поступают все менее и менее плодородные земли. Вследствие этого и цена земледельческих продуктов должна, по его учению, постоянно возрастать. А так как заработная плата должна быть достаточна «для доставления рабочим средств к существованию и продолжению своего рода»; так как, кроме того, главным предметом потребления рабочих являются произведения почвы, то и содержание их должно с течением времени становиться дороже. Отсюда он делал тот вывод, что заработная плата, как часть продукта, стремится к повышению, прибыль же «имеет естественное стремление понижаться».

Это учение Рикардо не имело, однако, ничего общего с оптимизмом Кэри, полагавшего, что буржуазные общества сумеют под эгидой покровительственного тарифа соединить возрастание производительности земледельческого труда с увеличением заработной платы, как части продукта. Автор «Начал политической экономии» стоял, напротив, гораздо ближе к Родбертусу, хотя и пришел к совершенно другому выводу, чем этот последний. «Естественная цена труда возрастает, по мнению Рикардо, в соответствии с увеличением цены на пищу и на другие необходимые предметы; она

падает в соответствии с понижением этой цены»¹⁾. Если бы, следовательно, ему было доказано, что производительность земледельческого труда возрастает, а не понижается, то он, совершенно в духе Родбертуса, сказал бы, что заработная плата, как часть продукта, «имеет стремление к понижению, а не к повышению». Но во время появления «Начал политической экономии» убеждение в том, что с возрастанием народонаселения производительность земледельческого труда постоянно уменьшается, было весьма распространенным. Многие из современных Родбертусу экономистов также принимали это положение за бесспорную истину. Милль, например, считал его «важнейшим законом в науке о народном хозяйстве». На него же опирался, в своих рассуждениях, и фон-Кирхман, с которым вступил в полемику Родбертус. Высказывая противоположное мнение, наш автор расходился, следовательно, со школой Рикардо. Собственно говоря, его убеждение в том, что производительность труда возрастает также и в земледелии, было единственным пунктом, в котором его учение о заработной плате разошлось с учением экономистов-классиков. На этот спорный пункт ему, казалось бы, и нужно было направить все силы своей критики. Но мы сказали уже выше, что рядом со школой Смита-Рикардо развилась другая школа, имевшая своим родоначальником Ж. Б. Сэя и распавшаяся со временем на несколько различных направлений. Несмотря на свои разногласия, экономисты всех этих направлений сходились в том, что каким-то чутьем угадывали, сколько хлопот наделает буржуазия, впоследствии, учение Рикардо о меновой стоимости, о заработной плате, о распределении национального дохода и т. д. Поэтому, они взапуски принялись дополнять и поправлять «односторонние» и «бессердечные» теории Рикардо. Одной из услуг, оказанных «учеными» этого пошиба «делу порядка», была, как замечает Маркс, Бастиатовская «категория услуги». С своей стороны, и так называемая историко-реалистическая школа, эта немецкая разновидность «вульгарной экономии», не мало способствовала искажению здравых политико-экономических

¹⁾ Сочинения Рикардо, выпуск I, стр. 55.

понятий. Все это привело к тому, что при защите своих «предварительных положений» Родбертус должен был начать чуть ли не с азбуки хозяйственной науки. «Повидимому, — говорит он во втором «Письме к Кирхману», — мне нужно немедленно приступить к доказательству моих двух предварительных положений, чтобы непосредственно затем показать, в какой связи стоят они с вопросом о науперизме и кризисах. Однако, дело далеко не так просто! При вашем знакомстве с современным положением теории, вы прекрасно знаете, какое множество невыясненных понятий, какое множество научных предубеждений стоит в противоречии с основным пунктом моих воззрений. Ведь теперь оспаривается даже то, что заработная плата, вообще, должна быть рассматриваема, как часть продукта! А до какой степени расходятся ходячие воззрения на природу и происхождение прибыли с основными положениями моей теории! В каком противоречии с нею находится господствующее учение о происхождении и возрастании поземельной ренты! Без преувеличения можно сказать, что весь метод, которому следовала до сих пор наша наука, затрудняет понимание положений, лежащего в основе моего объяснения экономических бедствий нашего времени»¹⁾.

Ошибочность и смутность господствующих в науке понятий обуславливается, по его мнению, прежде всего тем, что сама исходная точка рассуждений экономистов не соответствует характеру изучаемых ими явлений. Национальное хозяйство представляется им простым собранием частных хозяйств, не имеющих никакой органической связи между собою. Естественно поэтому, что индивидуум становится центром тяжести всех их рассуждений. Хозяйством и потребностями индивидуума его капиталом и доходом ограничивается все поле зрения экономистов, и эта «атомистическая точка зрения» ведет их, по мнению Родбертуса, к целому ряду противоречий. «Вместо того, чтобы исходить из признания того факта, что разделение труда связывает общество в одно неразрывное хозяйственное целое; вместо того, чтобы объяснять отдельные общественно-экономические понятия и явления с точки зрения этого

¹⁾ Zur Beleuchtung etc., S. 25.

целого; вместо того, чтобы понятия о национальном (общественном) имуществе, национальном производстве, национальном капитале, национальном доходе и его разделении на поземельную ренту, прибыль и заработную плату — эти общественные понятия — поставить во главе своих исследований и с помощью их объяснить положение и роль индивидуумов, — наука о народном хозяйстве поддалась влиянию индивидуалистических стремлений нашего времени. Она разорвала на клочки то, что, благодаря разделению труда, составляет одно социальное целое, что не может и существовать иначе, как целое; и от этих клочков, от экономической деятельности индивидуумов, она старалась возвыситься до понятия о целом. Так, например, она положила в основу своих исследований понятия об имуществе отдельного лица, не подозревая даже, что имущество человека, связанного со своими ближними посредством разделения труда, существенно различается от имущества индивидуума, ведущего изолированное хозяйство. Точно так же исходила она из понятия о ренте отдельного землевладельца, забывая, что понятие о поземельной ренте предполагает уже понятие о прибыли и заработной плате, и что обо всех этих понятиях мы можем говорить, имея в виду лишь современное общество и его доход, частями которого являются поземельная рента, прибыль и т. д.»¹⁾

Если бы экономическая наука не держалась этого ошибочного метода, она имела бы теперь, по мнению Родбертуса, совершенно другой вид, и, конечно, гораздо дальше ушла бы вперед в своем развитии.

Затронув вопрос о методе, Родбертус разошелся уже не только с «вульгарными экономистами», сомневающимися даже в том, что заработная плата представляет собою часть национального продукта. Он коснулся одного из слабых мест самой классической экономии.

Конечно, Рикардо в несравненно меньшей степени заслуживал упрека в излишнем «атомизме», чем какой-нибудь правоверный «*Freihändler vulgaris*». Автор «Начал политической экономии» отлично понимал, что, несмотря на экономическую

¹⁾ Zur Beleuchtung etc., S. 25—26.

«войну всех против всех», производительный механизм современного общества связан в «одно неразрывное целое», в котором каждый работает на всех и все на каждого. Он не сказал бы, как это и до сих пор говорят некоторые экономисты, что современное общество есть «собрание индивидуумов и семейств», обменивающихся между собою излишек своих продуктов. Выработанная же окончательно Рикардо теория распределения национального дохода легла потом в основу учения самого Родбертуса. Но экономисты-классики, не исключая и Рикардо, были до такой степени детьми своего времени, что не допускали даже и мысли о возможности существования экономических отношений, непохожих на буржуазные. Общественное хозяйство античных государств, организация производства и распределения в далеком будущем, даже жизнь первобытных, диких племен — представлялись им более или менее яркими копиями экономической жизни современной им Англии или Франции. Они допускали еще, что лэндлорды существовали не на всех ступенях общественного развития; но без капиталистов и пролетариев они не могли вообразить себе даже охотничьего племени. Они считали — чтобы употребить выражение Родбертуса — «делом природы то, что было лишь делом истории». В своих сочинениях они часто приглашали читателя вообразить себе капиталиста-охотника, рыбака-рабочего и тому подобные, будто бы поясняющие дело, примеры. Но само собою разумеется, что эта «*Ur Fischer-Methode*», как называл ее Ланге, только затрудняла понимание господствующих в капиталистическом обществе отношений. Еще более затрудняла она — или, вернее, делала совершенно невозможным — понимание исторического значения капитализма, как одного из фазисов экономического развития человеческих обществ.

Как человек, задавшийся целью «провести резкую черту различия между логическими и историческими категориями во всех частях экономической науки», Родбертус не мог не заметить указанной ошибки экономистов-классиков. Он понял, что хозяйственный строй всякого данного общества есть результат длинного процесса развития, и, как всякое «дело истории», изменяя не только в количественном, но и в

качественном отношении. Он видел также, в каком направлении должны совершаться эти изменения. «Целый мир лежит между двумя понятиями: капитал сам по себе, и капитал, составляющий частную собственность (Privatkapital)! — восклицает он в одном из писем своих к Вагнеру. — Чтобы выяснить себе существующее между ними различие, нужно припомнить античное общество, в котором люди (т. е. рабы) также принадлежали к капиталу частных лиц; затем нужно представить себе следующий всемирно-исторический период, в котором только земля и капиталы являются объектами частной собственности и в котором средства существования работников еще принадлежат к капиталу частных предпринимателей; наконец, нужно выяснить себе будущий период, в котором объектами частной собственности будут лишь предметы потребления, почва же и продукт национального производства, пока он не сделался еще доходом, составят собственность всего государства»¹⁾. Только уяснив себе различие в хозяйственной организации этих трех «следующих один за другим» периодов, можно, по мнению Родбертуса, увидеть совершенно ясно, что такое капитал сам по себе (или капитал в логическом смысле этого слова) и что такое капитал, составляющий частную собственность (или капитал в историческом смысле этого слова). Так как классическая экономия даже и не подозревала, что эти два понятия могут не совпадать между собою, то все ее исследования ограничивались только одним из названных всемирно-исторических периодов, именно современным, буржуазным периодом. Естественно было поэтому, что на многие явления этого периода она смотрела не так, как взглянул на них Родбертус, утверждавший, что он «слышит уже приближение новой эры». Считая «делом природы» то, что было лишь «делом истории», экономисты-классики не могли воспользоваться сравнительным методом, с помощью которого Родбертус надеялся выяснить характеристические особенности каждого из «всемирно-исторических периодов». Поэтому, когда наш автор пришел к вопросу о том, в каком же порядке должны быть расположены различные части экономической

¹⁾ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, S. 219—320.

науки, он не мог признать удовлетворительным план, принятый его предшественниками. Современная политическая экономия казалась ему «простым учением о природе обмена». Это учение нужно было, по его мнению, отнести к первой части науки, выясняющей законы «производства, распределения и потребления продуктов» в современном обществе. За нею логически следовала бы вторая часть, «указывающая те опасности, которыми может угрожать обществу дальнейшее развитие его экономических отношений, при сохранении нынешних правовых учреждений». Наконец, предметом третьей и последней части экономической науки должен был явиться вопрос о мерах, с помощью которых общество могло бы избежать этих опасностей.

Всякий знакомый с сочинениями буржуазных экономистов знает, как мало задумывались они о мерах, могущих отвратить тревожившие Родбертуса «опасности». Они полагают, что меры эти должны находиться в ведении «исполнительной власти», которая, с своей стороны, не могла предложить ничего, кроме осадного положения и военной диктатуры. Правда, катедер-социалисты немало толкуют теперь об «обязанностях государства» по отношению к рабочему классу, но мы знаем уже, что наш автор называл предлагаемые ими меры «ромашкой, которая не может не только исцелить, но даже и облегчить социальный вопрос». Излишне прибавлять, поэтому, что ни «вторая» ни «третья» части науки, в том смысле, как понимал их Родбертус, не находили себе места в сочинениях его предшественников. Самое «учение о природе обмена» понимали они далеко не так, как понимал их автор «Социальных писем к Кирхману». Мы видели уже, с какою горячностью нападал он на «атомистическую точку зрения» буржуазных экономистов. По его мнению, экономическая наука «должна была бы исходить из понятий о национальном труде и национальном имуществе, понимая под национальным или общественным трудом кооперацию всех единичных сил, связанных путем разделения труда в одно неразрывное целое; под национальным имуществом — сумму всех единичных имуществ данной нации, также связанных в одно неразрывное целое благодаря потреблению плодов национального

труда». Затем она должна была бы перейти к оценке влияния, оказываемого разделением труда на организацию национального производства. Она должна была показать, как при производстве любого продукта общественный труд подразделяется на добывание сырья, фабричную его обработку и наконец перевозку, и как, в свою очередь, эти большие отрасли национального производства дробятся на отдельные предприятия. Соответственно разделению общественного труда на добывание сырья и его обработку нужно было бы установить различие той части национального имущества, которая заключается в национальной почве, от той, которая представляет собою национальный капитал, т.-е. продукт, предназначенный для дальнейшего производства и распределенный между различными предприятиями. Далее необходимо было бы сопоставить понятие о национальном капитале с понятием о национальном продукте, как о результате национального производства, полученном в течение определенного времени. Уяснив себе понятие о национальном продукте, нужно было бы показать, как одна часть его идет на восстановление потребленного в производстве капитала, другая же—служит для удовлетворения непосредственных потребностей всего общества и отдельных его членов и в этом виде представляет собою национальный доход. От понятия об этом последнем оставался бы затем один только шаг до понятия о национальном богатстве, величина которого определяется степенью производительности общественного труда. «После этого анализа общих политико-экономических понятий и их взаимной связи нужно было бы,—прибавляет Родбертус,—показать, в какой зависимости стоят организация и ход национального производства, равно как и распределение его продуктов, от существующих в обществе правовых учреждений».

Еще в первом своем сочинении наш автор совершенно верно заметил, что «правовая идея и экономическая необходимость издавна шли рука об руку»¹⁾. Он поступил бы поэтому последовательнее, если бы постарался обнаружить связь между современными правовыми учреждениями, с одной

¹⁾ „Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände“, 75 в приложении.

стороны, и вызвавшей их к жизни экономической необходимостью—с другой. От такого выяснения много выиграл бы им же самим поднятый вопрос о мерах, способных устранить «недостатки современной общественно-экономической организации». Тогда было бы видно, какие учреждения уже отжили свой век и какие, напротив, продолжают соответствовать общественным потребностям. Критерием явилась бы, в этом случае, та самая экономическая необходимость, «рука об руку» с которой «издавна шло» и всегда будет идти развитие правовой идеи.

Родбертус избрал, к сожалению, обратный путь. Он решился искать в правовых учреждениях объяснения общественно-экономических явлений и тем не только отнял у себя возможность найти это объяснение, но и лишил себя единственного разумного критерия для оценки самих «правовых учреждений». Вместо объяснения, ему пришлось ограничиться простым описанием экономической жизни общества на различных стадиях ее развития. Впрочем, вредное влияние закраившейся в рассуждения Родбертуса непоследовательности отразилось более всего на его «практических предложениях». Сделанное же им описание общественно-экономических явлений, которое, повторяем, он принимал за объяснение этих явлений, имеет и само по себе большой интерес и потому заслуживает полного внимания читателя. Интерес этот обуславливается тем, что, верный своему взгляду на «исторические категории», Родбертус сопоставил, в своем описании, хозяйственный строй современного общества с той организацией производства и распределения, которая должна, по его мнению, иметь место в «будущем всемирно-историческом периоде».

Для оценки влияния, оказываемого правовыми учреждениями на экономическую жизнь общества, нужно,—говорит наш автор,—прежде всего иметь в виду важнейший правовой институт нашего времени—частную собственность на землю и капиталы. В самом деле, национальное производство и распределение его продуктов приняли бы совершенно иной вид, если бы земля и капиталы составляли собственность не частных лиц, а всего общества. Тогда не было бы, конечно, частной собственности на орудия труда, но что касается до

распределения продуктов, то оно не должно было бы непременно происходить на коммунистических основаниях. Предметы потребления продолжали бы составлять частную собственность благодаря тому, что продукты общественного труда распределялись бы между отдельными лицами, согласно с участием этих лиц в национальном производстве. При таком порядке вещей доход каждого члена общества зависел бы лишь от количества затраченного им труда, и собственность не только не была бы уничтожена, но, напротив, была бы «окончательно приведена к ее первоначальному и истинному принципу»¹⁾. Устроенное на таких основаниях общество не объявило бы, по примеру Прудона, что «собственность есть кража», оно — и только оно — предохранило бы, наоборот, собственность от «кражи»²⁾.

Против вышеизложенных оснований распределения продуктов обыкновенно возражают, что производительность труда различных работников никогда не бывает одинакова: один работник может в два часа сделать больше, чем другой в четыре — утверждают экономисты. Кроме того, иногда говорят, что невозможно сравнить труд работников, занятых в различных отраслях производства. Луи Рейбо в своих «Etudes sur les réformateurs» удивляется, каким образом такой умный человек, как Оуэн, мог притти к «нелепой мысли» сравнить труд сапожника с совершенно будто бы несходным с ним трудом булочника или ткача. «Но если противники этой системы, — говорит Родбертус, — не имеют против нее других аргументов, кроме того, что производительные способности работников неодинаковы, то возражения их стоят очень немного»³⁾.

Труд данного работника всегда может сравниваться и соизмеряться с трудом других работников, занятых в различных отраслях производства. Для этого нужно при установлении «нормального рабочего дня» определить то среднее количество продукта, которое производят, обыкновенно, работники данной отрасли труда. Рабочий, сделавший менее этого среднего

¹⁾ „Zur Beleuchtung etc.“, S. 28.

²⁾ Ibid., S. 150.

³⁾ См. „Zeitschrift für die ges. Staatswissensch.“, S. 337.

количества, получил бы менее, чем за целый рабочий день, и наоборот, сделавший более, получил бы, согласно с этим, право на большее вознаграждение. Считалось бы, что один трудился, например, в продолжение $\frac{7}{8}$, между тем как другой в течение $\frac{5}{6}$ нормального рабочего дня.

Кроме того, нужно было бы принять в соображение степени интенсивности и утомительности труда в различных отраслях производства. Если, положим, труд углекопа утомительнее труда ткача, то пришлось бы поставить, что рабочий день углекопа должен быть на несколько часов короче. Несмотря на свою большую продолжительность, рабочий день ткача должен был бы считаться равноценным рабочему дню углекопа, так как работа последнего требует большего напряжения сил. Проработавши установленное для каждого из них время, углекоп и ткач имели бы право на получение одинакового количества продуктов из общественных магазинов. Родбертус не отрицает, что определение средней производительности и интенсивности труда в каждой отрасли производства было бы делом далеко не легким. Но он считает вполне устранимыми все могущие встретиться на этом пути практические затруднения. Вообще, он не сомневается в возможности осуществить такого рода организацию производства и распределения, в которой доход каждого отдельного лица соответствовал бы участию этого лица в общественном труде. Важнее всех технических затруднений был бы вопрос о нравственной подготовленности народа для таких общественных отношений. Все дело зависит, по мнению Родбертуса, от того, «достаточно ли развит народ, чтобы по свободному побуждению принимать участие в национальном труде, или, что то же, в национальном прогрессе, не видя перед собою того бича бедности, которым современная частная собственность на землю и капиталы выгоняет его на работу»¹⁾.

Наш автор справедливо полагает, что экономисты много выиграли бы в понимании хозяйственной жизни современного общества, если бы они постарались ясно представить себе все те изменения в организации производства и распределения,

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 28.

которые явились бы следствием «приведения собственности к ее первоначальному принципу». Но предшественники Родбертуса, в огромном большинстве случаев, не только не интересовались «первоначальным принципом собственности», но и вообще полагали, что рассуждать о подобных «принципах» — дело юриста, а не политико-эконома. Как мы сказали уже выше, экономисты считали буржуазный строй последним или, вернее, единственно возможным шагом в развитии человечества и не могли даже представить себе никаких серьезных изменений в экономических отношениях современной Европы. Родбертус, принадлежавший к числу немногих экономистов, «слышавших приближение новой эры», должен был сам взяться за решение всех тех вопросов, которые относятся к экономии «будущего всемирно-исторического периода». Ему пришлось приняться за обработку почти совершенно невозделанного экономистами поля, т. е. за изображение экономической деятельности того гипотетического общества, которое взяло бы в свое непосредственное заведывание все средства производства.

В таком обществе все экономические явления приняли бы характер совершенно отличный от современного. Организация производства изменилась бы, прежде всего, в том отношении, что для заведывания производительной деятельностью и для приведения ее в соответствие с общественными потребностями необходимо было бы существование особого учреждения. Задачу этого учреждения, говорит наш автор, составляло бы целесообразное употребление в дело национального имущества. В современном же обществе, в котором национальное имущество дробится между частными лицами, место такого рода учреждения занимает интерес собственников и предпринимателей. Он побуждает их производить лишь продукты, находящие себе сбыт на рынке, т. е. удовлетворяющие потребности всего общества или известной его части.

Обращение орудий и объектов труда в коллективную собственность придало было также новый вид тому переходу продуктов из одной отрасли производства в другую и тому передвижению их с места на место, которые обуславливаются разделением общественного труда. Читателю известно, что

самая обыкновенная вещь домашнего обихода, прежде чем быть готовой для употребления, претерпевает целый ряд разнообразнейших метаморфоз. Она появляется на свет в виде сырого материала и путешествует в таком виде в тот или другой промышленный центр, чтобы подвергнуться фабричной обработке. Здесь она переходит из одной отрасли производства в другую, пока не получит окончательной отделки и не отправится, наконец, на место сбыта. В современном обществе этим метаморфозам продуктов соответствует переход их через руки целого ряда предпринимателей, оптовых и мелких торговцев, а следовательно и целый ряд продаж и покупок. «От начала до конца, — говорит Родбертус, — от производства сырья до окончательной выделки предметов потребления обмен продуктов представляет собою в настоящее время длинную цепь передач и отчуждений собственности, совершаемых при посредстве денег».

Не так происходило бы дело в нашем гипотетическом обществе с его центральным учреждением, заведующим всем ходом производства. В таком обществе каждый продукт представлял бы собою национальную собственность вплоть до окончательной своей отделки. И тогда достаточно было бы предписания названного центрального учреждения, чтобы передавать его из одной отрасли производства в другую и доставить, наконец, потребителю. То же центральное учреждение должно было бы озаботиться тем, чтобы из общей суммы национального продукта отделить часть, необходимую для восстановления затраченного в производстве капитала. Только после вычета этой части национальный продукт стал бы национальным доходом и служил бы для удовлетворения потребностей как общества, так и отдельных его членов. «В настоящее же время, — говорит Родбертус, — место этой предусмотрительности центрального учреждения занимает интерес владельцев капитала или предпринимателей. Их собственные выгоды побуждают их браться только за такие предприятия, которые, по замещении капитала, дают им известный излишек, называемый прибылью».

Если мы теперь от производства перейдем к распределению, то здесь наше гипотетическое общество представит еще более

своеобразные особенности, соответственно предположенным нами изменениям в отношении людей к вещам. Раз был бы установлен тот правовой принцип, по которому доход каждого члена общества определяется участием его в производстве, то национальный продукт уже не поступал бы в раздел между землевладельцами, капиталистами и работниками, как это имеет место в настоящее время. Он составлял бы тогда достояние одних рабочих. Каждый член общества получал бы свидетельство, удостоверяющее, что он затратил известное количество труда. Предъявивши это свидетельство в государственные магазины, он получил бы в обмен необходимые для него предметы потребления. И эти предметы потребления составляли бы такую же неотъемлемую собственность его, какую является заработная плата по отношению к современным рабочим. Но заработная плата определяется теперь не количеством затраченного работником труда: она испытывает на себе влияние рыночной конкуренции, понижающей ее до уровня насущнейших потребностей трудящихся. Вся же разность между заработной платой и стоимостью произведенного работником продукта остается в руках землевладельцев и капиталистов и, за вычетом части, необходимой для восстановления капитала, делится между ними на основании особых экономических законов.

Выяснивши влияние правовых учреждений на распределение продуктов, следовало бы, по мнению Родбертуса, обратить внимание на то, каким образом распределение влияет, в свою очередь, на направление общественного производства. Для этого опять нужно было бы держаться сравнительного метода: нужно было бы посмотреть, как происходит дело в настоящее время и как происходило бы оно в обществе, установившем коллективную собственность на землю и капиталы.

И в том и в другом случае направление производства не может не сообразоваться с потребностями лиц, участвующих в разделе национального продукта. Но в обществе, взявшем в свое непосредственное заведывание все средства производства, это последнее сообразовалось бы с потребностями только тех лиц, которые получили благодаря своему труду право

на требование из общественных магазинов известного количества продуктов. В настоящее же время направление производства определяется потребностями не одних только трудящихся, но также капиталистов и землевладельцев.

Интерес предпринимателей заставляет их сообразоваться с покупательной силой всех трех классов современного общества. Таким образом, чем большая часть стоимости национального продукта поступит в распоряжение одного из этих классов, тем большая часть производительных сил страны будет занята приготовлением необходимых для него предметов потребления. Этим и объясняется, по мнению Родбертуса, то обстоятельство, что теперь часто «строят блестящие пассажи в то время, как рабочие не имеют здоровых жилищ... На рынок доставляется лишь то, за что можно получить деньги. Богатые фланеры могут оплачивать содержание роскошных пассажиров, рабочие же, получающие ничтожную плату, не могут заплатить за постройку здоровых жилищ»¹⁾ и потому должны довольствоваться нездоровыми.

На основании всего выказанного нетрудно также убедиться в том, что так называемое сбережение, которое, как известно читателю, вменяется в заслугу современным капиталистам, есть особый способ увеличения национального капитала, обусловленный существованием частной собственности на землю, материалы и орудия труда. При других же обстоятельствах увеличение национального капитала могло бы, по мнению Родбертуса, достигаться путем кредита²⁾.

Выяснивши, таким образом, значение общих экономических понятий, обнаруживши влияние правовых учреждений на движение производства и распределение продуктов, нужно было бы, — продолжает наш автор, — перейти к вопросу об

¹⁾ Zeitschrift für die ges. Staatswiss., 345.

²⁾ К „теоретикам сбережения“ (Spartheoretikern) Родбертус обращается с следующими словами Гейне:

Ich kenne die Weise, ich kenne den Text,
Ich kenn' auch die Herrn Verfasser,
Ich weiss, sie trinken heimlich Wein
Und predigen öffentlich Wasser.

См. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth der Grundbesitzer, II, s. 294, в примечаниях.

изменении производительных сил общества. Изменение это может произойти двояким образом. Во-первых, благодаря распашке новых земель, расширению фабричной деятельности, увеличению народонаселения и т. д., национальный продукт может возрасти в том или другом количественном отношении. Сумма производимых в обществе предметов потребления может, например, удвоиться, но для приготовления каждого из этих предметов может требоваться не меньшая, чем прежде, затрата человеческого труда. Национальное производство расширится, но в способах его не окажется никакого улучшения. Земледельческая культура, фабричная техника и пути сообщения останутся, следовательно, на той же ступени развития, на которой находились и прежде. Такой случай Родбертус называет увеличением суммы производительных сил.

Но может случиться, что при таком же, как и прежде, количестве рабочих сил, при той же площади обрабатываемых земель, словом, при той же сумме производительных сил, на выделку каждого предмета в отдельности потребуется меньше времени, чем нужно было прежде. Это может произойти вследствие улучшений в способах производства, изобретения новых машин и т. п. В результате каждого дня работы окажется большее, чем прежде, количество продуктов, и национальный доход возрастет, потому что возрасла производительность труда.

Именно этот второй путь изменения производительных сил страны и ведет к увеличению национального богатства. Под национальным богатством понимают, обыкновенно, отношение национального имущества к общей цифре народонаселения. А это отношение будет, разумеется, тем благоприятнее для общества, чем большее количество продуктов произведет каждый работник в единицу времени, т. е. чем производительнее будет труд этого работника. Но Родбертус не смешивает, — как это умышленно делали буржуазные экономисты, — понятия о национальном богатстве с понятием о благосостоянии большей части членов общества. По его мнению, между этими двумя понятиями существует огромная разница, и, чтобы лучше оттенить ее, он снова берет в пример гипотетическое общество, обратившее землю

и капиталы в национальную собственность. В таком обществе доход каждого члена был бы, как мы знаем, прямо пропорционален участию его в общественном труде, и увеличение национального дохода действительно повело бы к улучшению положения всех трудящихся. В настоящее же время, при господстве того экономического закона, который понижает заработную плату до уровня насущнейших потребностей рабочего, возрастание производительности национального труда ведет, по мнению Родбертуса, к обогащению одних только капиталистов и землевладельцев.

После того, как изучено было бы влияние производительности труда на благосостояние различных классов общества, экономисты должны были бы перейти к вопросу о финансовом хозяйстве и о налогах, и показать влияние этих последних на движение производства и распределение национального продукта. Это и составило бы предмет последнего отдела первой части экономической науки, «соответствующей современному учению о природе обмена».

«Если бы, — говорит Родбертус, — в науке держались этого метода, если бы переходили, таким образом, с целого к его частям, то избежали бы очень многих из существующих в ней теперь предрассудков. Тогда была бы подготовлена почва для понимания тех обстоятельств, в которых я вижу причину кризисов и пауперизма. Тогда я мог бы, для обоснования своих положений, прямо перейти к доказательству того, что производительность труда возрасла, между тем как заработанная плата не увеличилась или даже упала. После этого мне оставалось бы только показать, что названные выше бедствия составляют необходимое следствие понижения заработной платы, как части национального продукта. Теперь же я вынужден к набросанному мною очерку лучшего метода прибавить соответствующую ему теорию, по крайней мере, распределения национального продукта»¹⁾.

Эта «из самой жизни заимствованная» теория распределения и представляет собою то, что может быть названо экономической теорией Родбертуса, в собственном смысле этого слова.

¹⁾ Zur Beleuchtung der sozialen Frage S. 32.

III.

Учение Родбертуса о причине кризисов и пауперизма так и осталось незаконченным. Ни в одном из своих появившихся в печати сочинений Родбертус не перешел еще к доказательству того «предварительного положения», что «заработанная плата не увеличилась или даже упала», несмотря на колоссальное возрастание производительного труда. Правда, положение это составляло вполне логичный вывод из того закона заработной платы Тюрго-Рикардо, который, по справедливому замечанию Brentano, «признается всеми серьезными экономистами», а оспаривается, заметим мы мимоходом, только некоторыми представителями «историко-реалистической школы». Но в экономической науке, так же, как и в науках естественных, дедукция должна и может стоять в тесной связи с индукцией, и добытые путем вывода положения должны быть проверены на фактах. Разумеется, в социальной науке, невозможен опыт, составляющий такой могучий рычаг в развитии некоторых отраслей естествознания, но история и статистика представляют собою обширное поле для наблюдения, играющего не менее важную роль в точных науках. Чтобы поставить вне всякого сомнения свое учение о заработной плате, Родбертус должен был проверить, на основании данных статистики и истории, вывод, сделанный им из закона Тюрго-Рикардо. Это тем более было необходимо, что Рикардо знал, как известно, только «цветочки» капитализма, «ягодки» же его начали поспевать в половине нашего века. Перед глазами современников Родбертуса развертывалась гораздо более яркая картина положения рабочих классов в капиталистическом обществе, и они должны были пополнить, так или иначе, теорию Рикардо. Родбертус хорошо сознавал эту необходимость, и, как видно из писем его к архитектору Петерсу, его учение о заработной плате опиралось не на одну только дедукцию. «Сила машин в современной Англии, — говорит он в одном из этих писем, — равняется, по крайней мере, силе 600 миллионов работников. В 1800 году она не превышала силы 50 миллионов рабочих. На основании истории распределения национального дохода

Англии с 1800 года и разделения его на заработную плату, поземельную ренту и прибыль, мне удастся, как я надеюсь, доказать, что продукт труда 550 миллионов неутомимых, день и ночь трудящихся, деревянных и железных работников ни на йоту не увеличил собою общей суммы заработка живых работников, но целиком был поглощен поземельной рентой и прибылью». К сожалению, занятый борьбой против укоренившихся в науке «предрассудков» Родбертус не успел окончить своего опыта о распределении дохода в Англии, этой классической стране капитализма. С этого опыта только и началось бы, строго говоря, доказательство учения его о заработной плате, которому он считал нужным предпослать изложение правильной теории распределения.

Что касается учения Родбертуса о распределении продуктов в современном обществе, то оно, действительно, явилось лишь «последовательным выводом» из основных положений школы Рикардо во всех своих частях, кроме теории поземельной ренты. Мы сказали уже выше, что из всех воззрений Рикардо только учение его о производительности земледельческого труда противоречило теории кризисов и пауперизма Родбертуса. Так понимал, повидимому, свое отношение к Рикардо и сам Родбертус. В письме к Ад. Вагнеру от 20-го июня 1872 года он говорит, что теория поземельной ренты Рикардо несогласима с его учением о пауперизме и кризисах только в одной (и даже не существенной) своей части, — в той именно части, где высказывается убеждение, что земледельческий труд становится все менее и менее производительным, и пища становится поэтому все дороже. «Мое же учение, — продолжает он, — основывается на совершенно обратном положении: я утверждаю, что земледельческий труд становится все более и более производительным, и что цена пищи, измеряемая трудом, постоянно падает»¹⁾. Но в своих учениях Родбертус не ограничился, к сожалению, опровержением этой «несущественной части» учения Рикардо о ренте. Он отнес к числу научных «предрассудков» все это учение и решился противопоставить ему свою собственную

¹⁾ Zeitschrift für die gesam. Staatswissen., S. 234.

каждый из них в отдельности перенесется только одна десятая часть стоимости орудия. Таким образом, стоимость каждого из них будет равняться, во-первых, десятой части стоимости орудия, к которой нужно прибавить, во-вторых, труд, затраченный на приведение орудия в действие во время производства. Если мы этот труд обозначим через *m*, а труд, необходимый для приготовления орудия, через *n*, то у нас получится следующая формула стоимости нашего предмета:

$$x = m + \frac{n}{10}$$

До сих пор мы предполагали, что имеем дело с человеком, ведущим совершенно изолированное хозяйство. Для простоты примера было допущено, что трудящийся сам выделяет необходимые для него орудия и сам же подвергает существующий в природе материал всем последовательным видам обработки. Но известно, что таких Робинзонов в действительности не существует. Уже на самых низших ступенях развития человеческих обществ в их среде замечается известное разделение труда, делающее возможной кооперацию нескольких производителей. Затем появляется частная собственность, обнаруживаются имущественные неравенства, земля и орудия производства скопляются в руках высших сословий. Спрашивается, не вносит ли этот ход развития человеческих обществ каких-либо ограничений в то положение, что «все продукты стоят труда и только труда»? Если это положение верно для человека, ведущего изолированное хозяйство, то не возникают ли, с течением времени, какие-нибудь другие элементы, которые рядом с трудом входили бы составною частью в стоимость продуктов? Известно, что этот вопрос был поводом ожесточенных споров между различными школами экономистов. Каждая из них отвечала на него по-своему, и каждая утверждала, что она развивает лишь учение Ад. Смита об этом предмете. И нужно сознаться, что Смит выражается по этому поводу так сбивчиво и неопределенно, что, действительно, мог поддерживать своим авторитетом самые противоположные мнения.

По словам Родбертуса, вышеприведенная «истина не изменяется ни вследствие разделения труда, ни вследствие того,

что людям удается, с течением времени, с меньшим количеством усилий производить большее количество продуктов»¹⁾.

Разделением труда обуславливается лишь то обстоятельство, что над производством каждого данного продукта трудится уже не одно, а несколько лиц. Продукт стоит, в таком случае, труда всех тех рабочих, через руки которых он проходил на различных стадиях его приготовления. Если к труду этих работников прибавить ту часть стоимости, которую утратили употреблявшиеся ими орудия, то мы получим полную стоимость данного продукта. А так как орудия производства, в свою очередь, «стоят труда и только труда», то мы должны признать, что теперь — как и в изолированном хозяйстве — в стоимость продуктов не входит никаких элементов кроме человеческой работы.

Точно также не изменяется сущность дела и с возникновением частной собственности на землю и капиталы. Оно ведет лишь к тому, что производители не трудятся более для себя, но работают на землевладельцев и капиталистов. Поэтому и продукт труда принадлежит уже этим последним, между тем как рабочие получают, если они пользуются личной свободой, известное вознаграждение в виде заработной платы. Но продукты не перестанут быть результатом их труда и только их труда. Конечно, землевладельцы и капиталисты могут и сами принимать участие в труде их работников, и тогда продукты будут результатом, между прочим, и их труда. Но они выступают, в таком случае, уже в качестве работников, а не в качестве капиталистов и землевладельцев. Продукты будут результатом «их труда, а не почвы их или капиталов»²⁾. Словом, все, что составляет доход собственников, поземельная рента и прибыль на капитал, представляет собою такой же продукт труда, как и заработная плата.

«Все передовые экономисты согласны между собою в этом отношении, — говорит Родбертус, — хотя они и держатся различных взглядов на правомерность существования ренты и прибыли». Даже Бастиа и Тьер признают, что рента и прибыль составляют продукт труда. Но, по мнению этих последних,

¹⁾ Zur Beleuchtung etc., S. 71.

²⁾ Zur Beleuchtung, S. 71.

бы до надлежащего уровня. Так, подобно маятнику, вечно колеблется рыночная цена продуктов то в ту, то в другую сторону, никогда, быть может, не совпадая, но всегда стремясь совпасть с точкой покоя, т.-е. с «естественной» их ценою.

Таково общее правило. Но известно, что на всякое правило есть исключения. «В частностях, т.-е. в каждом данном ремесле и на каждой данной ступени разделения труда, продукты не всегда могут обмениваться,— говорит Родбертус,— на точном основании заключающегося в них количества труда»¹⁾. Эти отклонения от нормы вызываются, по его мнению, двумя причинами:

1) тем, что прибыль капиталистов «имеет, по крайней мере, тенденцию сделаться равной во всех предприятиях»;

2) тем, что меновая стоимость продуктов данного рода определяется количеством труда, необходимого на их производство в тех именно предприятиях, которые вынуждены работать при наименее благоприятных условиях.

Остановимся сначала на первой из этих причин. Читателю известно, как определяется уровень прибыли промышленных предприятий: сумма, так называемого, чистого дохода делится на общую сумму предпринимательского фонда. Если фабрикант затратил на свое предприятие 100.000 рублей и получил 20.000 руб. чистого дохода, то прибыль будет равняться пятой части его капитала, или, иначе сказать, он получит 20% прибыли на свой капитал. Предположим теперь, что два предпринимателя «работают» в двух различных отраслях промышленности. Допустим также, что каждый из них «дает работу» одинаковому числу «рук» и что «руки» эти затрачивают в течение рабочего дня одинаковое количество труда в каждой из этих отраслей промышленности. Тогда один из элементов общей стоимости продуктов — труд непосредственно занятых в производстве работников — будет также одинаков в обоих предприятиях. Если мы предположим, кроме того, что каждый из наших предпринимателей употребляет машины одинаковой стоимости и одинаковой прочности, то в обоих предприятиях на продукт перенесется одинаковая

¹⁾ Zur Erkenntniss etc., S. 130.

стоимость с орудий труда. Но в обществах, основанных на разделении труда, существует еще третий элемент меновой стоимости продуктов: стоимость материала, из которого они готовятся. Мы говорили выше, что первоначальный материал дается человеку самой природой и потому не может быть рассматриваем с точки зрения стоимости. Поэтому, мы просим читателя обратить внимание на то, что теперь речь идет уже не о первоначальном материале. Известно, что при разделении общественного труда один и тот же предмет является продуктом по отношению к одной отрасли производства и материалом по отношению к другой. Каменный уголь, например, может назваться продуктом труда рабочих, добывающих его в шахтах, и материалом — по отношению к рабочим газовых заводов; полотно есть продукт труда ткача, материал — для труда швеи и т. д., и т. д. Мы знаем также, что при современных общественных отношениях переход продуктов из одной отрасли производства в другую, т.-е. с одной ступени обработки на другую, более высокую, «представляет собою длинную цепь передач и отчуждений собственности, совершаемых при посредстве денег». Чем больше ступеней обработки прошел известный продукт, тем он дороже, потому что тем большее количество труда он, по выражению Родбертуса, «в себе заключает». Если взятые нами для примера два предпринимателя нуждаются в материале различной степени обработки, то и стоимость этого материала будет неодинакова: одному из них придется заплатить за него, положим, 50.000 р., другому — 100.000 или более. Разумеется, стоимость материала перенесется на продукт и составит, рядом с двумя указанными выше, третий элемент его меновой стоимости. Благодаря неодинаковым затратам на материал, валовой доход наших предпринимателей будет, следовательно, неодинаков. Первый выручит меньшую, второй — большую сумму за свой продукт. Что же касается чистого дохода, то на него стоимость материала не может оказать влияния, если только продукты обмениваются сообразно «количествам труда, необходимого на их производство». В самом деле, ни материал, ни орудия труда не создают новой стоимости. Ее создает только живой

человеческий труд. Стало быть, секрета чистого дохода мы должны искать в труде занятых производством продуктов рабочих. И действительно, ларчик открывается именно с этой стороны. Чистый доход предпринимателей обязан своим существованием единственно тому, что рабочие получают, в виде заработной платы, стоимость значительно меньшую, чем та, которую они создают своим трудом и прибавляют, таким образом, к стоимости материала. Ниже мы еще вернемся к этому предмету, а теперь обратим внимание на «барыши» наших предпринимателей. Каждый из них «дает работу» одинаковому числу «рук». Каждый удерживает, при равной продолжительности и интенсивности работы и равной заработной плате в обоих предприятиях, одинаковую часть стоимости произведенных этими «руками» продуктов. Чистый доход их будет, следовательно, одинаков. Но один из них должен был сделать большие затраты на материал, чем другой. Поэтому, равный в обоих предприятиях чистый доход не будет стоять в одинаковом отношении к общей сумме издержек каждого из наших предпринимателей. Он будет составлять, положим, четвертую часть издержек одного и только пятую часть издержек другого предпринимателя, которому пришлось употреблять в дело более дорогой материал. Первый получил 25% прибыли на затраченный им капитал, между тем как второму удастся «заработать» только 20%. Но какой же предприниматель согласится затрачивать свой капитал в менее выгодной отрасли промышленности? Разумеется, никакой, если только не существует законодательных постановлений, стесняющих переход от одного занятия к другому. Поэтому, Родбертус и полагает, что меновая стоимость продуктов не всегда «зависит от сравнительного количества труда, необходимого на их производство». Продукты тех отраслей производства, которые обрабатывают более дорогой материал, всегда должны, по его мнению, продаваться по цене, несколько превышающей эту норму. И это отклонение от общего правила должно быть достаточно для того, чтобы во всех отраслях промышленности отношение чистого дохода к общей сумме издержек предприятия было одинаково или, другими словами, чтобы уровень прибыли стоял на одной высоте.

Перейдем теперь ко второму из указанных Родбертусом ограничений общего закона меновой стоимости.

Увеличение спроса на продукты известного рода вынуждает, конечно, к расширению производства этих продуктов. При этом может случиться, что добавочное их количество потребует большей затраты труда, чем нужно было прежде для производства равного ему количества этих продуктов.

По мнению Родбертуса, стоимость всех находящихся на рынке продуктов этого рода должна возрасти пропорционально увеличению трудности производства добавочного их количества. Так, например, Рикардо утверждал, что с развитием общества производство сельскохозяйственных продуктов может расширяться только на счет худших участков земли. Если бы он был прав, то меновая стоимость хлеба постоянно возрастала бы, в зависимости от большей трудности производства его на менее плодородных участках. Вследствие этого, хлеб, снятый с лучших участков, приобрел бы стоимость, несколько превышающую количество труда, затраченного на его производство. Другими словами, при обмене этого хлеба, например, на фабричные продукты, за него давали бы количество этих продуктов, стоившее большего труда, чем стоит он обладателю плодородного участка. Но если за продукт трех дней труда на лучшем участке дают продукт четырех дней фабричного труда, то один день фабричного труда создает стоимость, равную только трем четвертям дня работы на названном участке. Таким образом, «нарушение общего закона меновой стоимости по отношению к какому-нибудь продукту оказывает обратное действие на стоимость тех продуктов, на которые этот продукт обменивается».

Но этим исключениям не нужно придавать преувеличенного значения. «Они доказывают только, что общий закон меновой стоимости применим не во всех частных случаях, но не опровергают его верности в общем»¹⁾.

Частные отступления уравнивают друг друга, и меновая стоимость предметов не перестает «зависеть от сравнительного количества труда, необходимого на их производство».

¹⁾ Zur Erkenntniss, S. 132.

Нельзя, например, утверждать, — как это, не без задней мысли, делали некоторые экономисты, — что меновая стоимость всякого продукта несколько превышает количество затраченного на его производство труда. Такого рода превышение возможно, по мнению Родбертуса, только в частных случаях. «Делаясь общим правилом, — говорит он, — оно тем самым потеряло бы всякое реальное значение». На кого падало бы это повышение меновой стоимости предметов? В обществе, основанном на разделении труда, потребители одних продуктов являются в то же время производителями других. В случае предположенного общего возвышения меновой стоимости предметов, производители продавали бы свои продукты по той же возвышенной цене, по какой покупали бы продукты всех других отраслей производства. Положенное в один карман они вынимали бы из другого, и само собою разумеется, что такого рода упражнения так же не увеличили бы стоимости всех продуктов, как не увеличивает разности прибавка одного и того же числа к уменьшаемому и вычитаемому.

Но все это до такой степени просто и ясно, скажет читатель, что едва ли стоило останавливаться на этом; еще более странно считать такое простое и очевидное для всех положение краеугольным камнем какой-то новой теории, которая должна будто бы исправить ошибки прежних экономистов. Все это, действительно, очень просто и очень ясно, ответим мы, с своей стороны. Но так уже истари ведется, что все как нельзя более ясные научные истины подвергаются оспариванию, как только они становятся в противоречие с интересами сколько-нибудь влиятельных классов общества. Недаром же говорят, что математические аксиомы обязаны своею общепризнанностью единственно тому обстоятельству, что они не затрагивают ничьих интересов. А так как вопрос о меновой стоимости очень недвусмысленным образом касается интересов предпринимателей, то, разумеется, не могло быть недостатка в ученых, готовых оспаривать самые неоспоримые истины экономической науки. За примером, как говорится, ходить недалеко. Тот самый Германн, которого профессор Адольф Вагнер относит к числу

самых выдающихся немецких экономистов¹⁾, утверждал, что «обыкновенно продукты обмениваются на продукты большего количества труда, чем то, которое нужно было на их производство» (!). И такие «теории» стоимости не только не вызывали гомерического хохота, но выдавались за последнее слово экономической науки, и авторы их до сих пор, как читатель видит на примере Германна, пользуются почетом со стороны «благодарного потомства». Родбертус взял на себя труд напомнить экономистам учение Рикардо о меновой стоимости. Он понял, что, пока этот вопрос не будет выяснен окончательно, невозможно будет сколько-нибудь научное обоснование учения о распределении. Поэтому он и направил свои усилия прежде всего на доказательство того положения, что «все предметы потребления стоят труда и только труда». Этою «теоремой» начинается первое, вышедшее еще в 1842 году, его сочинение — «Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände». И эта «теорема» одна уже показывает в нем истинного ученика и последователя Смита и Рикардо.

IV

Если «все предметы потребления стоят труда и только труда», то весь национальный доход обязан своим существованием труду работников. Как же объяснить, — спрашивает Родбертус, — то обстоятельство, что в современном обществе часть национального дохода достается лицам, пальцем не пошевелившим для его производства? Известно, что есть много, даже целые классы лиц, не принимающих участия в производстве материальных продуктов. Судьи, врачи, писатели, учителя и т. д., и т. д. получают известное количество предметов потребления, произведенных без всякого с их стороны участия и составляющих, следовательно, продукт труда других членов общества. Правда, доход этих лиц является результатом того, что называется «производным распределением продуктов». Они получают его, в виде вознаграждения за

¹⁾ См. Zeitschrift für die gesam. Staatswissensch., S. 203.

свои услуги, от других лиц, принимающих участие в «первоначальном распределении продуктов». Но как происходит это последнее? Не видим ли мы, что лица, не принимавшие никакого участия в производстве и не оказавшие никаких услуг ни целому обществу, ни отдельным его членам, получают, тем не менее, часть национального дохода? Здесь предъявляет на нее свои права земледелец, весь труд которого состоял в том, что он подписал контракт, заключенный им со своим арендатором. Там капиталист—не менее легким путем—получает проценты на деньги, положенные им в банк или отданные займы частным лицам. Предприниматель может поручить ведение всего своего дела управляющему, и, тем не менее, он будет получать доход, в виде прибыли на затраченный в производство капитал, даже в том случае, если капитал этот не составляет его собственности. Он может занять его у другого лица и получать прибыль, отдавая капиталисту часть ее, в виде процента. Конечно, лица эти могут заниматься весьма полезными для общества делами, могут благодетельствовать своих сограждан тем или другим научным открытием или изобретением. Но доход свой они получают вовсе не в виде вознаграждения за эти возможные услуги. Они не потеряли бы своих прав на него даже в том случае, если бы стали вести совершенно праздный образ жизни.

Что же дает этим лицам право на их доход, который — называется ли он поземельною рентою, прибылью или процентами на капитал—всегда представляет собою продукт труда других членов общества? И что заставляет трудящихся членов общества передавать продукты их работы своим праздным согражданам, не получая от них никакой полезной услуги? «Ответ на эти вопросы есть теория ренты вообще, т.-е. прибыли на капитал и поземельной ренты»¹⁾, говорит Родбертус.

Разумеется, предшественники Родбертуса в экономической науке, равно как и современные ему школы, также должны были столкнуться с этими вопросами и искать того или другого их решения. Но каждая из школ отвечала на них

различным образом, и каждая ошибалась, по мнению нашего автора, в том или другом отношении. Английская школа осталась более всех других верною «тому великому положению Смита, что все предметы потребления являются результатом труда». Рикардо целиком принимает это положение и признает, что поземельная рента и прибыль представляют собою продукт труда, и притом труда не тех лиц, которые пользуются ими как доходом. Но, обстоятельно трактуя вопрос о поземельной ренте, он «слишком поверхностно касается принципа прибыли». Он существует, по его мнению, уже в самые ранние эпохи общественного развития. «Первоначально,—говорит он,—когда приступают к земледелию, почва приносит только заработную плату и прибыль». Он пытается объяснить происхождение прибыли, называя ее «вознаграждением за сбережение капитала». Но, по справедливому замечанию Родбертуса, это может назваться лишь более или менее удачным сравнением, но никак не объяснением. Некоторые же из последователей Рикардо смешали прибыль с процентом на отданный в заем капитал, между тем как, в сущности, это два совершенно различных понятия.

Процентом называется та часть прибыли, которую предприниматель отдает лицу, ссудившему ему необходимый для ведения дела денежный капитал. Но откуда же берется самая прибыль, откуда получает предприниматель возможность уплачивать проценты своему займодавцу? Вопрос остается открытым, и если Рикардо давал на него весьма неясный ответ, то школа Сэя совершенно запутала дело. Она отрицала, что доход поземельных собственников и капиталистов представляет собою продукт труда. По ее мнению, доход этот обязан своим существованием «производительным услугам» заключающихся в почве и капитале естественных сил. Но, совершенно неожиданно для нее самой, школа Сэя дала своей теорией новое оружие в руки французских социалистов. «Если поземельная рента и прибыль являются результатом действия естественных сил,—говорили социалисты,—то справедливо ли обращать эти силы в собственность частных лиц? Не разумнее ли было бы передать их в обладание всего общества?» Довод их был неотразим, и, чтобы поправить

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 75.

дело, принимавшее неприятный для экономистов оборот, Бастиа дал в своих «Гармониях» новые ответы на поставленные выше «проклятые вопросы». Он соглашается, что поземельная рента и прибыль составляют продукт труда, но старается уверить своих читателей, что каждый из этих видов дохода создается трудом именно тех лиц, которые его получают, или их предков. Ту же карту передергивает и Тьер в своей книге «О собственности». «Мой ответ на вышепоставленные вопросы, — говорит Родбертус, — заключает в себе новую, отличную от трех предшествующих, теорию».

«Во все времена, с тех пор, как появилось разделение труда, с ним было связано два явления, которыми объясняется возникновение поземельной ренты и прибыли на капитал, или ренты вообще», — продолжает он, переходя к изложению этой теории. Первое из них было экономического характера и относилось к производству продуктов; второе стояло в связи с их распределением и носило поэтому правовой характер. Остановимся сначала на первом.

На самых низких ступенях общественного развития производительность труда так незначительна, что продуктов его едва хватает на поддержание жизни самих трудящихся. Тогда продукт, по необходимости, должен всецело принадлежать самим трудящимся. Ни один член общества не может жить в праздности или взяться за какое-нибудь занятие, не имеющее в виду удовлетворения самых первых, самых насущных потребностей человека. Так, например, каждый член охотничьего племени добывает своим трудом не более того, что необходимо для поддержания его собственного существования и, разумеется, его семьи. Поэтому, в охотничьем племени немислимо появление людей, не занимающихся материальным трудом. Такие люди умерли бы с голоду, и, при всем желании, общество не могло бы обеспечить им сколько-нибудь сносное существование. Но предположим, что производительность охотничьего труда вдруг возрасла в два или три раза. Тогда каждый охотник мог бы добывать средства существования не только для себя одного, но и еще для одного или двух членов племени. Этим была бы создана экономическая возможность существования ренты, которая,

по терминологии Родбертуса, есть не что иное, как «доход, получаемый кем-либо в качестве собственника без всякого труда с своей стороны». Увеличение производительности труда представляет собою необходимое условие возникновения ренты. Последняя «возможна только тогда, когда занятые в производстве работники создают своим трудом более того, что нужно для поддержания их существования»¹⁾. Но охотничий труд никогда не может достигнуть такой степени производительности. Только переход к земледелию избавляет людей от необходимости тратить все свое время и все свои силы на удовлетворение насущнейших своих потребностей. Конечно, земледелие, в собственном смысле этого слова, доставляет только сырой материал. Его продукты должны подвергнуться дальнейшей обработке, чтобы годиться для потребления. И, чтобы возможно было возникновение ренты, производительность труда должна возрасти также и в тех отраслях производства, которые занимаются обработкою доставляемого земледелием сырья. Что же касается предметов не первой необходимости, то возрастание производительности труда изготовляющих их лиц не составляет необходимого условия существования ренты. Если каждый занятый производством предметов первой необходимости работник может обеспечить средство существования не только самому себе, но и еще двум лицам, то ничто не мешает этим последним посвятить себя изготовлению предметов роскоши. Обладатели предметов первой необходимости отдадут им излишек своих продуктов в обмен за изделия роскоши, и такой обмен может состояться даже в том случае, если количество этих изделий будет весьма ограничено. Если же излишек продуктов первой необходимости скопится в руках немногих собственников, то они получают полную возможность содержать целые полчища совершенно непроизводительной челяди.

Чем более возрастает производительность труда, чем большее число членов общества может быть избавлено от необходимости материального труда, — тем большее число их

¹⁾ Zur Erkenntniss, S. 67.

может посвятить себе другим родам деятельности. Отсюда видно, как тесно связаны все сферы общественной жизни с экономическим прогрессом. «Чем выше производительность труда, тем пышнее может развиваться умственная и художественная деятельность нации; чем ниже первая, тем беднее вторая».

Но возрастание производительности труда, в свою очередь, обуславливается его разделением. До разделения труда человеческая деятельность ограничивается захватом тех предметов потребления, которые предлагает сама природа: собиранием дикорастущих плодов или охотой. Производство, в истинном смысле этого слова, земледелие и скотоводство становятся возможными лишь со времени разделения труда, с которым тесно связан весь экономический прогресс общества. В самом деле, человеческий труд может сделаться производительнее только путем улучшения способов производства и усовершенствования его орудий. Но никакое серьезное усовершенствование способов и орудий производства немислимо без разделения труда. «Именно это последнее было тою дверью, через которую человечество вышло на бесконечную дорогу своего экономического развития».

Казалось бы, что возрастание производительности труда должно прежде всего послужить на пользу самим трудящимся. Если в результате известного количества труда является большее, чем прежде, количество продуктов, то естественнее всего было бы ожидать, что производители воспользуются этим для улучшения своего материального благосостояния, для сокращения своего рабочего дня и т. д., и т. д. Так оно, по мнению Родбертуса, и было бы, если бы экономические успехи человечества не сопровождалась возникновением некоторых правовых институтов, обуславливающих некоторые особенности в распределении продуктов.

Сущность этих институтов сводится к следующему. Как только производительность труда поднимется на такую высокую степень, что трудящийся оказывается в состоянии производить более, чем нужно для поддержания его существования, то почва и капиталы переходят в собственность лиц, не принимающих непосредственного участия в производстве.

Поэтому и продукты труда достаются уже не рабочим, а обладателям средств производства. Из общей суммы этих продуктов рабочие получают только часть, не превышающую того, что необходимо для поддержания их жизни. Остальная часть продукта поступает в полное распоряжение собственников и составляет их ренту. «Положение это кажется, с первого взгляда, до такой степени невероятным, — замечает Родбертус, — что может возбудить недоумение в читателях... Ведь написал же Тьер целую книгу в 400 страниц, чтобы доказать, что собственность основывается только на труде, что она настолько же законна, насколько законно присвоение трудящимся продуктов своего труда. И вдруг оказывается, что знаменитый писатель старался обосновать право собственности, ссылаясь на несуществующий факт! В конце-концов выходит, что в своей книге Тьер только и делал, что побивал самого себя! Как несомненно то, что труд есть единственное разумное основание права собственности, что труд, говоря словами Тьера, не только должен лежать в основе собственности, но также определять ее меру и границы, так же неопровержимо и то обстоятельство, что всюду, где существует разделение труда, — почва, орудия и продукты труда не принадлежат рабочим. Они составляют собственность последних только до разделения труда, т.-е. до начала цивилизации. Земля, на которой спускает свое пропитание первобытный охотник, составляет его собственность так же, как его лук, стрелы или убитое им животное. С появлением разделения труда такое правовое отношение трудящегося к средствам и продуктам производства немедленно прекращается. Оглянитесь вокруг себя! Где земля принадлежит работнику? Она принадлежит тому, кто не только не обрабатывал, но, пожалуй, никогда ее и не видал. Где принадлежат работнику капитал, т.-е. материал, и орудие его труда? Он получает их от другого лица, от собственника, и работает, таким образом, с помощью чужого капитала. Где, наконец, принадлежат рабочему продукты его труда? Никогда, во все продолжение процесса производства, начиная от обработки пашни, на которой он сеет клевер для корма овец, и кончая доставкой сукна потребителям, на всех ступенях производства, во время стрижки,

пряденья шерсти, тканья и окрашивания сукна, продукт не принадлежит работнику; он составляет собственность сначала землевладельца, а затем целого ряда предпринимателей, подвергающих его дальнейшей обработке. Трудящиеся над приготовлением продуктов рабочие получают заработную плату, которая есть не что другое, как продукт их труда. Только эта заработная плата и поступает им в собственность, — если они могут, по своему правовому положению, иметь собственность. В таком отношении к почве, капиталу и продуктам своего труда повсюду стоит современный работник, и это отношение становится тем более заметным, чем более развивается разделение труда и возрастает его производительность»¹⁾.

Мы знаем уже, что Бастиа и Тьер не смущались современным положением работника. Они утверждали, что если земля и не принадлежит работнику в настоящее время, то она во всяком случае составляет собственность тех лиц или наследников тех лиц, которые впервые сделали ее доступной для обработки. Так же рассуждали они и о капитале. По их мнению, он перешел в обладание нынешних капиталистов в качестве наследства от тех лиц, труду которых он обязан своим существованием. Но Родбертус не придает никакой цены подобному рода положениям. «Я думаю, — пишет он во втором письме к Кирхману, — что в вас, мой дорогой друг, эти бессмысленные уверения всегда вызывали такое же отвращение, как и во мне. Как? Разве не происходит почти ежедневно обработка новой, девственной почвы, ее осушение и т. п.? Этот труд совершается не землевладельцем, а нанятыми рабочими, которые не получают, однако, ни малейшего права собственности на возделанную ими землю. Не возникают ли ежедневно новые капиталы, которые менее всего составляют продукт труда лиц, получающих на них право собственности? И как это могло случиться, что факт присвоения самими трудящимися первых обработанных участков земли и первых возникших по разделению труда капиталов, что этот предполагаемый факт навсегда сделал невозможным свое повторение?

¹⁾ Zur Beleuchtung, 79 — 80.

Неужели разумный правовой принцип присвоения трудящимися продуктов своего труда, неужели этот принцип только для того и явился нормой взаимных отношений первобытных производителей, чтобы затем уничтожить себя навсегда? Нет, мнение, по которому первоначально дело происходило не так, как теперь, исторически неверно и экономически невозможно. И прежде, с тех самых пор, как появилось разделение труда, землевладельцами и капиталистами были не те лица, которые расчистили почву и создали своим трудом капиталы. Землевладельцы и капиталисты никогда не были бы в состоянии одними только собственными силами расчистить почву и произвести капиталы»¹⁾.

С самых первых шагов культурного развития человечества действительность представляла, по мнению Родбертуса, далеко не те мирные картины, малеванию которых так охотно предаются многие экономисты. Всегда и везде, вслед за разделением труда, появляется и эксплуатация человека человеком. «Одни повинуются и служат, другие повелевают и наслаждаются; одни работают, другие присваивают себе расчищенную землю, капиталы и продукты труда». Такой порядок вещей так же стар, как и «право, без которого немислим был бы» экономический прогресс человечества. Только в среде незнающих разделения труда дикарей наталкиваемся мы на другие отношения между людьми. В охотничьем племени все свободны; лук, стрелы, все необходимые для охоты снаряды, равно как и убитая дичь принадлежат еще самому охотнику. На этой ступени развития человеческих обществ еще невозможно сколько-нибудь продолжительное подчинение человека человеку. Связь родителей с детьми прекращается, как и в животных семьях, немедленно по достижении детьми физической зрелости. Победенных неприятелей убивают, приносят в жертву или съедают. И весь этот порядок вещей обуславливается экономической необходимостью. Когда производительность труда стоит на такой низкой ступени, что каждый трудящийся не может произвести более того, что необходимо ему для поддержания его существования, тогда

¹⁾ Ibid., 81.

эксплуатация человека человеком экономически невозможна. Обращение побежденного врага в раба не приносит еще никакой выгоды победителю, поэтому последний должен или убить, или совершенно освободить своего неприятеля. Освобождение его было бы, однако, не в интересах победителя, так как борьба могла бы возгореться снова. Поэтому «охотничьи племена должны убивать своих побежденных неприятелей». Но вот общество подвигается несколько далее по пути своего культурного развития. Появляются земледелие и разделение труда, производительность его возрастает, и каждый трудящийся получает возможность производить сверх необходимого для него самого еще известный излишек. Тогда победителю уже невыгодно убивать своего врага. Он предпочтет обратить его в рабство, чтобы пользоваться излишком созданных его трудом продуктов. Успехи общества на попрание экономических усовершенствований влекут за собою прогресс в правовых отношениях, потому что порабощение все-таки должно быть признано смягчением нравов, в сравнении с убийством или антропофагией. «Развитие правовой идеи всегда шло рука об руку с экономической необходимостью».

Мы видим, таким образом, что «рабство возможно только у земледельческих народов». Но зато в среде этих народов оно находит себе самое обширное применение. По словам Родбертуса, история не может указать ни одного народа, у которого самые первые следы земледелия не были бы связаны с эксплуатацией слабых сильными, у которого «на долю одних не выпадал бы труд, на долю других — пользование его продуктами». Насилие является необходимым и потому неизбежным спутником экономического развития общества, одним из важнейших факторов его хозяйственного уклада. Экономический строй всех сколько нибудь культурных народов есть продукт насилия, господства с одной стороны и подчинения — с другой. Древнейшие исторические памятники изображают дело именно таким образом, и даже в греческой философии заметно еще, по словам Родбертуса, влияние этого повсеместного явления. Наш автор цитирует то место из «Политики» Аристотеля, в котором последний говорит, что из «отношений мужчины к женщине и господина к рабу

возникает первое хозяйство». У наших предков дело происходило совершенно подобным же образом. Оно не изменилось и в то время, «в котором можно уже исторически проследить зачатки современного национального богатства Германии». В доказательство Родбертус ссылается на знаменитые капитулярии Карла Великого de villis, то есть на те распоряжения последнего об устройстве и организации императорских вилл или хуторов, которые открывают собою, по словам Маурера, «новую эпоху» в истории крупного землевладения в Германии¹⁾.

Таким образом, оказывается, что и «первоначально» почва, капиталы и продукты труда не принадлежали самим рабочим. По мнению нашего автора, гораздо более согласно с исторической истиной обратное положение, то есть вернее было бы сказать, что первоначально не только почва, капиталы и продукты труда, но и самые работники составляли собственность других, нетрудящихся лиц. «Первоначальный вид эксплуатации человека человеком настолько же суровее современного, насколько рабство тяжелее для работника, чем договорные отношения его к предпринимателю» в современном обществе.

Но предполагаемый школой Бастиа первоначальный вид отношений производителя к продуктам его труда, т. е. присвоение им этих продуктов, невозможно и с экономической точки зрения. Каким образом могло произойти расчищение почвы, осушение ее, распашка, словом, все необходимые при переходе к земледелию работы? Разумеется, их не мог предпринять и исполнить изолированный работник. Последний едва может поддержать свою жизнь, влача жалкое существование дикаря-охотника. Его единичных усилий было бы недостаточно для расчистки и обработки почвы. Только основанное на разделении труда общество, «только социальный человек» может совершать чудеса экономического прогресса. Поэтому и обработка почвы и изготовление орудий труда могло быть предпринято лишь целыми группами людей, в среде которых уже появилось разделение труда. Но как возникли такие группы, — спрашивает Родбертус, — как происходило

¹⁾ См. Einleitung zur Geschichte der Hof-Mark-Dorf und Stadtverfassung, S. 225.

распределение занятий, разделение труда в их среде? Было ли оно следствием свободного договора, которым определялись бы способ коллективного производства, участие в нем каждого из членов общества и, наконец, справедливое, по понятиям того времени, распределение? Утверждать это, — говорит Родбертус, — было бы еще ошибочнее, чем считать поземельную собственность и капиталы продуктом труда их обладателей. «Как образованию государств не мог предшествовать общественный договор, так и экономическая организация народов не могла быть результатом свободного соглашения». Мы уже говорили выше, что весь культурный прогресс человечества стоит в тесной связи с возрастанием производительности труда. Мы говорили также, что достигнуть сколько-нибудь высокой степени может лишь разделенный труд. И разделение труда должно, в отличие от случайных меновых сделок первобытных дикарей, найти себе место в самом процессе производства. Продукт должен составлять результат кооперации нескольких производителей, приготовляющих его по частям. Необходимым следствием такой организации производства является правильный обмен продуктов между производителями, которые не могут уже удовлетворять своих потребностей продуктами своего индивидуального труда.

Но это-то разделение труда — необходимая основа всего общественно-экономического прогресса — «первоначально основывалось на принуждении и насилии». Впервые оно нашло себе место в той семье, в которой женщины находились, в сущности, в рабском состоянии, не говоря уже о том, что рабы, в собственном смысле этого слова, являлись ее необходимою составною частью. Затем рабство, а с ним и насилие, развивалось далее, легло в основу всего античного хозяйства и, пройдя несколько переходных ступеней, смягчилось в средневековое крепостничество, доставившее необходимый контингент для образования класса современных рабочих. Во все эти эпохи продукты разделенного труда и кооперации производителей не могли принадлежать самим трудящимся, потому что принадлежали господину. С мыслью о том, что единственным основанием собственности должен служить труд, случилось, по мнению Родбертуса, то же самое, что

произошло со всеми социальными идеями. «Как только додумывается до них человечество, сейчас же находятся люди, которые в благородном или корыстолюбивом рвении стараются доказать, что эти идеи лежат в основе всей истории общества. А между тем, эти идеи только еще идут к своему осуществлению в будущем»¹⁾.

Но Родбертус идет еще далее. Он утверждает, что средства производства и не должны были принадлежать рабочему. Они «и не будут никогда принадлежать ему как собственность, — по крайней мере, до тех пор, пока разделение труда будет существовать, развиваться, расширяться и опрокидывать над обществом рог изобилия своих чудесных сокровищ»²⁾. Осуществление такого порядка имущественных отношений, в котором каждый рабочий являлся бы собственником орудий и непосредственного продукта своего труда, встретило бы, по мнению нашего автора, непреодолимые технические препятствия. «Припомните, — говорит он, — знаменитый пример булавочного производства. Здесь между добыванием и обработкой металла, с одной стороны, и доставкой булавок потребителю — с другой, продукт проходит через руки целого ряда производителей. Каждый из них нуждается в особых орудиях, которые, в свою очередь, изготовляются особыми производителями. Если признать, что непосредственный продукт труда должен принадлежать рабочему, то каждая булавка окажется собственностью всех рабочих, которые трудились над ее приготовлением. Каким же образом мог бы вступить в свои права каждый из этих собственников? Как пришлось бы делить между ними продукт их совокупных усилий? И что делал бы каждый рабочий, получивший в булавках «свою долю общего продукта? Право собственности рабочих на орудия и непосредственные продукты их труда создало бы такую массу трудностей и замешательства, что оно было бы равносильно уничтожению разделения труда, а с ним и всего пышного здания современной цивилизации». «Нет, — повторяет Родбертус, — почва, капиталы и непосредственные продукты не

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 85.

²⁾ Zur Beleuchtung, S. 85; см. также „Zur Erklärung und Abhilfe der Creditnoth des Grundbesitzes“, Th. II, S. 295.

должны принадлежать рабочим, как не принадлежали они им с тех пор, как существует разделение труда. В следующем «Письме»¹⁾, в котором я буду говорить о собственности, я укажу на глубокое, провиденциальное значение, на телеологию этого явления. Мне удастся, я надеюсь, доказать, что если общество захочет установить справедливые отношения, оно все-таки не должно будет отдавать землю, орудия и продукты труда в собственность отдельных работников... Экономическое развитие нации не может стремиться к замене нынешних землевладельцев и капиталистов — собственниками из рабочих; оно вообще не может выразиться в каких-либо законах о разделении национального имущества». С другой стороны, наш автор убежден в том, что экономическое развитие необходимо должно привести к устранению несправедливых сторон современных имущественных отношений; оно должно, по его мнению, возратить труду то, что принадлежит ему по праву. «Если я назвал, — оговаривается он, — глубоко справедливым то обстоятельство, что почва, орудия и продукты труда не принадлежат рабочим, то этот справедливый факт сопровождается не менее крупной несправедливостью. Эта последняя состоит в том, что средства и продукты производства составляют частную собственность других лиц. С тех пор, как существует разделение труда, орудия и продукты его никогда не составляли собственности рабочих, но всегда принадлежали другим частным лицам. Первая отрицательная сторона этого явления не только останется необходимой до тех пор, пока счастье общества будет опираться на разделение труда, но именно на ней-то и могут быть построены более справедливые отношения в будущем. Вторая положительная сторона указанного явления должна быть устранена, потому что в ней именно заключается несправедливость современных имущественных отношений. Не чем другим, как принадлежностью орудий и продуктов труда частным лицам, обуславливается то обстоятельство, что доход рабочих никогда не бывает равным стоимости продуктов их труда».

¹⁾ Письмо это не появилось до сих пор в печати.

V.

Теперь мы имеем ясный и полный ответ на поставленный выше вопрос о происхождении ренты. Мы знаем, благодаря чему лица, не принимавшие никакого участия в производстве, получают свою, иногда львиную долю в распределении. Мы видели, что право на эту долю не имеет никакой причинной связи с теми или другими полезными занятиями, которым предаются иногда собственники. Экономическая возможность таких общественных отношений создается возрастая производительности труда. Чтобы дать возможность существовать лицам нетрудящимся, рабочие должны производить более, чем нужно для поддержания их жизни и продолжения их рода. Но одного этого условия недостаточно. Нужны еще такие учреждения, которые вынуждали бы рабочих передавать оставшийся — за удовлетворением их насущнейших потребностей — излишек в руки нетрудящихся членов общества. Нужны такие правовые нормы, при которых рабочие должны были бы

Предоставить почтительно нам
Погружаться в искусства, науки,
Предаваться мечтам и страстям.

И такие правовые учреждения не замедлили явиться тотчас же, как люди ознакомились с выгодами разделения труда. Сущность их сохранилась и до настоящего времени, несмотря на всевозможные формальные их изменения. «Как первоначально положительное право опиралось на силу, — говорит Родбертус, — так и теперь передача упомянутого излишка основывается на постоянном принуждении». Первоначально это принуждение достигалось путем рабства. Работники, создавшие своим трудом средства, сами представляли собою движимую собственность, «говорящие инструменты», как называет их Варрон. Господин их отдавал им то, что необходимо было для поддержания их жизни; все же, что оставалось затем из произведенного их трудом продукта, составляло его неотъемлемую собственность. В настоящее время цивилизованные нации не знают, конечно, не только рабского труда, но и крепостной зависимости. Но это не изменяет, по мнению Родбертуса, сущности дела. Современные землевладельцы

и капиталисты имеют в своем распоряжении прекрасное средство для отстаивания своих экономических интересов. Средство это очень простое и обыкновенное: оно носит громкое название свободного договора. Не имея ни земли, ни капитала, современный пролетарий может трудиться только по найму у предпринимателя. Продукты производства составляют, поэтому, собственность предпринимателя, между тем как рабочий получает условную плату. При определении высоты этой платы и обнаруживаются все благодетельные свойства свободного договора. Побуждаемый голодом, рабочий «рад получить хоть часть стоимости своего собственного продукта, чтобы поддержать свое существование, то есть чтобы иметь возможность снова взяться за работу»¹⁾. Эти реальные отношения нашли свое выражение в учении о необходимой заработной плате, высота которой должна определяться, по мнению экономистов, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Таким-то образом «место приказания рабовладельца заступает в настоящее время договор рабочего с предпринимателем». Но договор этот «свободен только с формальной точки зрения, потому что голод вполне заменяет бич рабовладельца. То, что называлось прежде кормом раба, называется ныне заработной платой свободного рабочего»²⁾. Соответственно этому и экономическая наука, со своим учением о «необходимой» заработной плате, как о последнем пределе законных требований рабочего, не перестает смотреть на пролетария, «как на раба, который нуждается в корме столько же, сколько машина в починке».

Но если доход землевладельцев и капиталистов так же, как и доход рабовладельцев, представляет собою продукт труда работников, то нужно сознаться, что в современном обществе существует целая масса условий, затрудняющих понимание сущности дела. Чрезвычайно сложный характер современных экономических отношений скрывает эту сущность от глаз поверхностного наблюдателя. Доход фабриканта принимает вид какого-то независимого от труда рабочих «дохода от имущества», как будто составляющие этот доход продукты

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 81.

²⁾ Ibid.

стоят чего-либо, кроме труда. Но представим себе рабовладельческое хозяйство и соответствующую ему организацию производства и распределения. В таком хозяйстве часть рабов обрабатывает поле и добывает сырой продукт. Другая часть их подвергает сырье дальнейшей обработке, пока, наконец, продукт не сделается годным для потребления. Таким образом, те отрасли труда, которым соответствует нынешнее фабричное производство, не отделились еще от земледелия и соединяются с ним в одном и том же рабовладельческом хозяйстве. Все оставшиеся за прокормлением рабов продукты этого хозяйства естественно принадлежат «господину» и составляют его доход. Рабовладелец не станет вывозить эти продукты на рынок, чтобы путем обмена получить необходимые для него предметы потребления. На той ступени экономического развития, о которой здесь идет речь, хозяйство считается хорошим лишь тогда, когда рабовладелец не нуждается в покупке на стороне, когда все нужные ему предметы производятся его рабами. Именно такой идеал хозяйства рисуют своим согражданам Ксенофонт и Аристотель. Легко понять, — говорит Родбертус, — что все продукты такого хозяйства будут обязаны своим существованием труду рабов. Доход господина будет равен разности между произведенными и потребленными его рабами продуктами. И рабовладелец без всякого смущения согласился бы с этим; он считал бы вполне естественным то обстоятельство, что продукты труда его рабов составляют его собственность. Экономическая сторона дела была бы ясна, как день.

Но когда, с дальнейшим развитием общественно-экономических отношений, натуральное хозяйство переходит в денежное; когда появляются отдельные классы землевладельцев и предпринимателей; когда, вследствие этого, взятый у рабочих излишек их продукта подразделяется, как мы увидим ниже, на поземельную ренту и прибыль, — тогда дело оказывается гораздо более сложным и запутанным. Имущим классам не хочется сознаться в том, что доход их обязан своим существованием труду свободных рабочих, у которых, как у рабов, отнимается часть их продукта. Если естественным следствием рабства было право собственности господина на все произведенное трудом рабов, то не менее естественным кажется

право собственности свободных рабочих на полную стоимость их продуктов. И когда личная свобода рабочего уживается рядом с эксплуатацией его в пользу землевладельцев и предпринимателей, то у последних невольно является опасение за прочность своих привилегий. «Они боятся, — говорит Родбертус, — чтобы история не сделала последнего вывода из своих посылок и не освободила рабочего и в экономическом отношении. Под влиянием этого опасения представители высших классов охотно соглашаются с тем учением, по которому рента представляет собою продукт не труда, а особых «производительных услуг» почвы и капитала. Они обнаруживают, таким образом, особенную склонность к экономическим теориям Сэя. Разделение же ренты на поземельную ренту и прибыль, в связи с обменом продуктов на рынке при посредстве денег, затрудняет понимание дела даже для тех, кто нашел бы в себе достаточно мужества и беспристрастия, чтобы любить истину, какова бы она ни была». В современном обществе взятый у рабочих излишек их продукта, в свою очередь, распределяется между различными слоями общества. Класс лиц, которые, говоря словами Ад. Смита, жнут там, где не сеяли, подразделяется на землевладельцев, предпринимателей и «капиталистов», то есть лиц, ссужающих свои деньги другим для промышленных предприятий и получающих за это известный процент. «Деньги родят деньги», и это явление, так ужасавшее когда-то Аристотеля и отцов церкви, сделалось теперь до такой степени обыкновенным, что легло в основу всех ходячих воззрений на природу и происхождение ренты. Всякое имущество имеет известную меновую стоимость, выражающуюся в той или другой сумме денег. Поверхностный наблюдатель объясняет себе происхождение дохода, приносимого этим имуществом, тем обстоятельством, что на покупку его была затрачена известная сумма денег, которая должна давать процент. Что такими поверхностными наблюдателями оказывались повременам даже патентованные экономисты, читатель может видеть из следующего поразительного примера. «В политической экономии, — говорит один буржуазный «ученый», — рабочий является не чем другим, как постоянным капиталом,

накопленным страной (читай — буржуазией), которая дала средства для обучения и полного развития сил работника. По отношению к производству богатств рабочего нужно рассматривать, как машину, на постройку которой был затрачен известный капитал, начинающий приносить проценты с того времени, как она становится полезным фактором в промышленности» (sic!). Именно этим и объясняет почтенный экономист то обстоятельство, что «труд рабочего приносит менее выгод ему самому, чем предпринимателю»¹⁾. Но если в обыденной жизни такие воззрения являются естественным следствием сложности и запутанности современных экономических отношений, то в науке они не перестают быть самым грубым логическим промахом, самым непозволительным смешением причины со следствием. Не потому землевладелец и предприниматель получает ренту, что денежный капитал приносит теперь известный процент. Наоборот, деньги потому и «родят деньги», что исключительное обладание средствами производства дает имущим классам возможность присваивать себе часть произведенного рабочими продукта. Часть эта удерживается у свободных рабочих и вывозится на рынок для обмена. Но могла ли произвести какие-нибудь существенные изменения в отношениях имущих и неимущих замена рабов свободными рабочими и натурального хозяйства — денежным? Весь доход рабовладельческого хозяйства был продуктом труда рабов. Каким же образом доход собственников перестал бы быть продуктом труда рабочих, благодаря лишь тому обстоятельству, что рабы получили свободу, а имущий класс подразделился на несколько различных слоев? Ведь изменились только правовое положение рабочих да распределение отнятого у рабочих продукта. Происхождение же этого продукта, «естественное отношение производителя к продукту его труда», как выражается Родбертус, осталось неизменным. Вся разница лишь в том, что присвоение рабовладельцем продуктов рабского труда было непосредственным следствием рабства; современный же рабочий отдает предпринимателю продукты своего труда в силу «свободного договора». И если

¹⁾ Cours éclectique d'écon. politique par Florès Estrada, t. I, pp. 363—364.

стоимость заработной платы всегда составляет только часть стоимости произведенного рабочим продукта, то не ясно ли, — спрашивает Родбертус, — что другая часть этой стоимости составляет доход собственников? А если это так, то частная собственность на землю и средства производства вполне заменяет собою то давление, которое оказывала когда то на трудящихся рабская и крепостная зависимость. Она заставляет рабочих довольствоваться скудным заработком и предоставлять в распоряжение собственника все то, что остается за удовлетворением их самых насущных потребностей. Только тысячелетняя привычка, в связи с упомянутой сложностью современного хозяйства, могла затемнить, по мнению Родбертуса, ту простую истину, что доход собственников есть не что иное как продукт труда рабочих. «Простейшие и ближайшие истины всегда оказывались наименее понятными для людей. Это случалось особенно часто с истинами, заключавшими в себе общественный, моральный элемент, указывавшими людям на несправедливость того, что составляло правовую норму общественных отношений в течение целых тысячелетий»¹⁾.

К числу удивительнейших возражений против изложенного выше учения о ренте нужно, без сомнения, отнести следующее рассуждение Германа. Глупо было бы, — говорит этот остроумный человек, — со стороны рабочих менять известное количество, — положим, десять часов, — своего труда на плату, эквивалентную только 8 или 6 часам труда. «Однако, — отвечает Родбертус, — рабочих не особенно благодарят в тех случаях, когда они начинают находить такой обмен глупым. Тогда их всеми силами стараются убедить в противном, и если этой цели не достигают рассказы мисс Мартино, то помогает *ultima ratio regis*. Независимо от взглядов рабочих на разумность такой сделки, они должны согласиться на нее, если не хотят умереть голодной смертью!» Когда могли они отказаться от предлагаемой им предпринимателем «глупой сделки»? Оборванными или совсем нагими были отпущены они на свободу, не имея ничего, кроме своей рабочей силы... обязанность прежнего владельца заботиться об их пропитании

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 89.

устранялась вместе с упразднением их зависимости, между тем как потребности их оставались в прежней силе. Им нужно было чем нибудь жить. Что же оставалось им делать? Им предстояла одна альтернатива: или разрушить существующий общественный строй, или вернуться к прежним своим господам и получить в виде платы то, что получали они прежде в виде корма. Другими словами, несмотря на новое правовое положение, они должны были работать при прежних экономических условиях. И рабочие были настолько благоразумны, что предпочли совершить глупость, в которой упрекает их Германн, и своим уважением к существующим правовым учреждениям обеспечить развитие цивилизации».

Эта-то «глупость» рабочих и обуславливает существование ренты, то-есть всякого дохода, получаемого известным лицом без труда с его стороны, единственно по праву собственника. В настоящее время такой доход получает различные названия, смотря по тому, достается ли он землевладельцам, предпринимателям или, наконец, обладателям денежного капитала. Как подразделяется взятая у рабочих часть их продуктов между перечисленными категориями нетрудящихся — об этом мы будем говорить в следующих главах, где мы закончим изложение экономической теории Родбертуса. Мы увидим там, какие соображения заставили Родбертуса отрицать правильность теории поземельной ренты Рикардо, и постараемся обнаружить ошибки нашего автора по отношению к этому вопросу. Наконец, указавши все те пункты, в которых разошелся Родбертус с экономистами-классиками, мы сравним его теорию с учением Маркса. Теперь же мы закончим эту главу, обращая внимание читателя на то, что изложенная уже выше часть теории Родбертуса содержит в себе вполне выработанное учение о «прибавочной стоимости», этом фокусе всех «проклятых вопросов» XIX века. Именно это учение о «прибавочной стоимости» и заставило, как нам кажется, автора «Капитала» признать, что, несмотря на ошибочность теории поземельной ренты, «*Sociale Briefe an von Kirchmann*» ясно изображают сущность капиталистического производства.

VI.

На основании предыдущего изложения читателю известно уже, каким образом объясняет Родбертус существование, так называемой им, «ренты вообще», т.-е. всякого дохода, получаемого без труда, единственно по праву собственности. Так как всякий доход составляет продукты труда, то лица, не принимающие непосредственного участия в производстве, не могли бы поддерживать своего существования, если бы продукт труда рабочих не превышал количества предметов, необходимых для удовлетворения их насущнейших потребностей. Первым условием существования ренты является, следовательно, возрастание производительности труда. «Всякая рента, — говорит наш автор, — поземельная рента и рента на капитал, становится возможной лишь тогда, когда продуктов производится больше, чем нужно их для удовлетворения насущнейших потребностей рабочих; другими словами, принцип объективного существования ренты есть достаточная производительность труда¹⁾». Но, однако, этого условия еще мало. Возрастание производительности труда создает лишь экономическую возможность существования ренты. Спрашивается: каким путем переходит в руки других лиц излишек продукта, остающийся за удовлетворением потребностей трудящихся? Это достигается путем давления, оказываемого на рабочих известными правовыми учреждениями. Одним из таких учреждений было рабство, «возникновение которого совпадает, — по словам Родбертуса, — с возникновением земледелия и поземельной собственности». Рабочие сами представляли собою предметы собственности наряду с землею и орудиями труда. Некоторая часть продуктов их труда шла на восстановление их сил и «поддержание их расы», как выражаются экономисты; другая часть употреблялась на возмещение затраченных в хозяйстве средств производства; наконец, все, что оставалось сверх этого, составляло чистый доход рабовладельца и принадлежало ему по всем законам, «божеским и человеческим». Такой порядок вещей справедливо осуждается

¹⁾ Zur Erkenntniss unserer staatswirthsch. Zustände, 67.

буржуазными экономистами, так как он основан на эксплуатации слабого сильным. Но, упраздняя институт рабства, история не имела, к сожалению, в виду буржуазных экономистов с их высоко развитым нравственным чувством. В противном случае она устранила бы, конечно, не форму только, но и самую сущность эксплуатации человека человеком. Теперь же мы видим, что «голод с успехом заменяет бич рабовладельца». Другими словами, современная организация производства новым путем достигает старой цели — передачи излишка, оставшегося за удовлетворением насущнейших потребностей рабочих, в другие руки. В капиталистическом обществе все хозяйственные предприятия ведутся за счет собственников, которым и принадлежат продукты предприятий. Что же касается до свободных рабочих, то они, «не имея ничего, рады, если им удастся получить хоть часть своего собственного продукта» в виде заработной платы. В таком обществе место приказанья рабовладельца занимает договор рабочего с предпринимателем; но договор этот свободен только с формальной стороны, потому что рабочие вынуждены довольствоваться лишь частью своего продукта. Это видно, между прочим, из того, признанного всеми экономистами факта, что наем свободного работника обходится дешевле содержания невольника. «Опыт всех веков и народов доказывает, — говорит Ад. Смит, — что труд свободного рабочего стоит предпринимателю, в конце концов, дешевле труда раба»¹⁾. Родбертус выражает ту же мысль, называя заработную плату замаскированным кормом раба.

Мы видим, таким образом, что кроме возрастания производительности труда, существует еще другое, необходимое и достаточное условие существования ренты — именно частная собственность на землю и капиталы. «Принцип получения ренты», — говорит Родбертус, — есть частная собственность на землю и капитал²⁾. Посмотрим же теперь, какими законами регулируется дальнейшее распределение ренты между различными слоями привилегированного класса.

Прежде всего нужно заметить, что как распределение национального дохода, так и все движение общественно-

¹⁾ Wealth of Nations p. 77. (в изд. The world Library of standards Book)

²⁾ Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaflichen Zustände, S. 72.

экономической жизни принимает различные виды в различные исторические эпохи, в зависимости от изменений в самой организации производства. Там, где разделение общественного труда еще не велико; обработка сырых продуктов совершается в пределах тех же самых хозяйственных единиц, которые занимаются их добыванием. Это мы видим, например, в античном обществе. В большом древне-римском или древне-греческом хозяйстве часть рабов занималась добыванием сырых продуктов, другая подвергала эти продукты дальнейшей обработке, пока они не становились годными для потребления.

Земледельческий труд не был еще отделен от ремесленного, а потому и средства производства безразлично принадлежали одному и тому же классу собственников. Чистый доход каждого античного хозяйства представлял собою однородное целое, о подразделении которого на поземельную ренту и прибыль на капитал не могло быть и речи, так как в обладании средствами производства не произошло еще необходимой для выработки этих понятий дифференциации. Все движение общественно-экономической жизни совершалось еще в форме натурального хозяйства. Так как сырые продукты подвергались обработке в пределах той же хозяйственной единицы, в которой они добывались, то все «посредственные и непосредственные хозяйственные блага», т. е. предметы потребления и средства производства, приготавлились «дома». Ни на одной из стадий своего возникновения эти «хозяйственные блага» не являлись еще в виде товаров, а потому и понятие о меновой стоимости продуктов отходило здесь, как говорит Родбертус, на задний план. Вернее сказать, оно совсем еще не выработалось. Вследствие этого не существовало еще масштаба для оценки как всего имущества рабовладельца, так и чистого дохода его хозяйства. Чистый доход и средства производства оставались еще величинами несоизмеримыми: невозможно было определить отношение стоимости чистого дохода к стоимости всего имущества, так как отсутствовало еще самое понятие о меновой стоимости. Взаимное отношение различных частей дохода и имущества также не поддавалось, как мы сказали, определению. Рабовладелец не мог, да и не имел ни малейшей

надобности, определять, какая часть его дохода приходится на землю, какал на «капитал». Самое понятие о капитале, в нынешнем смысле этого слова, не выработалось еще в античном обществе. «Капитал сам по себе, в логическом или национально-экономическом смысле, этого слова, есть, по определению Родбертуса, продукт, предназначенный для дальнейшего производства, предварительно совершенная работа». Но рассматриваемый с точки зрения современного предпринимателя, т. е. по отношению к прибыли, которую он приносит, продукт этот, чтобы быть капиталом, должен явиться в виде издержек предприятия. В виде таких издержек является, например, современный исторический капитал, обнимающий собою стоимость материала, орудий труда и заработной платы. Но в античном обществе, где все операции добывающей и обрабатывающей промышленности совершались в пределах одного и того же хозяйства, «продукт, предназначенный для дальнейшего производства», не является для рабовладельца в виде издержек. Материалы для различных отраслей производства не покупаются на рынке. Они производятся внутри того же самого хозяйства, и раб-ремесленник обрабатывает лишь то, что произведено его товарищем, рабом-земледельцем. Содержание рабов так же мало представляет собою капитал, долженствующий приносить собою прибыль, как корм для скота, составляющий продукт собственного хозяйства, представляется капиталом современному сельскому хозяину. Не будучи покупаемы на рынке, не являясь в виде издержек в нынешнем смысле этого слова, входившие в состав античного хозяйства средства производства не приносили и прибыли в смысле известного количества процентов на единицу затраченного капитала. Только деньги составляли исключение из этого общего правила. Определение уровня процентов на отданный в заем денежный капитал (римский *Sors*) не представляло никаких затруднений, так как здесь, по выражению Аристотеля, «равное рождается от равного», затраченный капитал и полученный доход являются в виде одноименных стоимостей. Но процент этот был ростовщическим процентом. Величина его определялась нуждой должника, а не общим уровнем прибыли промышленных

предприятий, как это имеет место в настоящее время. Этим и объясняется то предубеждение против «процента», которое замечается у всех древних писателей¹⁾ и кажется современным экономистам нелепым предрассудком. Но предрассудок этот имел, как мы видим, свое разумное основание. Он коренился в общем укладе экономической жизни античного общества, положившем свой отпечаток на все экономические воззрения классических писателей. Именно в этом укладе экономической жизни и нужно, по словам Родбертуса, искать объяснения того обстоятельства, что «древним была закрыта вся область государственного хозяйства, что в экономических сочинениях таких умов, как Аристотель и Ксенофонт, мы встречаем лишь правила домашней экономии, а не экономии целой нации»²⁾.

Мы видим, таким образом, что в античном мире распределение «ренты вообще» допускало лишь количественные, но не качественные различия. Конечно, не все члены имущего класса получали доход одинаковой величины, но между ними невозможно еще было различить землевладельцев от капиталистов. Только в истории германских народов появляется это качественное различие в родах дохода. Оно обуславливается возникающей здесь дифференциацией труда и владения, зарождающейся противоположностью между городом и деревней. Обработка добытых в деревне сырых продуктов сосредоточивается теперь в городах, так как средневековые постановления прямо запрещают землевладельцам ремесленные предприятия. Естественным следствием этой противоположности между городом и деревней было дальнейшее подразделение обрабатывающей промышленности на множество отдельных отраслей. «Земледелие дает материал для самых разнообразных отраслей промышленности,— говорит Родбертус,— зерновой хлеб для выделки муки, дерево для

¹⁾ Мунк, в своей „Geschichte der römischen Literatur“ (I Band, S. 239), приводит весьма характерную выписку из сочинений Катона—цензора „De re rustica“. „Наши предки,— говорит этот стародум римского общества,— приговаривали вора к возврату украденного в двойном размере, ростовщика—к возврату суммы, вчетверо превышающей взятый им процент. Отсюда можно видеть, во сколько раз ростовщик казался им хуже вора“.

²⁾ Zur Beleuchtung, S. 100.

приготовления мебели и орудий труда, кожу—для обуви, лен и шерсть—для платья и т. д., и т. д.». В античном хозяйстве все эти сырые продукты подвергались обработке на месте. С отделением же ремесленной деятельности от сельско-хозяйственной, обработка сырых продуктов необходимо должна была подразделиться на множество разнородных отраслей. Сапожник не мог заниматься выделкой мебели, столяр не мог взяться за приготовление платья. В свою очередь каждая из этих отраслей ремесленной деятельности подразделялась еще на более мелкие¹⁾. Все эти неизвестные в античном мире подразделения нашли свое выражение в средневековой организации цехов. Разделение труда, незначительное еще внутри мастерской, играло тем большую роль во взаимных отношениях различных корпораций, подавая повод к целому ряду недоразумений, так как не всегда и возможно было провести точную границу между сферами законной деятельности различных ремесленников.

При существовании частной собственности на землю и капитал, разделение общественного труда предполагает обмен его продуктов на рынке. Производитель каждого рода продуктов должен предварительно обратить их в деньги и уже с помощью денег приобретать необходимые для него продукты потребления. «Та хрематистика, которую Аристотель считает достойной гражданина, тот способ хозяйства, который состоял в том, чтобы продуктами домашнего приготовления удовлетворять все важнейшие потребности, лишается своего нравственного значения, потому что становится невозможным экономически»²⁾. Натуральное хозяйство античного мира мало-по-малу уступает свое место современному денежному хозяйству. «На первый план выступает меновая стоимость продуктов». Так как каждый производитель лишь путем обмена получает необходимые для него предметы потребления, то естественно, что он прежде всего интересуется меновой стоимостью своих продуктов. Ею определяется

¹⁾ Иданные Людовиком св. в половине XIII столетия постановления^{*} известны под именем „Etablissements des metiers de Paris“, содержат, по словам Бланка, „правила, относящиеся более чем к 150 различным профессиям“. Histoire de l'économie pol V édit., p. 161

²⁾ Zur Beleuchtung etc., S. 102.

его покупательная сила. Богатство человека, величина и значение его имущества определяются теперь меновой, а не потребительной стоимостью находящихся в его распоряжении продуктов. Самое распределение национального дохода происходит теперь иначе, чем оно происходило в античном обществе. Во-первых, продукты не делятся непосредственно между обладателями средств производства и рабочими. Они продаются предварительно на рынке, и только различные части их стоимости распределяются между этими классами. Во-вторых, приходящаяся на долю собственников часть национального дохода, «рента вообще», подразделяется теперь на несколько видов. Одна часть ее поступает в распоряжение сельских хозяев, другая распределяется между ремесленниками-предпринимателями и фабрикантами. Каждый из них называет доставшуюся ему часть ренты доходом с имущества. Сельский хозяин смотрит на нее, как на продукт, обязанный своим существованием почве и земледельческому капиталу, фабрикант объясняет свою прибыль «производительными услугами» принадлежащих ему средств производства. Но мы знаем уже, что «всякая рента» есть такой же продукт труда рабочих, как их заработная плата. И если, считая свою ренту доходом с имущества, рабовладелец был до известной степени прав, потому что рабы также составляли часть его имущества, то в настоящее время, с освобождением рабочего, дело представляется в ином свете. «Рабочие, трудом которых создается этот доход, считаются свободными, а свобода предполагает право собственности трудящегося на продукты его труда»¹⁾. Только сложностью современного хозяйства и нежеланием имущих классов признать неприятные для них истины объясняется, по мнению Родбертуса, это перенесение на неодушевленные предметы творческих свойств живого человеческого труда.

Не будем, однако, уклоняться от вопроса о распределении ренты между различными слоями имущего класса. Мы сказали выше, что с отделением промышленных предприятий от земледельческих возникают качественные различия в распределении

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 106.

национального дохода, создаются неизвестные древним экономические категории. Но разделение чистого дохода страны между сельскими хозяевами и промышленниками не объясняет еще этих различий. Всюду, где преобладает фермерство, сельскими хозяевами являются не сами землевладельцы. Доход же крупного фермера есть так же прибыль на капитал, как и доход фабриканта. Существенных различий нужно искать между доходом землевладельца, с одной стороны, и доходом предпринимателя — с другой, хотя бы предпринимателем явился не фабрикант или ремесленник, а сельский хозяин — арендатор. Только установивши это основное различие, мы можем перейти к дальнейшему исследованию законов распределения, к выяснению принципов этих различных категорий ренты, т.-е. земельной ренты и прибыли на капитал.

Для выяснения этих принципов Родбертус считает необходимым сделать два предположения. Для простоты анализа он принимает, что часть ренты, доставшаяся «обладателям фабричного продукта, не подвергается дальнейшему подразделению между различными отраслями ремесленного и фабричного производства. Я делаю это, — говорит он, — единственно для простоты рассуждения, и такое предположение несколько не изменяет сущности явления, хотя в действительности оно происходит, конечно, иначе». Кроме того, он принимает, что «меновая стоимость продукта определяется количеством труда, затраченного на его производство». Другими словами, он исходит в своих рассуждениях из признанной и подробно разобранный им теории стоимости Рикардо. «В своем сочинении *Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände* я показал, — прибавляет он, — что в действительности меновая стоимость продуктов несколько отклоняется от этой нормы, что она бывает то выше, то ниже ее, но она стремится, по крайней мере, к этому столько же естественному, сколько и справедливому уровню. Притом же мое предположение — поскольку речь идет лишь об определении общих законов распределения ренты — несколько не противоречит истине. Наконец, я мог бы с таким же удобством принять, что меновая стоимость несколько отклоняется в ту или другую сторону от вышеупомянутой нормы. Мне важно лишь признание того,

что стоимость следует в своих изменениях одному и тому же постоянному закону». Какое значение имеют эти предположения для нашего автора, мы увидим впоследствии.

Доставшаяся фабричным предпринимателям часть «ренты вообще» рассматривается ими, как прибыль на капитал. Мы говорили уже выше, что развитие товарного производства выдвигает на первый план меновую стоимость продуктов. Вследствие этого является возможным определить уровень прибыли каждого предприятия, т.-е. отношение прибыли к общей сумме затраченного в производстве капитала. И прибыль и затраченные в предприятии средства производства одинаково являются теперь в виде стоимостей, допускающих всевозможные сравнения и измерения. Там, где движение капиталов не стесняется законодательными мерами, устанавливается обыкновенно определенный уровень прибыли, равной для всех отраслей промышленности. Это достигается, как известно, путем конкуренции. Обычный в стране уровень прибыли на капитал принимается за норму и в сельско-хозяйственных предприятиях. Это признается всеми экономистами и объясняется тем, что промышленная деятельность вовлекает в свой круговорот гораздо более значительную часть национального капитала, чем земледелие. Из чистого дохода сельско-хозяйственных предприятий должна быть, прежде всего, вычтена часть, соответствующая обычной прибыли на капитал. В противном случае земледелие не представляло бы собою достаточно выгодной для капиталистов отрасли промышленности, капиталы устремились бы в другого рода предприятие.

Если прибыль на земельный капитал не поглотит всего чистого дохода сельско-хозяйственных предприятий, то остаток будет представлять собою поземельную ренту и принадлежать землевладельцам, как таковым. Всегда ли будет существовать такой остаток? Именно этот вопрос и ведет к разногласию между Родбертусом и Рикардо. Последний отвечает на него отрицательно. По его мнению, такой остаток появляется лишь тогда, когда с увеличением населения общество видит себя вынужденным взяться за обработку менее плодородных земель, при чем возвышается стоимость сельскохозяйственных продуктов. «Когда с прогрессом общества,— говорит

он,— поступают в обработку земли второй степени плодородия, то земли лучшего качества немедленно начинают приносить ренту, и величина этой ренты зависит от разницы в степени плодородия лучших и худших участков». Родбертус полагает, напротив, что, «за вычетом прибыли на капитал из доставшейся владельцам сырого продукта ренты, всегда должна остаться некоторая часть в виде поземельной ренты, как бы ни была велика или мала стоимость сырых продуктов» (разрядка Родбертуса)¹⁾. Он основывает свой взгляд на том предположении, что меновая стоимость как сырых, так и фабричных продуктов определяется количеством труда, необходимого на их производство.

Рассмотрим ближе учение обоих экономистов. По мнению Рикардо, первые поселенцы всякой страны занимают, обыкновенно, самые плодородные участки земли. Пока население остается редким и малочисленным, этих участков первостепенного качества существует более чем достаточно для пропитания жителей. Каждый желающий заняться земледелием и обладающий необходимым для этого капиталом может найти еще незанятый участок земли первостепенного качества. Вследствие этого, никто не согласится платить ренту за право пользования землею, отошедшею в частную собственность. «По общим законам спроса и предложения,— говорит Рикардо,— никто не будет платить за право пользования этою землею так же точно, как никто не платит за право пользования водою или воздухом, или каким-нибудь другим естественным благом, существующим в неограниченном количестве». Весь чистый доход сельскохозяйственных предприятий остается, следовательно, в руках предпринимателей, и землевладельцы получают доход лишь постольку, поскольку они являются в то же время и сельскими хозяевами. Но с возрастанием народонаселения дело принимает другой оборот. Все участки лучшего качества оказываются занятыми, а между тем спрос на хлеб все-таки превышает его предложение. Хлебные цены растут и достигают, наконец, такого высокого уровня, что даже обработка участков

¹⁾ Zur Beleuchtung der socialen Frage, S. 109.

второстепенного качества начинает приносить обычный уровень прибыли на капитал. Но в таком случае доход с первостепенных участков будет уже превышать эту норму. За вычетом из него обычной прибыли, получится еще некоторый остаток, который и будет представлять собой ренту. Эта часть доходов с участков лучшего качества поступит в распоряжение землевладельцев, отдавших их в наем. Уровень арендной платы определится, таким образом, самым ходом общественно-экономического развития. Но достигнутое таким путем равновесие будет весьма неустойчиво. Дальнейшее возрастание народонаселения вынудит общество взяться за обработку земель третьестепенного качества. Тогда доход с участков второстепенного качества, в свою очередь, превысит обычный уровень прибыли, и они также начнут приносить своим владельцам ренту. И чем ниже будет плодородие поступающих в обработку земель, тем менее будет их доходность сравнительно с доходностью лучших участков, тем более будет возрастать приносимая этими последними рента. Сущность рассуждения не изменится, если мы предположим, что с возрастанием народонаселения предприниматели не берутся за обработку земель худшего качества, а увеличивают затрату труда и капитала при возделывании лучших участков. Это увеличение затрат не будет сопровождаться, по мнению Рикардо, пропорциональным ему возрастанием чистого дохода. С развитием общества производительность земледельческого труда постоянно уменьшается. Таким образом, при удвоении затрат на обработку лучших участков приносимый ими доход возрастает не на 100%, а лишь на 90, 85 или 80%. Но во всяком случае последняя, наименее производительная, затрата капитала должна принести обычную прибыль, потому что иначе капиталисты не решились бы на такую затрату. Возможность получения обычной прибыли обеспечивается общим возвышением хлебных цен, так как «меновая стоимость всех предметов потребления определяется количеством труда, необходимого на их производство в тех предприятиях, которые не имеют исключительных преимуществ». К числу таких предприятий относится, разумеется, и обработка земель лучшего качества, равно как и наименее производительные затраты

труда на лучших участках. Но в таком случае доход, приносимый предшествовавшими, более производительными затратами труда и капитала, будет уже превышать обычный уровень прибыли. Полученный за вычетом этой прибыли остаток отойдет к землевладельцам и будет составлять их ренту.

Такова теория поземельной ренты Рикардо, казавшаяся Родбертусу ошибочной во всех отношениях. Как известно уже читателю, наш автор не разделял того убеждения, что с развитием общества производительность труда постоянно уменьшается. Со свойственной ему основательностью он разобрал со всех сторон это положение английской школы и показал его ошибочность. Относящиеся сюда аргументы Родбертуса имеют огромную важность, и несколько ниже мы представим их подробное изложение. Но, несмотря на всю свою основательность, аргументы эти не могли поколебать теории Рикардо, так как центр тяжести его учения лежит вне вопроса о производительности земледельческого труда. Это сознавал и сам Родбертус. «Теория поземельной ренты Рикардо,— говорит он в третьем письме к Кирхману,— также хорошо согласна в основных своих положениях с постоянным уменьшением производительности земледелия»¹⁾. Сущность теории Рикардо заключается в том положении, что наименее производительные затраты земледельческого капитала, равно как и наименее плодородные участки земли не приносят ренты, а дают лишь обычную прибыль. На этот пункт и направил наш автор свои главные возражения. Он упрекает Рикардо в непоследовательности, утверждая, что теория ренты английского экономиста противоречит его учению о меновой стоимости, составляющему главную заслугу его в истории экономической науки. Если все предметы потребления стоят труда и только труда,— рассуждал Родбертус,— если меновая стоимость продуктов, по учению самого Рикардо, определяется количеством труда, необходимого на их производство, то общая стоимость национального дохода распределится между предпринимателями пропорционально количеству труда, затраченного на производство их продуктов. Предположив, что

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 62.

высота заработной платы одинакова во всех отраслях производства, т.-е. что в каждой из них рабочий получает одинаковую часть стоимости произведенного им продукта, мы должны будем признать, что и «рента вообще» распределится между предпринимателями пропорционально стоимости вывезенных ими на рынок продуктов. Допустим, что стоимость сельскохозяйственных продуктов равняется стоимости продуктов фабричных, т.-е. что на производство тех и других затрачено одинаковое количество труда. Тогда и чистый доход или рента фабричных предпринимателей будет равняться чистому доходу сельских хозяев. Мы знаем уже, что рента промышленников называется прибылью на капитал, высота которой служит нормой и для сельскохозяйственных предприятий. Но сельские хозяева всегда нуждаются в меньшем количестве капитала, чем промышленники. Это объясняется тем обстоятельством, что подвергая обработке сырые продукты, промышленники должны увеличить общую сумму издержек своего предприятия покупкой более или менее дорогого материала. Земледелие же не нуждается в таком материале, который был бы продуктом предшествующих ступеней производства. «Земледелие начинается собою производство, и материалом для обработки в нем служит сама почва», которая не входит в сферу предпринимательских издержек¹⁾). Вследствие этого отношение чистого дохода к общей сумме капитала будет в сельскохозяйственных предприятиях больше, чем в фабричных. В самом деле, мы предположили, что чистый доход, приходящийся на долю сельских хозяев, равняется чистому доходу промышленников. Но в земледелии этот доход распределяется на меньший капитал, чем в промышленности. Поэтому, если прибыль на промышленный капитал будет достигать десяти процентов, то доход от сельско-хозяйственных предприятий будет несколько выше; он будет равняться, положим, пятнадцати или двадцати процентам. За вычетом из этого дохода обычной прибыли на капитал, мы получим некоторый остаток, который и будет представлять собой поземельную ренту. Повторяем, существование такого остатка будет, по мнению Родбертуса, не

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 100; ср. также „Zur Erklärung und Abhülfe der Creditnoth des Grundbesitzes“, I Band.

случайным, а постоянным явлением, если только меновая стоимость сельскохозяйственных продуктов определяется количеством труда, необходимого на их производство.

Во избежание всяких недоразумений по этому важному вопросу, мы просим у читателя позволения повторить то же рассуждение в несколько более конкретной форме. Два предпринимателя — фермер и фабрикант — вывозят на рынок продукты, стоившие одинакового количества труда. Меновая стоимость продуктов фермера будет поэтому, равняться, меновой стоимости продуктов фабриканта. Если наши предприниматели заплатили одинаковую сумму своим рабочим, то и чистый доход их будет одинаков. Но, согласно мнению Родбертуса, мы должны предположить, что издержки фабриканта были больше издержек фермера. Допустим, что первый затратил вдвое больше капитал, чем второй. Ясно, что фермер получит вдвое большую прибыль на свой капитал, чем фабрикант. Но конкуренция не допускает двух различных уровней прибыли. Мы знаем уже, что прибыль промышленных предприятий служит нормой для предприятий сельско-хозяйственных. Поэтому, наш фермер должен будет довольствоваться лишь половиной принесенного его фермой дохода; другую же половину он передает землевладельцу в виде поземельной ренты.

Это рассуждение составляет, по словам Родбертуса, «основной пункт и краеугольный камень» его теории поземельной ренты. Он настойчиво возвращается к нему как в напечатанных своих сочинениях, так и в письмах, из которых многие, по собственному его замечанию, составляют целые брошюры. В 1870 году он предложил в гильдебрандовских «Jahrbüchern» «следующую задачу» сторонникам Рикардо. Предположим, — говорит он, — уединенный от всего мира круглый остров, на котором существует частная собственность на землю и капиталы. Вся обрабатывающая промышленность сосредоточена в городе, расположенном в самом центре острова; лежащая вне городских стен почва служит для добывания сырых продуктов. Размеры острова так невелики, что каждое из расположенных одно возле другого имений простирается от городских стен до самого берега. Принадлежащая к этим

имениям земли отличается повсюду одинаковыми качествами. «В этой гипотезе,— прибавляет наш автор,— исключены все те моменты, которые ставят отдельных землевладельцев в исключительно благоприятные условия по отношению к сбыту или стоимости производства продуктов. Здесь не существует различия ни в качестве почвы, ни в расстоянии от места сбыта... Здесь нет ни одного из тех условий, которые, по мнению Рикардо, вызывают появление ренты. Но я утверждаю, что рента все-таки будет существовать, потому что в распоряжении землевладельцев, сверх прибыли на их капиталы, во всяком случае останется еще некоторая часть чистого дохода. Откуда возьмется эта часть дохода? Ответ на этот вопрос заключает в себе, по моему мнению, принцип поземельной ренты, потому что постановка вопроса не позволяет смешивать случайные явления с существенными, поземельную ренту — с различными колебаниями этой ренты в том или другом частном случае»¹⁾.

Развивая далее свою аргументацию против теории Рикардо, Родбертус обращает внимание на другую, по его мнению, слабую сторону ее. Поземельная рента обязана своим существованием, по учению Рикардо, тому излишку дохода с лучших участков земли, который остается за вычетом прибыли на капитал. Но прибыль на капитал не представляет собою постоянной величины: уровень ее повышается и понижается несколько раз в течение года. Как отражаются на поземельной ренте эти колебания?— спрашивает Родбертус. При понижении общего уровня прибыли даже самые плохие участки должны приносить ренту; при возвышении этого уровня многие участки, приносявшие прежде ренту, перестают приносить ее. Но ни в том, ни в другом случае не изменятся ни свойства участков, ни расстояние их от рынка. Все эти пертурбации произойдут единственно вследствие колебаний уровня прибыли. Таким образом, поземельная рента Рикардо,— которая есть не более как дифференциальная рента,— представляет собою нечто в высшей степени шаткое, заключает наш автор²⁾.

¹⁾ Cp. Zur Beleuchtung, S. 113.

²⁾ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 1878, erstes und zweites Heft, S. 230.

VII.

При изложении учения Родбертуса о поземельной ренте, мы обращали уже внимание читателя на то обстоятельство, что землевладелец может и не заниматься лично сельским хозяйством. Он может сдать свою землю в наем и довольствоваться арендной платой, не принимая, таким образом, ни малейшего участия в производстве национального продукта, но весьма интересуясь ходом его распределения. То же самое может иметь место и по отношению к капиталу. Очень часто собственник передает свой капитал в производительное пользование другого лица, получая за это известную часть чистого дохода предприятия. Таким путем происходит дальнейшее подразделение взятой у рабочих части стоимости их продукта; рядом с «капиталистом» является «предприниматель», рядом с землевладельцем — арендатор. Вместе с этим и в науку вводятся соответствующие понятия: доход капиталиста называется процентом, доход предпринимателя — прибылью предприятия; наконец, доход землевладельца называется арендной платой и при свободном соперничестве арендаторов имеет, по крайней мере, тенденцию совпасть с тем, что называется в науке поземельной рентой. Интересы лиц всех поименованных «званий и состояний», солидарные между собой пока дело касается самого существования «ренты вообще», немедленно приходят в столкновение, как только речь заходит об ее подразделении. Предприниматель стремится к тому, чтобы как можно меньше платить за право пользования капиталом; напротив, капиталист старается увеличить свой доход за счет предпринимателя. Между землевладельцами и арендаторами также происходит вечная борьба по вопросу о величине арендной платы. Неудивительно, поэтому, что правомерность каждого из этих видов дохода не раз подвергалась сомнению и служила поводом самой ожесточенной полемики между заинтересованными сторонами. Споры эти характерны, как мерило постепенного роста и выяснения важнейших экономических понятий. Мы не говорим о тех громах, которые раздавались против процента со стороны античных писателей и отцов церкви. Их взгляды коренились в иных, совершенно

непохожих на наши, общественных отношениях. Но достаточно напомнить знаменитый спор Бастиа с Прудоном, в котором последний никак не мог провести резкой границы между процентом с одной стороны и приовочной стоимостью — с другой. Что касается поземельной ренты, то в настоящее время в Англии ведется довольно сильная агитация, в пользу так называемой, «национализации почвы», т. е. перехода ее в собственность государства. Необходимость этой меры вызывается, по мнению ее сторонников, тем обстоятельством, что именно поземельная рента, в нынешнем ее виде, нарушает гармонию интересов всех классов общества.

Наш автор не только не разделил таких псевдо-радикальных взглядов, но посветил даже особую главу «правовому обоснованию процента и арендной платы за землю». Он был убежден, что пока землевладельцы и капиталисты имеют дело с предпринимателями, до тех пор они имеют право требовать вознаграждения за производительное пользование их имуществом. «Несправедливость, которую многие усматривают в существовании арендной платы за землю и процента, заключается не в подразделении ренты вообще, а в самом ее возникновении... Вот почему, когда я стараюсь найти правовое обоснование процента и арендной платы, я имею в виду лишь взаимные отношения собственников и предпринимателей, а не отношения этих двух классов к работникам», — говорит Родбертус. «Несправедливость эксплуатации этих последних так же несомненна с точки зрения естественного права, как неоспорима правомерность раздела ренты между собственниками и предпринимателями, раз допускаем мы существование этой ренты»¹⁾. Именно в современном обществе, где возник особый класс предпринимателей, «работающих» с помощью занятого капитала, исчезает ровновосточный характер процента, вызывавший такое негодование древних писателей. Ростовщик пользуется нуждой своих близких, между тем как современный капиталист требует лишь части дохода, полученного предпринимателем с помощью занятого у него капитала. Предприниматель занимает не по нужде, а с целью обогащения, и только

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 115.

очень близорукие защитники «справедливости» могут видеть в нем жертву эксплуатации.

В том же смысле решает наш автор и вопрос о «национализации почвы». Он думает, что «как с правовой, так и с хозяйственной точки зрения частная собственность на капитал не лучше обоснована, чем частная собственность на землю. Капиталы в такой же малой степени, как и земля, представляют собою продукт труда собственников... В настоящее время оба рода имущества являются необходимыми пока регуляторами труда»¹⁾.

Оставим, однако, вопрос о правомерности различных видов «ренты» и перейдем к изложению экономических законов, на основании которых происходит распределение национального дохода между различными классами общества. Припомним сказанное нами о доходе «творцов общественного богатства», о заработной плате работников. По признанию «всех серьезных экономистов», как говорит Луио Брентано, плата за труд рабочего определяется уровнем насущнейших его потребностей. Потребности рабочего класса составляют, конечно, результат множества самых разнообразных исторических условий, но в каждой данной стране и в каждое данное время они представляют собою постоянную величину. Для их удовлетворения необходимо известное, определенное количество предметов потребления. Какую бы страсть к «сбережению» ни отличали предприниматели, они не могут спустить заработную плату ниже этого уровня, потому что такое «ненормальное» ее понижение привело бы к увеличению смертности среди рабочих. Предложение «рук» на рынке уменьшилось бы до такой степени, что предприниматели лишились бы возможности употребить в «дело» все свои капиталы, и деньги перестали бы «родить деньги». Предпринимателям приходится, поэтому, мириться с необходимым расходом и отводить душу в проповеди сбережения, воздержания, самообуздания и прочих похвальных качеств. В распоряжение предпринимателей поступит, таким образом, лишь та часть национального дохода, которая останется за вычетом из него

¹⁾ „Sur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes“, Iena 1876. Th., II, S. 334, в примечании.

заработной платы. С увеличением общей суммы национального дохода часть эта будет увеличиваться, с уменьшением его — сокращаться. Отсюда следует, что «высота ренты находится в обратном отношении к высоте заработной платы: чем ниже заработная плата, тем выше рента и наоборот!» Но чем определяется высота заработной платы, рассматриваемой как часть продукта? Мы сказали уже, что в каждой данной стране и в каждое данное время для удовлетворения потребностей рабочих нужно определенное количество предметов потребления. Если производство этих продуктов поглощает, положим, половину национального труда, то другая половина его пойдет на удовлетворение потребностей других классов. Но если, благодаря успехам техники, на производство необходимых для рабочих продуктов потребуется не половина, а только четвертая часть национального труда, то остальные три четверти его останутся в распоряжении собственников. Заработная плата, как часть продукта, уменьшится вдвое, рента возрастет на пятьдесят процентов. Мы видим, таким образом, что рента находится в прямом, заработная плата в обратном отношении к производительности национального труда. С возрастанием ее, заработная плата составляет все меньшую и меньшую часть национального дохода, и в этом заключается, по мнению Родбертуса, вся суть социального вопроса.

Посмотрим теперь, как подразделяется «рента» между различными слоями рабочего класса. По предположению Родбертуса, стоимость каждого продукта определяется количеством труда, необходимого на его производство. Но это количество зависит в свою очередь от степени производительности труда: чем производительнее труд, тем большее количество продуктов является в результате данной единицы его продолжительности; другими словами, чем производительнее труд, тем меньшее количество его требуется для производства каждого данного продукта. Следовательно, стоимость продуктов каждой отрасли производства находится в обратном отношении к производительности труда в этой отрасли. Предположим теперь, что в данной стране стоимость сельскохозяйственных продуктов равна стоимости продуктов фабричных, т.-е. что на

производство и тех и других затрачено одинаковое количество труда. Если высота заработной платы одинакова в обеих отраслях производства, то рента, т.-е. оставшаяся за вычетом заработной платы часть национального дохода, распределится поровну между обеими отраслями. Мы знаем уже, что «рента на капитал» называется его прибылью, уровень которой определяется отношением чистого дохода к общей сумме издержек предприятия. Читатель помнит также, что прибыль стремится к одному уровню во всех отраслях производства, и что высота прибыли в фабричных предприятиях имеет решающее значение в земледелии. По изложенным выше причинам, земледельческие предприятия, за вычетом прибыли на капитал, приносят еще и поземельную ренту. Очевидно, что высота этой ренты стоит в обратном отношении к высоте прибыли: поземельная рента представляет собою остаток чистого дохода земледельческих предприятий, который возрастает с уменьшением вычитаемого, т.-е. прибыли на капитал. Но от чего зависит высота прибыли? Представляя собою отношение чистого дохода к издержкам предприятия, высота прибыли возрастает с уменьшением и падает с увеличением суммы этих издержек. Известно, что стоимость сырых продуктов входит составною частью в общую сумму издержек фабричных предприятий, так как продукты эти служат материалом для труда фабричных рабочих. С возрастанием стоимости сырых продуктов растут издержки предприятия и, следовательно, понижается уровень прибыли. А так как поземельная рента стоит в обратном отношении к высоте прибыли, то мы можем сказать, что поземельная рента увеличивается с возрастанием стоимости сырых продуктов и уменьшается с понижением этой стоимости, — или, другими словами, что высота поземельной ренты прямо пропорциональна стоимости сырых продуктов. Но стоимость всякого продукта находится в обратном отношении к производительности труда. Отсюда следует, что высота поземельной ренты обратно пропорциональна производительности земледельческого труда; поземельная рента падает с увеличением плодородия почвы или с улучшением сельскохозяйственной техники и возрастает с упадком плодородия и ухудшением техники.

«Если, при данной стоимости национального продукта, вам дана также высота ренты вообще, — говорит Родбертус, — то поземельная рента и прибыль стоят в обратном отношении друг к другу и к производительности труда в соответствующих им отраслях производства. Чем ниже прибыль на капитал, тем выше поземельная рента, и наоборот: чем выше производительность земледельческого труда, тем ниже поземельная рента и тем выше прибыль на капитал; чем выше производительность фабричного труда, тем ниже прибыль на капитал и выше поземельная рента, и наоборот»¹⁾).

Преыдуцим анализом исчерпываются все те условия, которыми определяется высота заработной платы и прибыли. Что же касается до поземельной ренты, то, помимо вышеуказанных, существует еще один фактор, влияющий на ее относительную высоту. Рассмотрение этого фактора важно в том отношении, что он не остался без влияния на возрастание ренты в европейских странах, принимаемое многими экономистами за следствие уменьшения производительности земледельческого труда. Природа этого фактора может быть выяснена следующим, весьма простым рассуждением.

На основании изложенных сейчас положений, мы без труда определим относительную величину заработной платы, прибыли на капитал и поземельной ренты, если нам известны насущнейшие потребности рабочего класса, производительность труда в различных отраслях предприятий, площадь обрабатываемых земель и, наконец, стоимость национального дохода. Спрашивается: какое влияние на распределение этого дохода окажет увеличение трудящегося населения страны, не сопровождаемое, однако, никакими изменениями в производительности национального труда? Первым следствием предложенного явления было бы, разумеется, увеличение количества производимых в стране продуктов. Но так как производительность труда не изменилась, то каждый продукт стоил бы теперь такого же труда, как и прежде. Вследствие этого и заработная плата осталась бы на прежнем уровне, потому что понижение ее обуславливается лишь возрастанием

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 123.

производительности труда. Количество же продуктов, составляющих сумму заработной платы всех рабочих страны, увеличится благодаря возрастанию самого числа рабочих. Далее, высота «ренты вообще» останется неизменной, потому что влияющие на нее факторы — производительность труда и заработная плата — сохранили свою прежнюю величину. Но составляя, как и прежде, положим, половину всего национального продукта, «рента вообще» будет иметь теперь большую стоимость, потому что увеличилась стоимость самого национального продукта. Эта большая стоимость «ренты вообще» разделится в прежней пропорции на поземельную ренту и прибыль на капитал. Мы знаем уже, что разделение это зависит от степени производительности труда в соответствующих отраслях производства, оставшейся в рассматриваемом случае без всякого изменения. Землевладельцы и предприниматели будут получать такие же, как и прежде, части «ренты вообще», но стоимость этих частей увеличится благодаря увеличению стоимости самой ренты. Какое влияние окажет это обстоятельство на высоту поземельной ренты и прибыли? Для расширения национального производства необходима, разумеется, большая сумма капитала. Поэтому, большая стоимость доставшейся предпринимателям «ренты» распределится на большую сумму затраченного в производстве капитала, и уровень прибыли их предприятий останется неизменным. Не то будет с поземельной рентой. Возрастание трудящегося населения и расширение национального производства не сопровождаются увеличением территории, поэтому большая стоимость доставшейся землевладельцам части «ренты вообще» распределится не на прежнее число моргенов, гектаров или десятин земли. Вследствие этого повысится и уровень поземельной ренты. Мы видим, таким образом, что поземельная рента имеет стремление к повышению даже в тех случаях, когда заработная плата и прибыль на капитал остаются на прежнем уровне. Она — и только она — повышается вследствие возрастания трудящегося населения, которое в большей или меньшей степени имеет место во всех прогрессирующих странах.

Сказанное относится также к стоимости самой земли. Она определяется, как известно, капитализацией поземельной

ренты на основании обычного, в данное время, процента. Если капитал в 1.000 талеров принесит 50 талеров, т.-е. 5% дохода, то и наоборот капитализация из 5% дохода в 50 талеров даст 1.000 талеров капитала. Подобным же образом очень легко определить, какой величины капитал представляет собою участок земли, приносящий 100 талеров ежегодного дохода, если обычный уровень процента равняется пяти. Это не значит, конечно, что поземельную ренту можно рассматривать как процент, приносимый затраченным на закупку земли капиталом. Не величиной этого капитала определяется высота поземельной ренты, а наоборот — высота последней определяет стоимость земли и, следовательно, величину того капитала, который может быть выручен от продажи данного участка. Притом высота поземельной ренты есть, как мы уже знаем, не единственный фактор, влияющий на стоимость земли. Она зависит также от уровня процента. Если он повысится с пяти на десять, то при прежней высоте поземельной ренты земля потеряет ровно половину своей стоимости. При понижении обычного уровня процента стоимость земли будет, наоборот, возрастать, хотя бы высота поземельной ренты осталась без изменения. Но при данном уровне процента стоимость земли зависит, говоря вообще, лишь от высоты поземельной ренты и отражает на себе все ее колебания. Поэтому, стоимость земли растет даже в тех случаях, когда, при прочих равных условиях, увеличивается лишь трудящееся население страны, или — как выражается Родбертус — количество ее производительных сил. Все это может казаться пока весьма сухим и незанимательным, но несомненно приобретет весьма большую поучительность, когда мы взглянем, с точки зрения этих абстрактных положений, на общий ход экономического развития Европы. Мы должны, однако, сделать раньше небольшое отступление.

Известно, что меновая стоимость драгоценных металлов определяется, как и стоимость всякого другого товара, количеством труда, необходимого для их добывания. Но производительность труда не остается неизменной и в этой отрасли предприятий. Она возрастает с открытием более богатых рудников или россыпей и уменьшается с их истощением. Вместе с этим изменяется, конечно, и меновая стоимость драгоценных

металлов, а следовательно, и самих денег. Нам нужно выяснить теперь, какое влияние оказывают изменения в стоимости денег на относительную высоту различных видов дохода.

«В прежнее время, — говорит Родбертус, — экономисты были того мнения, что открытие американских рудников в XVI столетии, причинившее падение меновой стоимости денег, повело к понижению обычного уровня процента, а следовательно и прибыли. Но уже Юм не соглашался с этим мнением; да и на самом деле ясно, что при понижении меновой стоимости драгоценных металлов денежная стоимость капитала должна возрасти в том же самом отношении, в каком возрастает денежная стоимость продукта предприятия; поэтому отношение между прибылью и капиталом должно остаться неизменным»¹⁾. Что же касается поземельной ренты, то высота ее находится, по мнению Родбертуса, в тесной связи со стоимостью драгоценных металлов. Понижение этой последней ведет к возрастанию денежной стоимости всех продуктов. Между прочим, возвышается, конечно, денежная стоимость и той части национального продукта, которая представляет собой поземельную ренту. Но эта повысившаяся денежная стоимость поземельной ренты распределяется на прежнюю площадь обрабатываемой земли. «Денежная рента растет, таким образом, в том же отношении, в каком понижается стоимость денег, а потому и в результате капитализации этой ренты получится большая сумма; другими словами, стоимость земли возрастет вместе с рентой».

VIII.

При внимательном анализе в экономической истории каждой прогрессирующей страны можно открыть, по мнению Родбертуса, влияние всех или почти всех указанных факторов. Сделать это будет, конечно, совсем не легко, так как они действуют не в одном и том же направлении. Переплетаясь и комбинируясь между собою самым различным образом, то дополняя, то нейтрализуя друг друга, факторы эти дают чрезвычайно сложный результат, который может быть приписан

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 132.

действию совсем других причин, влиянию совершенно иных законов. Именно такая ошибка имела, по словам нашего автора, место при изучении экономических отношений западноевропейских стран. Замечаемое в этих странах возрастание поземельной ренты и хлебных цен приписывалось уменьшению производительности земледельческого труда, между тем как это явление допускает совершенно иное и гораздо более правильное объяснение. Родбертус убежден, что производительность труда увеличилась в Европе во всех отраслях производства. Вследствие этого заработная плата стала представлять собой меньшую, «рента вообще» — большую, чем прежде, часть национального продукта; точнее сказать, заработная плата, как часть продукта, не понизилась, а понижается, так как увеличение производительности труда представляет собою не только совершившийся факт, но и постоянно совершающийся процесс. Возрастание это не в одинаковой степени коснулось различных отраслей национального производства. Фабричный труд сделал в этом отношении гораздо большие успехи, чем земледельческий. Поэтому и стоимость земледельческих продуктов понизилась в меньшей степени, чем стоимость продуктов фабричных. Если пуд хлеба и аршин сукна имели некогда одинаковую стоимость, то теперь за пуд хлеба можно приобрести уже не один, а полтора или два аршина сукна. Это, повторяем, относительное, а не абсолютное увеличение стоимости земледельческих продуктов должно было повести к повышению поземельной ренты, так как, при данной стоимости национального продукта и при данном уровне «ренты вообще», высота поземельной ренты обратно пропорциональна производительности земледельческого труда. Кроме того, трудящееся население Европы, «количество ее производительных сил», постоянно возрастало, а вместе с тем увеличивалось и общее количество продуктов ее производства. Мы знаем уже, как влияет на поземельную ренту такое явление: она возвышается пропорционально возрастанию трудящегося населения. Но и это не все. Открытие американских рудников в огромной степени увеличило количество обращающихся в Европе драгоценных металлов и уменьшило стоимость денег. Этот упадок стоимости денег должен был, как сказано

выше, повести к повышению денежной ренты землевладельцев, а следовательно и продажных цен на землю. Мы видим, таким образом, что к повышению поземельной ренты было достаточно поводов помимо всякого уменьшения производительности земледельческого труда. «Взяты вместе, указанные обстоятельства так хорошо объясняют чрезвычайное возрастание поземельной ренты и стоимости земли, — говорит Родбертус, — что для разгадки этого замечаемого во всей Европе явления вовсе не пужно прибегать к предположению упадка производительности земледельческого труда, — упадка, отнюдь не имевшего места в нашей части света».

Перейдем к другим категориям дохода. Если бы производительность национального труда в одинаковой степени возрасла во всех отраслях производства, то увеличение «ренты вообще», рассматриваемой как часть продукта, повело бы к равномерному повышению прибыли на капитал и поземельной ренты. Но мы знаем уже, что земледельческий труд отстал в этом отношении от фабричного, и что поземельная рента возвысилась на счет прибыли. «Несмотря на возвышение «ренты вообще», возрасла только поземельная рента, уровень же прибыли, напротив, понизился», — говорит наш автор. Такая плохая награда за капиталистические добродетели может, конечно, казаться самой вопиющей несправедливостью всякому «беспристрастному наблюдателю». Мы заметим, однако, ему в утешение, что история другим путем вознаградила гг. капиталистов и предпринимателей за эти потери. Во-первых, понижение уровня прибыли не означает еще уменьшения общей ее суммы. Прибыль в 20% с капитала в 100.000 равняется 20.000 руб. Предположим, что прибыль понижается с течением времени с 20 на 15%, но в то же время удваивается общая сумма капитала; 15% прибыли с капитала в 200.000 дает 30.000 руб. дохода. Таким образом, несмотря на понижение уровня прибыли, общая сумма ее увеличится на одну треть. «Рента на капитал увеличивается, растет, но не возвышается», — говорит наш автор¹⁾. Мы знаем уже, что

¹⁾ Briefe und sociopolitische Aufsätze von dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgeg. von Rud. Meyer. I Band, S. 228. Родбертус утверждает, что до него ни один экономист не обратил внимания на разницу между повышением и увеличением прибыли.

национальный капитал увеличился во всех европейских странах. Конечно, если бы с ростом национального капитала увеличивалось также число капиталистов и предпринимателей, то каждый из них в отдельности не извлек бы никакой пользы из этого обстоятельства, большая сумма прибыли распределялась бы между большим числом капиталистов, и доход каждого из них не имел бы поводов к увеличению. Но в современном обществе дело происходит как раз наоборот. Капиталы все более концентрируются в немногих руках, крупные предприятия все более вытесняют средние и мелкие. Число капиталистов и предпринимателей уменьшается вместе с ростом национального капитала, а потому средний доход их возрастает. Теряя от понижения уровня прибыли, они выигрывают от увеличения ее суммы. Кроме того, нужно иметь в виду, что если бы общая сумма прибыли и не стремилась к возрастанию, то и тогда понижение ее уровня не означало бы уменьшения материального благосостояния этого слоя имущего класса. Увеличение производительности национального труда ведет к понижению стоимости всех продуктов. Поэтому, представляя собою меньшую часть стоимости национального продукта, прибыль может представлять собою в то же время большее, чем прежде, количество предметов потребления. Для этого нужно только, чтобы уровень прибыли понизился в меньшей степени, чем возвысилась средняя производительность национального труда. И несомненно, что именно такое благоприятное отношение существует в действительности между понижением уровня прибыли и возвышением производительности труда: успехи промышленной техники выражаются во всяком случае в целых числах (единицах, десятках и даже сотнях и тысячах), между тем как понижение уровня прибыли изменяется дробями. Уже в виду одной этой причины никакое повышение поземельной ренты на счет прибыли не может грозить капиталистам понижением их *standard of life*.

Далеко не так успокоительно выглядит отношение между «рентой вообще» и заработной платой. Мы сказали уже, что заработная плата, — этот единственный доход «творцов общественного богатства», — понизилась вследствие увеличения производительности национального труда. Это понижение ее

маскировалось, правда изменением стоимости самых денег. Стоимость драгоценных металлов понизилась в большей степени, чем стоимость сельскохозяйственных продуктов. В свою очередь, стоимость фабричных продуктов понизилась более, чем стоимость драгоценных металлов. Вследствие этого, в обмен за сырые продукты дается теперь большее количество денег, чем прежде, несмотря на увеличение производительности сельскохозяйственного труда. Денежная стоимость фабричных продуктов должна была, напротив, понизиться. Конечно, лишь весьма небольшая часть сырых продуктов может служить для непосредственного потребления; большинство их нуждается в фабричной обработке. Стоимость большей части продуктов складывается, поэтому, из двух частей: сельскохозяйственный труд и труд фабричный. Но чем более преобладает в нем та или другая часть, тем более зависит его стоимость от степени производительности труда в соответствующей отрасли производства. Пища рабочих есть продукт, главным образом, сельскохозяйственного труда. Она составляет, кроме того, главную статью в бюджете рабочего. Поэтому, можно сказать, что стоимость заработной платы — как данного количества предметов потребления — определяется преимущественно производительностью сельскохозяйственного труда или, что то же, стоимостью сырых продуктов. Мы знаем уже, что денежная стоимость сырых продуктов возрасла, несмотря на возрастание производительности сельскохозяйственного труда. Только благодаря этому возрасла и денежная стоимость заработной платы, хотя эта последняя не только составляет теперь меньшую часть национального дохода, но уменьшилась даже, как сумма поступающих в распоряжение рабочего продуктов. «Я утверждаю, — говорит Родбертус, — что, за исключением некоторой части нашей прислуги, все наши работники получают теперь меньше хлеба, мяса, платья, жилого помещения, короче, всех необходимых для жизни предметов, чем получали они 50 лет тому назад. Если вы причислите к рабочим также и детей, то я берусь доказать, что жилые помещения берлинского рабочего класса содержат относительно меньше квадратных футов, чем стояла наших баранов»¹⁾.

¹⁾ Briefe und socialpolitische Aufsätze, I Band, S. 239.

Как это ни странно, но людям пришлось завидовать баранам лишь благодаря успехам цивилизации. Основываясь на исследованиях Дюшателле и Роджерса, Родбертус утверждает, что количество составляющих заработную плату предметов потребления (реальная заработная плата, в противоположность денежной) меньше в настоящее время, чем оно было 500 лет тому назад. В варварском XIII столетии рабочий лучше питался, лучше одевался, занимал лучшие жилые помещения, чем в нашем веке пара и электричества! «Обыкновенно это оспаривается, — говорит Родбертус, — потому что нас ослепляет ситец, в который наряжаются теперь наши работницы, а еще чаще получаемое ими количество зильбергрошей, которые сами по себе не отличаются, однако, питательностью». Дюшателле доказывает, «что реальная плата понижалась во Франции с 1202 по 1830 год. То же подтверждает Роджерс относительно Англии; из его исследований оказывается, кроме того, что и рабочее время тогда было короче. С 1830 года реальная плата понизилась еще более. Это было бы легко доказать и по отношению к Германии»¹⁾.

В 1873 году наш автор послал в редакцию «Berliner Revue» опыт о распределении национального дохода в Англии, названный им «Die Baxter'sche und die Colquhonn'sche Einkommenspyramide (Aus einer Einleitung in die sociale Frage)». Вот что пишет он между прочим Р. Майеру о результатах своего исследования: «Это поразительная, страшная статистическая картина, основанная на официальных данных. Вы не можете себе представить, какая печальная разница произошла в распределении (удвоившегося) населения и (возросшего в шесть раз) национального дохода в промежуток времени от 1812 года (исследование Colquhonn'a) по 1868 год (к которому относятся исследования Baxter'a). Доход все более концентрируется в денежном мешке на вершине общественной пирамиды, весь прирост населения поглощается ее основанием, он ведет лишь к увеличению

¹⁾ Briefe und socialpolitische Aufsätze, I Band, S. 252. Вышеприведенные слова Родбертуса кажутся, с первого взгляда, совершенно противоречащими действительности. Мы считаем, поэтому, нелишним напомнить читателю, что результаты исследования Роджерса приводятся также г. Янжулом в первом томе его „Английской свободной торговли“.

рабочего муравейника; наконец, соответствующие средним классам middle incomes постоянно уменьшаются. Эти статистические данные превзошли все мои ожидания. Я никогда не думал, чтобы могли существовать такие тяжелые пункты обвинения против господствующей системы... Общество напоминает собою суставчатое животное, осу с перетянутой талией. Довольно! Это — зрелище, «достойное богов»¹⁾.

Последуем и мы примеру Родбертуса.

Вспомним, что не всем же живется плохо в этой юдоли скорби и бедствий, что полезны же кому-нибудь завоевания современной науки и чудеса промышленной техники. Мы видели уже, что европейская история была очень внимательна к землевладельцам и предпринимателям. Перейдем теперь к «капиталистам» и арендаторам.

«Рента на капитал» подразделяется, как мы знаем, на две части: процент капиталиста и прибыль предпринимателя. Величина обеих частей зависит прежде всего от величины целого, т.-е. самой «ренты на капитал». С ее возвышением капиталисты получают возможность требовать больший процент за пользование их капиталом, предпринимателям же дается возможность удовлетворить этому требованию без ущерба для их собственных интересов. Поэтому, все сказанное выше об относительной высоте «ренты на капитал» одинаково относится к доходу как предпринимателей, так и капиталистов. Но при данной высоте «ренты на капитал» очевидно, что более высокий процент обуславливает более низкий уровень предпринимательской прибыли и наоборот. Высота процента определяется, по мнению Родбертуса, отношением спроса на капитал со стороны предпринимателей к предложению его со стороны капиталистов. Адам Смит принимает, что «разумный» процент составляет половину прибыли, полученной с помощью отданного в займы капитала.

¹⁾ Briefe und Aufsätze, I B. S. 328 — 340. Как видно из этого письма, „Einkommenspyramide“ есть найденный А. Вагнером в бумагах Родбертуса опыт о распределении дохода в Англии. Но странно, что берлинский профессор находит „незаконченным“ и не печатает сочинения, послышавшегося в печать самим автором. Впрочем, Р. Майер предполагает, что издание „литературного наследия“ нашего автора просто противоречит видам „железного канцлера“.

В настоящее же время отношение между процентом и предпринимательской прибылью изменилось, по мнению нашего автора, в пользу капиталистов. Это произошло благодаря распространению акционерных компаний. Каждая компания представляет собою ассоциацию лиц, соединивших свои капиталы для той или другой производительной цели, не принимающих непосредственного участия в ведении предприятия. Последнее поручается директорам, управляющим и т. д., заступающим место предпринимателей и получающим определенное жалование. Остающаяся, за вычетом этого жалования, часть предпринимательской прибыли достается — в виде дивиденда — акционерам, между тем как в единоличных предприятиях часть эта поступает в распоряжение предпринимателей. Понятно, что такой способ помещения капиталов гораздо выгоднее для их обладателей; поэтому, значительная часть европейских капиталов приливает в акционерные компании, и отношение между их предложением и спросом изменяется к невыгоде предпринимателей. Последние принуждены платить более высокий процент и довольствоваться меньшей прибылью. «Уровень процента возвысился у нас именно со времени распространения акционерных компаний, — говорит Родбертус, — хотя отсюда не следует, конечно, что влияние последних не может быть ослаблено или совершенно парализовано действием других факторов»¹⁾. Акционерные компании вообще играют очень важную роль в истории капитализма. Они представляют собою такую форму ассоциации капиталов, благодаря которой даже самые незначительные сбережения частных лиц оставшиеся прежде вне всякого производительного употребления, идут теперь в дело и оживляют промышленную жизнь страны. Спекуляционная горячка много способствовала упадку акционерных компаний в глазах общества. «Но чем индивидуальная предпринимательская деятельность какого-нибудь Крушпа или Диргордта почтеннее деятельности акционерных компаний? — спрашивает Родбертус в одном из писем к Р. Майеру. — С какой стати предпочитать нам брюнетов блондинам или обратно? Да и что вам сделали, мои дорогие,

¹⁾ Zur Erklärung etc. der Creditnoth. Th. II, S. 23.

дорогие акционерные компании? — продолжает он в шутовском тоне. — Эта форма производства, которая соединяет в один большой поток множество мелких капиталов, должна исполнить свою миссию. Она должна дополнить дело рук божьих, прорыв перешейки там, где создатель считал несвоевременным или забыл это сделать, соединить страны, разделенные морями, пробуровать Альпы и т. д. Египетские пирамиды и финикийские постройки останутся далеко позади в сравнении с тем, что делают акционерные компании»¹⁾. Но этим не исчерпывается еще их историческая роль. Частью благотворное, частью вредное влияние их распространяется на все стороны социальной жизни. «В политическом отношении государству грозит опасность сделаться простым орудием в руках больших акционерных компаний; с точки зрения экономической они представляют нам удивительное зрелище капитала который сам прокладывает дорогу ненавистному ему государству рабочих и чиновников». Развитие акционерных компаний ведет за собою упрочение такой формы производства, при которой все заведывание предприятием переходит в руки нанятых лиц, владельцы же капиталов превращаются в простых рантьееров. И «если деятельному и энергичному роду майордомов удалось некогда свергнуть с престола обленившуюся меровингскую династию, то почему живая и энергичная организация рабочих не сможет современем устранить общественную форму, превращающую собственников в простых рантьееров? А между тем, капитал уже не может уклониться с этого пути! *Digitus Dei est hic!* Достигши полного цвета и развития, капитал превращается в своего собственного могильщика. Так продолжает Хронос пожирать своих собственных детей!»²⁾.

Нам остается сказать несколько слов об отношении землевладельцев к арендаторам, чтобы совершенно покончить с учением Родбертуса о распределении национального дохода. Собственно говоря, арендатор есть предприниматель, ведущий хозяйство на чужой земле и иногда с помощью чужого капитала. Поэтому, сказанным выше об относительной высоте

¹⁾ Briefe und Aufsätze, I Band, S. 290 — 91.

²⁾ Zur Erklärung der Creditnoth, II. S. 25 — 26 и 276.

«ренты на капитал» и поземельной ренты, с одной стороны, и о взаимном отношении процента и предпринимательской прибыли — с другой, исчерпывалось бы все, относящееся к доходу арендатора, если бы понятие о поземельной ренте всегда покрывалось понятием об арендной плате на землю.

Но эти два понятия совпадают лишь в тех странах, где образовался многочисленный класс свободных и зажиточных фермеров. Классическим примером такой страны может служить Англия, в которой сама сила вещей приводит к тому, что арендаторы довольствуются прибылью на земледельческий капитал, отдавая землевладельцам поземельную ренту во всем ее объеме. Та же сила вещей, — иначе сказать, конкуренция, — держит прибыль на одинаковом уровне во всех отраслях национального производства; поэтому и землевладельцы вынуждены довольствоваться поземельной рентой, предоставляя прибыль на капитал в распоряжение фермеров. В других же государствах Европы такое равновесие нарушается часто в пользу одной из сторон. Там, где класс фермеров находится еще в зачаточном состоянии, как это видим, по словам Родбертуса, в Германии, арендаторы сверх прибыли на свой капитал «удерживают в своих руках значительную часть поземельной ренты». И наоборот, неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, промышленная отсталость страны, отсутствие выгодных помещений для капиталов, наконец, недостаточный спрос на труд могут вынудить фермеров не только отдавать собственникам сверх поземельной ренты еще значительную часть прибыли на капитал, но из всего дохода фермы довольствоваться лишь самой жалкой заработной платой. Едва ли нужно прибавлять, что в таком положении находится Ирландия¹⁾.

¹⁾ Впрочем, такой же точно пример русский читатель может видеть у себя дома. В некоторых местностях России арендные цены на землю в течение лишь десяти лет после освобождения крестьян возрасли на 300 — 400% (Янсон. «Опыт исследования о крестьянских наделах и платежах», стр. 89). По замечанию г. Янсона, такое возвышение арендных цен «объясняется единственно малоземельем крестьян». Не находя другого приложения для своих хозяйственных сил, крестьяне вынуждены отдавать землевладельцам значительную часть того, что должно было бы составлять прибыль свободных крестьян-арендаторов. А рядом с этим другое, на этот раз совершенно «самобытное» явление: г. Орлов («Форма

IX.

Изложенное выше учение Родбертуса о распределении национального дохода основывается, как мы уже говорили неоднократно, на том предположении, что производительность труда возрастает во всех отраслях национального производства. Успехи промышленной техники слишком очевидны для того, чтобы возможны были какие-нибудь сомнения относительно возрастания производительности фабричного труда. Что же касается земледелия, то здесь мнения экономистов расходятся: многие писатели до сих пор держатся взглядов Мальтуса и Рикардо, утверждавших, что производительность его уменьшается в каждом развивающемся обществе. Нужно заметить, что этот спорный пункт представляет собой узел всех «проклятых вопросов» нашего времени. Если Мальтус и Рикардо, заблуждались, то улучшение экономического положения беднейших классов населения цивилизованных обществ является лишь делом времени и доброй воли самих бедняков. Если же названные экономисты правы, то классы эти должны «оставить всякую надежду», человечество осуждено на постепенное обеднение, против которого бессильны все успехи техники, все улучшения общественных отношений. Рано или поздно земля откажется удовлетворять в должной мере потребности возрастающего населения, и оно будет поставлено в состояние хронического голодания, если химикам не удастся открыть способ искусственного приготовления белковины. «К счастью, — говорит наш автор, — убеждение Мальтуса и Рикардо совершенно ошибочно. Оно не выдерживает критики ни с сельско-хозяйственной, ни с исторической, ни с политической точек зрения»¹⁾.

крестьянского землевладения в московской губернии») приводит пример того, что будущий «крестьянин-собственник» отдает в аренду свой надел, «за что и обязуется платить» с своей стороны известную сумму денег. Оказывается, что «поземельная рента» может представлять собою и отрицательную величину, чего, разумеется, не предвидел ни один из экономистов «гнилого Запада». Наше народное хозяйство, действительно, не похоже на хозяйство западно-европейских стран. Жаль только, что различие это было до сих пор не в пользу экономического положения трудящегося населения.

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 67.

Статистика, на которую ссылаются последователи Рикардо и которая «во всяком случае имеет важное значение при решении этого вопроса», содержит тысячи неоспоримейших данных, по меньшей мере несогласующихся с мнением Рикардо, между тем как многие данные, говорящие, повидимому, в его пользу, или совсем недостоверны, или допускают совершенно иное толкование. Аргументы Родбертуса имеют особенно важное значение в виду того, что он сам был отличным сельским хозяином, знавшим свое дело и теоретически и практически. Кому же, как не сельским хозяевам, решать вопрос о том, уменьшается или увеличивается производительность сельскохозяйственного труда, меньшую, равную или большую прибыль приносят последовательные затраты сельскохозяйственного капитала? Мы видели уже, что наш автор самым решительным образом восстал против мнения Рикардо. «Я хотел бы спросить последователей Рикардо: с каких же пор началось это уменьшение производительности земледелия? — говорит он, приступая к его опровержению. — Я спрашиваю: являлась ли убывающая производительность этого рода труда вместе с самим земледелием? Но в таком случае, какой бы богач был в состоянии купить себе достаточное количество хлеба? Ведь история земледелия измеряется уже тысячелетиями. Или, может быть, производительность сельскохозяйственного труда возрастала в течение первых двух-трех тысяч лет его существования, а затем вдруг стала уменьшаться? Могут ответить, конечно, что этот поворотный пункт наступил тогда, когда все наиболее плодородные участки поступили уже в обработку и возрастание народонаселения вынудило обратиться к менее благодарной почве. Но я спрашиваю: какой же район имеется в виду при подобном ответе? Не видим ли мы, что и до сих пор польский, русский и американский хлеб оказывает давление на английский, а следовательно, и на все другие хлебные рынки? В Украине и придунайских странах сельскохозяйственная химия открыла почву, с плодородием которой не может соперничать ни один участок в Ломбардии, Кэнте и Бельгии; а между тем эта почва до сих пор остается необработанной. Дайте лишь упрочиться в этих странах свободному правовому порядку, — и их производство окажет новое давление на хлебную торговлю Европы.

Но хотя такого рода воздействия постоянно имеют — и долго еще будут иметь — место, у нас повсюду обрабатывается гораздо менее плодородная почва. Отсюда следует, что несмотря на обработку этой худшей почвы, у нас не наступило еще время уменьшения производительности сельскохозяйственного труда».

Уже эти общие соображения значительно подрывают вероятность вышеприведенного мнения Мальтуса и Рикардо. Но Родбертус намеренно предоставляет своим противникам наиболее выгодную позицию. Он ограничивает свое исследование лишь западно-европейскими странами и рассматривает притом историю земледелия в этих странах лишь за последнее столетие. Он устраняет также вопрос о воздействии на европейские рынки хлебной производительности других стран света. Он спрашивает лишь: «правда ли, что в западных странах Европы в течение последнего столетия производительность сельскохозяйственного труда уменьшилась, стоимость его продуктов возрасла, в обработку поступали все менее плодородные земли и последующие затраты капитала на данном участке приносили меньший доход?» Далее, «правда ли, что в условиях западно-европейского земледелия лежат причины, благодаря которым производительность его должна уменьшаться в будущем?» Родбертус думает, что он имеет право ответить на эти вопросы отрицательно. Против учения Мальтуса и Рикардо он выставляет, с своей стороны, следующие три положения:

1) В западной Европе — этой обработаннейшей части света — до самого последнего времени так же часто совершался переход к более плодородным, как и к менее плодородным участкам. То же должно иметь место и в будущем.

2) Сказанное относится и к последовательным затратам сельскохозяйственного капитала. Последующие затраты не всегда были и будут менее производительны, чем предшествующие.

3) Наконец, худшие участки могут приносить поземельную ренту и по мере возрастания стоимости сельскохозяйственных продуктов.

Приступая к доказательству первого из этих положений, Родбертус замечает, что Рикардо составил себе довольно странное понятие об истории землевладения. По мнению

английского экономиста, в частную собственность переходят первоначально лишь самые плодородные участки, менее же благодарная почва остается совершенно свободной, и занятие ее предоставляется доброй воле граждан. Но «гораздо вероятнее, напротив, что вся обитаемая оседлым народом территория состоит в собственности — частной или общинной, — так что даже самые бесплодные участки не подлежат свободному занятию. С незапамятных времен вся земля составляет предмет собственности, лежащие у городских ворот огороды так же точно, как и болота, которых не касалась еще нога человека»¹⁾. Необработанная почва лежит рядом с обработанной в различных хозяйственных единицах, и количество ее оказывает решительное влияние на существующую в стране систему сельского хозяйства. Необработанная почва служит выгоном или пастбищем для скота, а известно, как связано скотоводство с земледелием в собственном смысле этого слова. Она входит, таким образом, необходимою составною частью в каждую хозяйственную единицу; при этом необработанные участки далеко не всегда бывают наименее плодородными. Очень часто, по причинам как хозяйственного, так и чисто физического свойства, обработка положительно не может начаться с наиболее плодородных участков. Так, например, высота уровня воды в данной местности имеет иногда решающее влияние на судьбу различных участков. «Известно, — говорит Родбертус, — что уровень воды во всех наших больших реках и озерах понизился за последнее столетие на несколько футов. И это явление вовсе не ново, хотя только за последнее время оказалось возможным выразить его в числах. Хроника XII столетия доказывает, что в то время море еще покрывало многие местности, которые представляют собою ныне плодороднейшие участки. То же повторяется во всей Западной Европе». Конечно, участки, отвоєванные таким образом у моря, сами по себе имеют ничтожное значение. Но понижение уровня воды ведет к осушению почвы во всем бассейне данной реки, а это в свою очередь увеличивает ее плодородие. «Сырость есть величайший враг полезной растительности». Поэтому,

¹⁾ Zur Beleuchtung, S. 169.

«каждый фут, на который понижается уровень воды в наших больших реках, оказывает благотворнейшее влияние на целые тысячи моргенов, увеличивает их плодородие или даже впервые делает их годными для земледелия».

Осушенная таким образом почва оказывается часто в высшей степени плодородной благодаря изобилию находящихся в ней растительных остатков. Многие плодороднейшие земли северной Германии являются, по словам Родбертуса, таким «подарком природы», полученным помимо какой бы то ни было затраты капитала. Наш автор приводит в пример свое собственное имение, в котором «в течение последних 50 лет (писано в конце 50-х годов) площадь обрабатываемой земли увеличилась более чем на тысячу плодороднейших моргенов» единственно благодаря естественному уменьшению сырости почвы. «Законы, на которых основывается это явление, имеют общее значение», поэтому и самое явление не ограничивается пределами одной Германии. Точно такой пример представляет нам Англия. С другой стороны, несомненно что это понижение уровня воды не остановилось еще и в настоящее время. Благодаря ему и до сих пор еще частью осушается страдавшая прежде от сырости почва, частью же «дарятся нам новые, более плодородные участки». В Европе и до сих пор еще находятся сотни тысяч моргенов, обработка которых станет возможной лишь в будущем, и не потому, что нынешние цены на хлеб делают ее невыгодной, как это думают последователи Рикардо, а потому, что ей препятствуют чисто физические условия. Только «незаметный, но всемогущий ход развития в природе» устранит эти препятствия и даст — «и притом совершенно даром» — возможность воспользоваться производительными свойствами этих участков.

Но это не все. Существует много хозяйственных условий, препятствующих обработке наиболее плодородной почвы. «Взглянувши на любую деревню, нетрудно убедиться, — говорит Родбертус, — что в обработку поступают прежде всего ближайшие к ней участки. Но всегда ли располагались первые поселения в плодороднейшей части принадлежащей им земли?» На этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно. Места для поселений выбирались на основании множества

соображений, часто не имеющих ничего общего с сельским хозяйством. Близость к деревне наиболее плодородных участков является делом случая. Но раз деревня располагалась далеко от них, то обработка их становилась почти невозможной, и они играли лишь второстепенную роль выгонов и пастбищ. Тюнен показал, что доходность земель уменьшается в зависимости от расстояния их от хозяйственного центра. На это могут возразить, пожалуй, что если обработка наиболее плодородных участков оказывалась невыгодной для данного хозяйственного центра, то ничто не мешало возникновению новых центров, расположенных именно среди этих плодородных земель. Но, во-первых, известно, что поземельная собственность в Западной Европе сравнительно недавно освободилась от оков феодального права, мешавшего свободному переходу ее из одних рук в другие. Поэтому, часто владелец не мог передать малополезных для него участков в другие руки, между тем как у него не было достаточно капитала для заведения новых хуторов в отдаленных частях имения. Кредитные же учреждения и до сих пор далеко не всегда приходят на помощь сельским хозяевам. Кроме того, при господстве трехпольной системы, участки эти оказывались необходимыми в качестве пастбищ и выгонов для скота; и пока общее развитие экономических отношений не привело к плодопеременному хозяйству, участки эти должны были оставаться необработанными.

«Таким образом, естественные и хозяйственные условия мешали и до сих пор мешают во всех странах Европы возделыванию участков, отличающихся гораздо большим плодородием, чем земли, находящиеся ныне в обработке. В нашем отечестве, например, — прибавляет Родбертус, — нельзя еще и предвидеть, когда исчезнут все вышеуказанные препятствия и сила человека победит природу, а разум исправит историю».

Но предположим, что наступило, наконец, такое время, когда не остается уже необработанных плодородных участков. Тогда всякое добавочное количество сельскохозяйственных продуктов может быть получено лишь путем затраты нового капитала на обработанной уже почве. Мы знаем уже, что — в противность Мальтусу и Рикардо — наш автор убежден, что эти

новые затраты будут столь же производительны, как и предшествующие. «Я думаю, — говорит он, — что в общем плодородие почвы увеличивается под влиянием земледелия, так что участки четвертого класса сравниваются с участками третьего класса, эти последние возвышаются по своему плодородию на степень участков второго класса и т. д., и т. д.».

Мы видели уже выше, что плодородие почвы возрастает часто под влиянием чисто физических условий. «Еще чаще оно увеличивается вследствие новых затрат капитала». Так, например, дренаж оказывает часто такое благотворное влияние на плодородие почвы, что, помимо всякого возвышения цен сельскохозяйственных продуктов, приносимый ею доход далеко превышает затраченный на ее осушение капитал. Осушение почвы путем дренажа могло бы явиться, по словам Родбертуса, «главным рычагом сельско-хозяйственного прогресса в низменных странах европейского континента, следовательно, по всей почти Германии». Но для приложения этого рычага недостает в настоящее время главной точки опоры, — карты, которая указывала бы высоту уровня воды в различных местностях данной страны. Таким образом, это улучшение и связанное с ним возрастание плодородия почвы являются еще делом более или менее далекого будущего. «Но я должен, — прибавляет Родбертус, — обратить внимание читателей еще на одно обстоятельство, которое гораздо медленнее, но зато в несравненно более обширных размерах превращает худшие участки в лучшие. Оно заключается просто в продолжительной обработке данного участка, конечно, по разумной системе, но без всяких экстраординарных затрат капитала». Первым условием правильного ведения сельского хозяйства является, как известно, поддержание надлежащего соотношения между количеством веществ, взятых из почвы в виде хлеба, и количеством веществ, возвращенных ей в виде удобрения. Каждая сельско-хозяйственная система достигает этого равновесия по-своему, и несомненно, что любая система, будучи приложена разумным образом, может не только поддержать плодородие почвы на данном уровне, но и увеличить его, — «другими словами, из худших сделать лучшие». Такое возрастание плодородия почвы облегчает переход к более

интенсивному хозяйству, значительно увеличивающему площадь засеваемых хлебом земель в каждое данное время. Если при трехпольной системе под посев хлеба идет только третья часть принадлежащей имению земли, то плодопеременная система допускает засевание двух третей, т. е. вдвое большего количества земли. Таким образом, при переходе к более интенсивному хозяйству, площадь обрабатываемых земель возрастает, хотя число принадлежащих каждому хозяину моргенов и остается неизменным. «Этот процесс перехода от экстенсивной к интенсивной культуре еще очень далек от своего окончания даже в Западной Европе. В этой обработаннейшей половине обработаннейшей части света только небольшая часть земель возделывается по плодоперемennой системе. Уже этого одного факта достаточно, чтобы опровергнуть мнение Рикардо».

Родбертус не думает, разумеется, что плодородие почвы может возрастать до бесконечности. «Очень возможно, — говорит он, — что плодородие лучших наших земель может быть только удвоено; но гораздо вероятнее, что все худшие земли могут дойти до такой же степени плодородия, на которой стоят теперь самые лучшие участки. В течение столетий, которые пройдут до тех пор, мы можем не бояться грозных пророчеств Рикардо. А когда этот пункт будет достигнут, откроется новый исход. Ведь речь идет о добывании питательных веществ вообще, а не о добывании того или другого вида этих веществ. И та же самая почва, будучи засеяна каким-нибудь новым питательным растением, может дать гораздо большее количество пищи, чем оно давало прежде. С другой стороны, столь же трудно доказать способность человеческого рода к бесконечному размножению, как и способность земледелия к бесконечному усовершенствованию».

Если бы Рикардо имел в виду возможность обработки различных участков по различным системам, если бы он принял в соображение, что экстенсивная культура требует меньших затрат, чем интенсивная, то он не сказал бы, что обработка худших участков возможна лишь при возвышении хлебных цен. Доход, приносимый менее плодородными участками, может не покрывать издержек, требуемых плодоперемennой системой, но обработка тех же участков по трехпольной

системе может, по мнению Родбертуса, приносить не только обычную прибыль на капитал, но даже и поземельную ренту. Плохой участок будет, конечно, родить меньше хлеба, чем хороший. Но так как обработка первого по трехпольной системе требует менее труда, чем обработка второго по плодоперемennой, то издержки производства могут быть одинаковыми в обоих случаях. Лучший участок родит, положим, 40 бушелей хлеба, худший только 20; но если на обработку лучшего участка нужно 80 дней труда, между тем как обработка плохого по более дешевой системе требует лишь 20 дней труда, то каждый бушель хлеба будет стоить двух дней труда независимо от того, с какого участка он получен.

Чтобы воспользоваться законом относительной выгодности различных сельско-хозяйственных систем, нужно, конечно, много знаний, не всегда имеющих даже у западно-европейских хозяев. Несомненно также, что земледелие еще до сих пор не пользовалось услугами естествознания в той же мере, в какой пользуется ими фабричное производство. Кроме того, существует много других препятствий, мешающих прогрессу земледелия и рациональной обработке участков различного плодородия. «Но все эти препятствия устраняются с развитием общества и не могут поэтому иметь тех последствий, которые выводятся из них системой Рикардо».

X.

Учение о постоянном уменьшении производительности земледельческого труда основывалось, как известно, на том будто бы несомненном факте, что хлебные цены повышаются всегда с возрастанием народонаселения. Сторонники этого учения указывали также на то обстоятельство, что в каждое данное время хлебные цены выше в густонаселенных, чем в малонаселенных странах. Именно эти аргументы имел в виду Родбертус, утверждая, что «немногие статистические данные, говорящие, повидимому, в пользу теории Рикардо, или совсем недостоверны, или допускают совершенно иное истолкование». Наш автор прежде всего не соглашается с тем, что хлебные цены всегда повышаются с ростом народонаселения. Он ссылается на таблицу фон-Гюлиха, показывающую состояние

хлебных цен на лондонском рынке за огромный период времени от 1202 по 1826 год. Из этой таблицы видно, что в XIII и XIV столетиях цены на пшеницу стояли значительно выше, чем в XV и в первой половине XIV века. С 1202 года замечается постоянное понижение цен на пшеницу, продолжающееся до 1560 года включительно. Во второй половине XVI века начинает оказывать свое влияние прилив мексиканского серебра, и цены на пшеницу испытывают огромное повышение, которое продолжается до начала XVIII столетия. Но с 1701 года цена ее снова понижается и стоит сравнительно низко до 1770 года, с которого начинается новое повышение. В 1809 году повышение прекращается, и цены падают вплоть до 1826 г. «Таким образом, — замечает Родбертус, — мы не видим «постоянного повышения» цены пшеницы на рынке Лондона, этого всегда растущего всемирного города. Мы видим, напротив, целый ряд колебаний, вполне соответствующих колебаниям континентальных цен. И в Англии и на континенте цены стоят гораздо выше в семнадцатом, чем в восемнадцатом веке; в конце восемнадцатого века они снова повышаются до первого десятилетия девятнадцатого века включительно». Затем статистика указывает на новое положение. Из исследований Дитеричи видно, что цена пшеницы на берлинском рынке была значительно выше в период времени от 1791 по 1815, чем с 1816 по 1840 год. Таблица фон-Гюлиха также показывает, что с 1809 года происходит общее понижение цены пшеницы. Только в тридцатых годах, вследствие целого ряда неурожаев в Англии, хлебные цены снова возвышаются, причем возвышение это продолжается в Германии и в сороковых годах благодаря отмене английских хлебных законов. Само собою понятно, что свобода хлебной торговли оказала обратное этому влиянию на английский рынок.

Если мы сопоставим это движение хлебных цен с движением народонаселения в различных странах, то станет ясно, что первое не имеет никакой связи с последним. Возрастание народонаселения не только не всегда сопровождается вздорожанием хлеба, но, напротив, часто случается, что хлебные цены более всего падают именно в то время, когда население

растет всего быстрее. Правда, сколько-нибудь точной статистики европейского населения за предшествующие столетия не существует. Но и общие исторические соображения заставляют признать, что в XIII и XIV столетиях европейское население увеличилось в весьма сильной прогрессии. Это подтверждается соответствующим названной эпохе развитием и процветанием западно-европейских — а в том числе и английских — городов. Однако, мы видели уже, что лондонские цены на хлеб именно в течение этого периода испытывают весьма значительное понижение. С другой стороны, хлебные цены значительно растут в течение всего XVII века, когда — «по общему признанию историков» — народонаселение Англии не только не увеличивалось, но даже уменьшалось. Наоборот, население ее увеличивается в XVIII столетии, между тем как цены на хлеб падают до 1770 г. включительно, при чем понижение их достигает более чем 30%. Дальнейшее сравнение хлебных цен с движением народонаселения показывает, что и цены эти росли всего сильнее именно в то время, когда население возрастало всего медленнее, и падали в периоды наиболее быстрого его увеличения. Так, например, с 1817 по 1843 год население Пруссии возросло на 50%. По теории Рикардо, такое увеличение народонаселения должно было бы вызвать значительное вздорожание хлеба. История показывает, однако, совершенно противное. В тот самый период, когда население Пруссии возросло на 50%, хлебные цены на ее рынке понизились до 30%. А между тем за все это время Пруссия не только не ввозила иностранного хлеба, но продолжала увеличивать свой вывоз.

При всех этих сопоставлениях хлебных цен с движением народонаселения нужно, кроме того, иметь в виду, что стоимость драгоценных металлов подвергалась колебаниям. Рикардо признавал, что открытие американских рудников причинило внезапное падение стоимости драгоценных металлов в XVI веке; но он полагал, что влияние этого открытия давно уже прекратилось. Родбертус оспаривает мнение Рикардо, указывая на то обстоятельство, что в течение XVIII столетия добывание драгоценных металлов в Мексике увеличилось почти

в пять раз. Такое возрастание притока драгоценных металлов должно было, по его мнению, вызвать возвышение денежной стоимости всех продуктов, в том числе и хлеба — совершенно так же, как уменьшение добывания драгоценных металлов, обнаружившееся с 1809 года, должно было понизить хлебные цены. «Именно в виду таких колебаний в стоимости самих денег, — прибавляет Родбертус, — было бы весьма рискованно делать заключения о производительности земледельческого труда, основываясь лишь на денежной стоимости хлеба».

XI.

Мы видим теперь, какое значение имеют историко-статистические данные, подтверждающие будто бы учение об уменьшении производительности земледельческого труда в развивающихся обществах. Данные эти ни в каком случае не доказывают положения, в защиту которого их приводят. Но есть один несомненный факт, объяснимый, по видимому, лишь с точки зрения учения Мальтуса—Рикардо. Сущность его заключается в том, что в каждое данное время в богатых и густонаселенных странах хлебные цены стоят выше, чем в странах бедных и малонаселенных. Родбертус не отрицает этого явления, но находит для него иное объяснение. Если бы справедливо было учение Мальтуса и Рикардо, рассуждает он, то в каждом развивающемся обществе сельское население должно было бы возрастать относительно быстрее городского. Так как, по учению английских экономистов, производство добавочного количества хлеба требует все большего труда, то естественно было бы ожидать, что все большая и большая часть прироста населения будет обращаться к земледелию. В действительности же мы видим совершенно обратное явление. В прогрессирующих обществах городское население увеличивается обыкновенно быстрее сельского. Это может быть объяснено лишь тем, что, вопреки мнению Мальтуса и Рикардо, производительность земледельческого труда возрастает и потому относительно большая часть населения прогрессирующих стран получает возможность взяться за ремесленный и фабричный труд. И если, несмотря на возрастание

производительности земледельческого труда, хлебные цены все-таки возвышаются в таких странах, то это явление может быть объяснено множеством других причин, не имеющих прямого отношения к земледелию. Так, например, несомненно, что до некоторой степени оно обуславливается упомянутым уже более быстрым увеличением городского населения сравнительно с сельским. Для пропитания городского населения хлеб доставляется из деревень, и эта доставка значительно возвышает его стоимость. По исследованиям Тюнена оказывается, что если бы в деревне, отстоящей от города на 50 миль, шеффель ржи не стоил ничего, то при доставке его на лошалях и по обыкновенным немецким дорогам — стоил бы в городе не менее 1¹/₂ талера. Улучшение путей сообщения уменьшает, конечно, влияние этого фактора, не уничтожая, однако, его совершенно. Но зато, чем дешевле обходится доставка хлеба с экономическим прогрессом страны, тем сильнее сказывается, по мнению Родбертуса, влияние на хлебные цены нового фактора, именно денежного хозяйства. Известно, что с заменой натурального хозяйства денежным, «натуральная» заработная плата уступает место денежной. Не только рабочие, но даже прислуга, вместо, так называемого, «хозяйского содержания», получают соответственно повышенную денежную плату и сами уже заботятся об удовлетворении своих потребностей. Рабочие являются, таким образом, самостоятельными покупателями на рынке и в громадной степени увеличивают спрос на предметы первой потребности. Конечно, предложение этих предметов также возрастает, потому что все, составлявшее прежде натуральную плату рабочего, превращается теперь в товар и вывозится на рынок. Но, по мнению Родбертуса, это возрастание предложения «ни в каком случае не может уравновесить увеличение спроса», а потому цены названных предметов и не могут остаться на том же уровне, на каком стояли они в эпоху натурального хозяйства. «Исходя из многих тысяч отдельных личностей, направляясь на необходимые для жизни предметы и направляясь именно в то время, когда потребность в них дает очень сильно себя чувствовать, спрос превышает увеличившееся предложение. Это влияние спроса, раздробившегося между многими

тысячами лиц, заметно отчасти и на существующих в розничной продаже ценах. В особенности же оно заметно при неурожаях. Именно благодаря этому влиянию, даже при одинаковом отношении наличного количества хлеба к числу потребителей, цена его стоит гораздо выше в тех странах, где натуральная плата уступила место денежной».

Наш автор сознается, однако, что вышеприведенные факторы не выясняют спорного вопроса во всей его полноте. Так, например, Англия населена вдвое гуще, чем Германия. «Я утверждаю, — говорит Родбертус, — что производство данного количества хлеба требует, по крайней мере, на 50% менее труда в Англии, чем в Германии, а между тем, даже после отмены хлебных законов, английские цены на хлеб на 50% выше немецких. Такая значительная разница не может быть объяснена вышеуказанными причинами». Но сам же Рикардо дает новое оружие в руки своего противника. Родбертус повторяет мысль Рикардо о влиянии международной торговли на количество денег в различных странах и утверждает, что хлебные цены должны быть выше в богатых странах, вследствие присутствия в них большего количества денег. Богатство страны обуславливается производительностью национального труда, — говорит он. — Большая же производительность национального труда дает стране значительные преимущества на всемирном рынке. Она ставится в положение производителя, работающего при исключительно благоприятных условиях, и получает за свои продукты цены, значительно превышающие издержки их производства. «Всемирный рынок заменяет, таким образом, для нее богатые рудники, из которых она с малым трудом, — необходимым для производства вывозимых ею продуктов, — получает большое количество золота и серебра, платимого ей за ее товары». Благодаря этому и на внутреннем рынке ее является большое количество драгоценных металлов, так что стоимость их понижается или, другими словами, возрастают цены всех других товаров. Но это возрастание денежных цен товаров будет заметно лишь по отношению к некоторым из них. Здесь повторится явление, которого мы касались уже выше, говоря о влиянии американских рудников на европейские цены. Как

помнит читатель, мы пришли к заключению, что если бы производительность европейского труда осталась неизменной, то денежные цены всех товаров возвысились бы, благодаря уменьшению стоимости драгоценных металлов. Но так как рядом с уменьшением их стоимости шло возрастание производительности труда во всех его отраслях, то дело получило гораздо более запутанный характер.

Возвысились денежные цены лишь тех товаров, производство которых удешевилось в меньшей степени, чем добывание драгоценных металлов. Такими товарами были сырые земледельческие продукты. Что же касается других продуктов европейских стран, то увеличение производительности соответствующих им отраслей труда уравнило или даже перевесило влияние усилившегося притока драгоценных металлов, и цены их не возрасли или даже упали. Так как большая производительность труда «заменяет для передовой страны богатые рудники», то производство главных предметов вывоза из страны может быть рассматриваемо как добывание драгоценных металлов при исключительно благоприятных условиях. Более сильный, сравнительно с бедными странами, приток драгоценных металлов возвысит в передовой стране цены сырых продуктов, но влияние его не будет достаточно сильно, чтобы вызвать вздорожание продуктов фабричных. Несмотря на общее возвышение цен, продукты эти будут дешевле в богатых странах, чем в бедных, потому что увеличение производительности труда уравнивает и перевесит влияние усилившегося притока драгоценных металлов.

Само собою понятно, что международная торговля повлияет в обратном смысле на бедные, мало развитые страны. На внутренних рынках этих стран цены всех продуктов будут стремиться к понижению вследствие уменьшения количества обращающихся в них драгоценных металлов. Но это общее понижение цен будет в особенности заметно на сырых продуктах, потому что малая производительность фабричного труда в этих странах будет стремиться возвысить цены фабричных продуктов и тем уравнивает влияние возвысившейся стоимости драгоценных металлов.

«Я знаю, — говорит Родбертус, — что последователи Рикардо говорят о возвышении хлебных цен в густонаселенных странах, между тем как я объясняю это явление по отношению к богатым странам. Но более населенные страны являются обыкновенно и более богатыми. Увеличение производительности национального труда есть результат умственного развития. Творческая же сила человеческого ума растет, повидимому, лишь благодаря соединению и сближению умов, подобно тому, как производительная сила индивидуумов увеличивается благодаря разделению труда. По мнению Рикардо, густота населения возвышает цены съестных припасов вследствие уменьшения производительности земледельческого труда. На самом же деле именно большое богатство густонаселенных стран причиною возвышения цен тех продуктов, производство которых удешевляется в меньшей степени, чем производство продуктов, составляющих главную статью их вывоза».

XII.

Если производительность земледельческого труда не только не уменьшается, но даже возрастает во всех прогрессирующих странах, — хотя и в меньшей степени, чем производительность труда фабричного, — то экономический пессимизм Мальтуса и Рикардо лишается всякого основания. Увеличение народонаселения является, в таком случае, не бедствием, которого должны страшиться цивилизованные народы, а источником общественного богатства и благосостояния. Правда, до сих пор было не так, но причина этого печального явления коренится не в производстве, а в распределении национального продукта. В этом, по мнению Родбертуса, коренной «недостаток» современной общественной организации, в устранении этого «недостатка» состоит вся суть социального вопроса. Мы знаем уже, что с самых первых шагов в области самостоятельных экономических исследований Родбертус задался целью «увеличить долю участия рабочего класса в национальном доходе», и что все научные исследования его были лишь «необходимой теоретической основой» для достижения этой цели. Посмотрим же, какие «практические предложения»

для решения этого вопроса имел в виду автор «Социальных писем к Кирхману».

Современная общественная организация казалась ему переходною ступенью от античного строя, где не только средства производства, но и сами производители были объектами частной собственности, к тому будущему обществу, в котором предметы потребления будут подлежать частному присвоению, в размере участия каждого индивидуума в национальном производстве. Понятно, что «практические предложения» нашего автора должны были сообразоваться с этим общим ходом исторического развития, с этой сменой «всемирно-исторических периодов». Вот почему он так недоверчиво относился к «Эйзенахцам», не имевшим, разумеется, в виду никакого «будущего периода». «Эйзенах глубоко комичен!» — восклицает он в одном из писем к Р. Майеру. Так же мало удовлетворили его всевозможные попытки примирить интересы труда и капитала на почве «свободного договора», путем пресловутого «участия рабочих в прибыли предприятий» или чего-либо подобного. «Стремиться решить социальный вопрос на почве свободного договора — такое же нелепое намерение, как если бы госпожа История (Frau Historia) вздумала лечить бедствия рабства, оставаясь на почве рабства»¹⁾, — пишет он тому же Майеру. Даже Лассалевский проект организации производительных рабочих товариществ вызывал его недоверие, именно в виду философско-исторических соображений. «Ничто не убедит меня в том, что производительные ассоциации лежат на пути будущего национально-экономического развития... Они не могут явиться даже переходной ступенью к более широкой цели. Они вернули бы нас к корпоративной собственности, которая в тысячу раз хуже современной частной собственности. Переход от частной к государственной собственности не может совершиться через посредство собственности корпоративной; напротив, именно частная собственность есть переходная ступень от корпоративной к государственной собственности»²⁾. На основании всех этих соображений Родбертус должен был искать такого

¹⁾ Briefe und socialpol. Aufsätze, I, B., S., 160.

²⁾ Ibid, S. 228.

пути для решения социального вопроса, который с одной стороны, постепенно вел бы общество к «будущему всемирно-историческому периоду», но в то же время не подал бы повода к слишком резкому разрыву с настоящим. Как «социально-консервативный» мыслитель, наш автор стремился, разумеется, к мирному решению социального вопроса, потому что вопрос этот «не может быть решен на улице, посредством стачек, баррикад или даже петроля». Задача людей, стремящихся к решению социального вопроса, заключается, по мнению Родбертуса, в том, чтобы «найти и осуществить такие «экономические учреждения», которые могли бы, путем мирного развития, постепенно перевести общество из современного, основанного на частной собственности и уже отжившего государственного порядка, в высший порядок, в котором собственность являлась бы лишь в виде дохода, пропорционального труду». Эта, как он сам сознавался, неудобопроизносимая формулировка дополнялась еще одним, весьма существенным требованием.

Искомые «экономические учреждения» должны были «вести к указанной цели и связать настоящее с будущим путем системы наемного труда, не сокращая доходов собственников, но в то же время обеспечивая рабочим увеличение участия их в национальном доходе¹⁾».

Само собою разумеется, что такие замысловатые учреждения не могли бы быть осуществлены иначе, как посредством государственного вмешательства. В вопросе о государственном вмешательстве Родбертус совершенно сходил с Лассалем и не менее его ненавидел «Nichtsals-Freihändler»-ов. «Физиократическая система, от которой мы и теперь так страдаем, должна уступить место антропократии. Народное хозяйство также должно войти в сферу государственного управления», писал он в статье, носящей вполне понятное название «Physiokratie und Anthropokratie», к которому, по неизвестной причине, был прибавлен какой-то таинственный знак. Издатель «писем и статей» Родбертуса, Р. Майер, называет этот знак «массопским» и предполагает,

¹⁾ Briefe und Aufsätze, I B., S. 318.

что, украшая им статью, Родбертус хотел пригласить «свободных каменщиков» к постройке здания «будущего». Эта частности имеет, разумеется, значение лишь в качестве биографической подробности. Для нас важно лишь содержание статьи, в которой автор старается выяснить разницу между животным организмом, с одной стороны, и социальным — с другой. Между тем как «животные организмы свободны только по отношению к внешнему миру», социальный организм свободен еще и в том смысле, что составляющие его «атомы» могут по произволу изменить свои взаимные отношения, а следовательно и всю организацию общества.

... der Mensch
Vermag das Unmögliche;
Er unterscheidet,
Wählet und richtet,

говорит он словами Гете. Государство должно совершать все признанные необходимыми изменения и исполнять таким образом волю «социальных атомов». Но между тем, как Лассаль полагал, что государство лишь тогда явится на помощь рабочему классу, когда он будет представлять собою сильную политическую партию, Родбертус считал политическую программу Лассалю по меньшей мере бесполезным придатком к социальным требованиям рабочих. Он думал, что политическая агитация только нарушит общественное спокойствие, необходимое для решения социального вопроса. Кроме того, он опасался, что в наше время, когда «чуть не сам Лойола спекулирует на социальный вопрос», политика дает возможность приобрести влияние над рабочим людом, интересующимся социальным вопросом только «для политики», как выражался он, играя словами. Еще более отрицательно относился он к «католическим» и «протестантским социалистам». «Я убежден, — писал он Р. Майеру, — что пока одни будут примешивать к социальному вопросу свои религиозные, а другие — политические симпатии, вопрос этот решен не будет». Не рассчитывая на политическую самостоятельность рабочего класса, он всего ожидал от великодушия и гения какого-нибудь государственного человека. Откуда возьмется такой

человек — он и сам не знал хорошенько. Некоторое время он думал, что таким благодетельным гением явится князь фон-Бисмарк, которым он так восхищался в период франко-прусской войны. Находчивые друзья нашего автора советовали даже ему просить у «железного канцлера» аудиенции для изложения своих «практических предложений», но Родбертус был слишком умен для того, чтобы решиться на такую детскую выходку. Он отвечал, что в четверть часа невозможно решить социальный вопрос, а по окончании аудиенции Бисмарк, наверное, забудет и о социальном вопросе и о сделанных ему «предложениях». Он уже начал склоняться к тому убеждению, что «Бисмарк так же пвчтожен во внутренних, как велик во внешней политике» (письмо к Р. Майеру 5 февраля 1873 г.). Это не помешало ему, однако, надеяться на появление нового Мессии, а в ожидании этого писать проекты и передавать их на обсуждение политико-экономических конгрессов. Будучи убежден, что в настоящее время «даже самые абстрактные вопросы экономии понимаются рабочими лучше чем многими профессорами», он не переставал осаждать своими «практическими предложениями» профессоров, принадлежавших, по энергичному его выражению, к «Эйзенахскому болоту», и упорно отклонялся от всякой более благодарной практической деятельности. Только незадолго до смерти он начал останавливаться на мысли «выступить к качеству социалистического депутата» в рейхстаг, но и эту миссию он понимал довольно своеобразно. «В 1848 г. я много способствовал открытию для демократии доступа в салоны (Salonfähig zu machen), быть может, удастся мне это и с социализмом». Неизвестно, чем кончилась бы эта попытка, открыл ли бы Родбертус доступ в салоны социализму или социализм вывел бы его из «салонов» в рабочую собрания; тяжелая болезнь помешала осуществлению этого нового плана нашего автора. Большой, слабый и раздражительный, переезжал он из курорта в курорт и только урывками мог обращаться к своей любимой теме — социальному вопросу вообще и средствам его решения в частности.

Посмотрим же, в чем состояли «практические предложения» Родбертуса. Мы знаем уже, как формулировал он свою

задачу; взглянем теперь на ее решение. Все практические планы Родбертуса сводятся к законодательному регулированию заработной платы. Но под этим регулированием он понимал нечто гораздо более сложное, чем определение ее уровня на почве нынешнего денежного хозяйства. Предложенная им реформа затрагивала почти все сферы современной экономической жизни общества и требовала, поэтому, целого ряда предварительных работ и законодательных постановлений. Нужно заметить, что Родбертус выступил с изложением своих планов как раз в то время, когда между немецкими рабочими велась очень сильная агитация в пользу, так называемого, нормального рабочего дня, т. е. в пользу ограничения числа рабочих часов. Он воспользовался вызванным этой агитацией возбуждением общественного мнения, как удобным моментом для пропаганды своих воззрений. Простому ограничению числа рабочих часов он не придавал ровно никакого значения. Он находил, что несправедливо устанавливать ту или другую норму рабочего дня или заработной платы, не обращая внимания на различие в прилежании и ловкости рабочих. Чтобы удовлетворить требованиям справедливости, нужно было бы, по его мнению, не только ограничить число рабочих часов, но и установить норму того, что может быть сделано в каждой отрасли производства «средним рабочим при обыкновенном прилежании и обыкновенной ловкости». Рабочий, сделавший больше чем требовалось бы этой законной нормой, получал бы большую заработную плату, и наоборот — сделавший меньше, получил бы плату лишь за неполный рабочий день. «Но этого мало, — прибавляет наш автор, — предложенная мера ведет, собственно говоря, к установлению поштучной платы. Пока рабочая сила будет представлять собою товар и цена ее будет определяться конкуренцией, поштучная плата останется самым действительным средством эксплуатации работника». Поэтому, «государство должно установить уровень заработной платы в каждой отрасли производства, подвергая его периодическим изменениям, сообразно возрастанию производительности национального труда».

Раз ступивши на путь законодательного определения заработной платы, государство должно идти далее и постараться

найти новый «масштаб стоимости». Это новое предложение Родбертуса тесно связано с учением его о меновой стоимости товаров, которого не позабыли еще наши читатели. Если меновая стоимость продукта определяется количеством труда, необходимого на его производство, то определяя среднюю производительность национального труда в каждой его отрасли, мы определяем тем самым и стоимость продуктов. Зная, что «средний рабочий, при обыкновенном прилежании и обыкновенной ловкости», может сделать x продуктов данного рода в течение своего рабочего дня, мы скажем, что стоимость этих продуктов равна стоимости y продуктов другого рода, явившихся в результате рабочего дня в другой отрасли производства. Если число x вдвое больше числа y , то стоимость каждого отдельного продукта первого рода будет вдвое меньше стоимости каждого отдельного продукта второго рода и т. д. Мы потому говорим о «днях», а не о часах труда, что, по проекту Родбертуса, продолжительность рабочего дня может быть и неодинакова в различных отраслях производства. Известно, что интенсивность, а потому утомительность различных родов труда далеко не одинакова. Необходимо, поэтому, поставить продолжительность труда в соответствие с его интенсивностью и сделать рабочий день короче в более утомительных отраслях производства. Для удобства пришлось бы разделить рабочий день на несколько, например, на десять частей, которые Родбертус называет часами, хотя, как мы видим, десятая часть рабочего дня не всегда равнялась бы часу солнечного времени. Так как Родбертус находит необходимым оставить на время средства производства в частной собственности, то из общей суммы национального продукта, стоимость которого выражалась бы в днях и часах труда, рабочие получали бы только некоторую часть, положим, одну треть. Но эта часть оставалась бы постоянной, несмотря на возрастание производительности национального труда. Поэтому, если бы производительность национального труда удвоилась или утроилась, то в распоряжение рабочих поступало бы в два или в три раза большее количество предметов потребления. «Железный закон» заработной платы был бы устранен, и рабочие получили бы возможность пользоваться успехами

общественной культуры и усовершенствованием промышленной техники. Далее, определивши, таким образом, постоянный уровень заработной платы, государство должно было бы выпустить в обращение особые билеты, на которых обозначались бы различные количества рабочих дней и которые служили бы для расплаты предпринимателей с рабочими. На первый раз государство выдало бы предпринимателям в кредит необходимое для них количество билетов. С своей стороны, предприниматели возвратили бы ему этот долг, так сказать, натурой, именно продуктами своего производства. Государство должно было бы выстроить особые магазины для склада полученных таким образом продуктов и выдавать их в соответствующем количестве предъявителям новых денег.

«Конечно, — замечает Родбертус, — я очертил эти важнейшие мероприятия лишь самым беглым образом. Человек, не привыкший рассуждать об экономических явлениях, едва ли даже и поймет меня. Но и по отношению к специалистам я остаюсь еще в долгу. Я должен еще обосновать все сказанное мною. Чтобы удовлетворить научным требованиям, я должен был бы написать целую книгу. Здесь же мне нужно было только определить общую точку зрения, бросить беглый взгляд на те трудности, которые, подобно цепям огромных гор, выделяются на горизонте социального вопроса»¹⁾.

Тем не менее наш автор убежден, что даже в этой незаконченной форме проект его дает возможность судить о выгодах, связанных с его осуществлением. Первою из них был бы дешевый кредит для предпринимателей, который дал бы им новое орудие для борьбы на всемирном рынке. Уж это одно до такой степени облегчило бы обращение новых «рабочих денег», что Родбертус задается даже вопросом, не окажутся ли излишними государственные магазины. «Можно ожидать, — говорит он, — что рабочие деньги сами по себе, помимо государственных магазинов, будут преимущественно употребляться при расплатах предпринимателей с рабочими. Государству оставалось бы, в таком случае, лишь основать конторы для размена металлических денег на рабочие. Какой

¹⁾ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, S. 346.

курс должны были бы иметь при этом рабочие деньги — легко было бы определять, потому, что те же самые продукты, которые обменивались бы на рабочие деньги, продавались бы в то же время и за деньги металлические¹⁾. Кроме того законодательное определение заработной платы, как постоянной части национального продукта, избавило бы общество от потрясений, причиняемых торговыми кризисами: мы знаем уже, что, по теории Родбертуса, кризисы причиняются именно постоянным понижением заработной платы, как части продукта, и простирающимся отсюда уменьшением покупательной силы рабочих. Устраняя причину, он был вправе ожидать и устранения ее следствия. Наконец, еще одно немаловажное преимущество, а вместе с тем и условие прочного осуществления предлагаемого плана заключается в возможности заменить мало-по-малу металлические деньги «рабочими». Бумажные деньги существуют и теперь, но обращение их основывается, как известно, на наличности известного металлического фонда, поддерживающего курс их на надлежащей высоте. Введение же в обращение «рабочих денег» сделало бы, по мнению Родбертуса, этот металлический фонд совершенно излишним. «В обществе, в котором стоимость продуктов определялась бы количеством труда, затраченного на их производство, можно было бы создать новые деньги, — гласит пятая «теорема» его сочинения «Zur Erkenntniss unserer Staatwirthschaftlichen Zustände». «Деньги эти, с одной стороны, были бы вполне удовлетворительны, как мерило цен и средство обращения, с другой стороны — они не представляли бы собою вещественного предмета потребления и не основывались бы, как нынешние бумажные деньги, на наличном металлическом фонде» (S. 135). Это требует некоторого пояснения.

Наш автор думает, что деньги должны испытать на себе влияние того всеобщего закона, по которому «всякое учреждение, в своем историческом развитии, постепенно приобретает в руках людей значение, совершенно отличное от первоначального. Социальные отношения основываются на естественной необходимости и законах природы и лишь мало-по-малу,

¹⁾ Zeitschrift etc., S. 343.

путем постепенного развития, переходят в область человеческой свободы, где новый бог истории, человек, берет их усовершенствование в свои руки»¹⁾.

Функция денег выросла естественным путем из разделения труда и обмена его продуктов. Первоначально роль денег играли предметы, наиболее употребительные в среде лиц, ведущих меновую торговлю: меха, скот и т. д. Мало-по-малу, когда с развитием земледелия усилилось рабство, роль денег стали играть драгоценные металлы. В рабовладельческом обществе участниками обмена являлись, главным образом, лица высших сословий, насущные потребности которых удовлетворялись рабским трудом. Вследствие этого на рынке приобрели особенное значение предметы роскоши, свидетельствующие о могуществе и богатстве их обладателей. Как красивые и редкие металлы, золото и серебро не замедлили, разумеется, попасть в число этих предметов. Делимость же драгоценных металлов и способность их противостоять разрушительному действию времени и атмосферных влияний — сделали их еще более пригодными для роли денег. Являясь товаром, и, притом товаром, на который всегда существовал сильный спрос, т.-е. вступая в обмен чаще других продуктов, драгоценные металлы служили мерилем стоимости этих продуктов. Два, три или несколько продуктов, выменивавшихся на одинаковое количество золота и серебра, имели, очевидно, равную стоимость. Кроме того, представляя собою продукт труда, драгоценные металлы могли попасть в руки лишь тех лиц, которые принимали посредственное или непосредственное участие в производстве. В самом деле, помимо воровства, грабежа и т. п. случаев, нас в настоящее время не интересующих, обладатель драгоценных металлов мог приобрести их лишь двумя путями: или получивши их в обмен за произведенный им продукт, или добывши их из недр земли. В обоих случаях он, посредственно или непосредственно, личным трудом или трудом зависимых от него лиц, принимал участие в производстве, а потому имеет право на получение части поступивших на рынок продуктов. Наконец, в виду сильного спроса на драгоценные

¹⁾ Zur Erk. etc., S. 163.

металлы, обладатель их всегда мог надеяться получить в обмен на них любой из предметов потребления, если только он имел достаточное количество этих металлов. Если же, в виду случайного характера первобытной торговли, обладатель драгоценных металлов и лишился бы возможности обменять их на другие продукты, то они сами по себе, собственно потребительной стоимостью, представляли достаточное вознаграждение за отчужденный им продукт. В рабовладельческом обществе на рынке фигурируют, главным образом, предметы роскоши, в числе которых драгоценные металлы занимают одно из первых мест. Таким образом, драгоценные металлы удовлетворяли всем требованиям, которые можно было предъявить им, как деньгам. Они служили мерилom стоимостей; обеспечивали уверенность в том, что выражаемая ими стоимость действительно произведена и доставлена на рынок, наконец, сами по себе служили достаточным вознаграждением за проданный продукт. Но, спрашивается, предъявляем ли мы деньгам все эти требования и в настоящее время? И не могут ли деньги удовлетворять необходимым теперь требованиям, не будучи товаром? Родбертус отвечает отрицательно на первый вопрос, утвердительно на второй.

Драгоценные металлы служат теперь деньгами не потому, что они сами по себе представляют достаточное вознаграждение за отчуждаемые продукты, а потому, что каждый уверен в возможности приобрести за деньги необходимые для него продукты. Это доказывается существованием бумажных денег, которые всеми принимаются так же охотно, как и металлические, несмотря на то, что потребительная их стоимость равняется нулю. На это могут возразить, конечно, что бумажные деньги принимаются лишь в виду возможности в любое время обменять их на металлические. Но именно тот факт, что имея такую возможность, обладатели бумажных денег все-таки не меняют их на металлические, — доказывает, по мнению Родбертуса, что в настоящее время деньги принимаются уже не как предмет потребления, а как полномочие на получение предметов потребления.

Таким образом, в истории денег нужно различать два периода. В каждом из них деньги являются товаром. Но

между тем как в первом периоде товар этот принимается, как предмет потребления, участники обмена не интересуются уже потребительной стоимостью товара-денег — во втором. По словам Родбертуса, существует даже демаркационная линия, разделяющая эти два периода в истории денег, именно то время, когда деньги начинают чеканить, а не принимают, как прежде, по весу. Наш автор уверен, что теперь приближается уже третий период в истории денег, в котором деньги-товар уступят место «простым билетам». Но в этот период деньги перейдут уже не сами собой, как перепли они во второй период, а путем сознательного вмешательства общества в обмен продуктов.

В настоящее время товарное свойство денег важно лишь постольку, поскольку оно устраняет от участия в обмене лиц, не доставивших на рынок той или другой стоимости. Как продукт труда, золото может быть приобретено только в обмен за другие продукты или путем непосредственного добывания его из недр земли. В обоих случаях обладатель его является лицом, принимавшим участие в национальном производстве, а потому имеющим право на известную часть национального продукта. Таким образом, гарантируется надлежащий ход распределения. Но если бы этой цели можно было достигнуть другим путем, то металлические деньги сделались бы, по мнению Родбертуса, излишней роскошью.

«По идее своей деньги суть свидетельства, дающие право на получение известной меновой стоимости. И в этом смысле можно сказать, что нет надобности писать эти свидетельства на золоте, и общество могло бы сберечь те тысячи миллионов, которые оно затрачивает теперь на материал для этих свидетельств»¹⁾. Конечно, деньги служат теперь, кроме того, и «мерилом стоимости», но если меновая стоимость продуктов всегда будет определяться количеством труда, затраченного на их производство, то и эта функция денег может исполняться «простыми билетами».

Мы знаем уже, что, по проекту Родбертуса, государство должно взять на себя определение средней производительности

¹⁾ Briefe und Aufsätze, S. 70.

труда в каждой отрасли производства, т.-е. другими словами, количества труда, необходимого на производство каждого данного продукта. Определяя это количество, государство тем самым определяло бы и стоимость продуктов, так что не было бы уже никакой надобности измерять ее деньгами. Еще при жизни Родбертуса шверинский архитектор Петерс составил таблицы, указывавшие среднюю производительность плотничьего труда. Наш автор смотрел на работы Петерса, как на первый шаг к осуществлению его «практических предложений», и придавал им огромную важность. По его мнению, государство тотчас же могло бы приступить к осуществлению его планов, как только были бы составлены подобные таблицы во всех других отраслях производства. Тогда «мерилом стоимостей» сделалось бы само рабочее время, и «простые билеты» с обозначением дней и часов труда сделали бы излишними металлические деньги. Чтобы обеспечить правильный ход распределения, нужно было бы только принять меры, благодаря которым «рабочие деньги» не попадали бы в руки лиц, не принимавших посредственного или непосредственного участия в производстве. Этой цели государство достигло бы, выдавая новые деньги только предпринимателям, доставившим соответствующее количество продуктов в общественные магазины. Тогда гарантированная в «рабочих деньгах» стоимость равнялась бы стоимости национального продукта, и в процессе общественного обмена веществ не произошло бы никаких потрясений. Наш автор не закрывал глаз перед трудностями, стоящими на пути к осуществлению его «предложений». «Конечно,— говорил он,— решение социального вопроса будет стоить много дороже, чем напечатание полицейского распоряжения именно потому, что мы имеем дело с социальным вопросом». Но если государство тратит многие миллионы на самые непроизводительные предприятия, то «почему не затратить ему многих миллионов на совершение акта социальной справедливости, открывающего новую эру во всемирной истории»? Затраты эти были бы весьма полезны даже с точки зрения материальных интересов общества. При современной организации производства и обмена общество не может воспользоваться находящимися в его распоряжении производительными силами во

всей их полноте. «Если бы не было этого печального усложнения, то современные производительные силы могли бы, пожалуй, удвоить национальное производство»¹⁾. Низкий уровень заработной платы, со всеми проистекающими из него последствиями, разрушает материальное благосостояние современных цивилизованных народов. «Дешевый труд страшно дорого стоит обществу!» — восклицает Родбертус.

Изложенные планы нашего автора относятся, как мы уже знаем, к переходному времени, за которым открывается блестящая перспектива «нового всемирно-исторического периода». В этом периоде «общественный организм» достигнет, наконец, высшего типа своего развития, и так же будет относиться к современному обществу, как позвоночное животное относится к суставчатому.

Переход всех средств производства в распоряжение государства «дает общественному организму позвоночный столб», которому будет соответствовать высшая централизованная организация всего общественного тела и единство во всех действиях, внутренних и внешних. К сожалению, по понятиям Родбертуса, история не только «не делает скачков», но держится еще правила «тише едешь — дальше будешь». Осуществление его «практических предложений» требует, по его словам, более столетия, а для перехода «суставчатого социального организма» в «позвоночный» нужен чуть не геологический период времени. В переписке с Лассалем Родбертус запрашивает для этого перехода целых 500 лет!

XIII.

Мы закончили изложение экономической теории Родбертуса.

Мы познакомили теперь читателя с общими взглядами нашего автора на задачи и метод экономической науки, с учением его о пауперизме и торговых кризисах, с его теорией распределения национального дохода и, наконец, с практическими его планами. Мы старались в то же время оттенить его отношение к писателям, предшествовавшим ему в истории

¹⁾ Briefe und Aufsätze, I Band, S. 216.

политической экономии, показать, в чем расходился и в чем соглашался с ними Родбертус. Нам остается теперь бросить общий взгляд на теорию нашего автора с точки зрения новейших политико-экономических учений. Уместнее всего будет начать этот критический обзор с оценки общих историко-экономических воззрений Родбертуса, игравших такую важную роль во всем его миросозерцании.

Мы говорили уже в первой статье, что литературная деятельность Родбертуса началась в то время, когда экономическая наука пришла в критический период своего развития, когда, «достигнув в учениях Рикардо до последних своих выводов, она нашла, по словам Маркса, в Сисмонди выразителя ее отчаяния в самой себе». После того, как обновленная Европа сбросила, наконец, последние цепи феодализма, оказалось, что в пресловутом золотом веке «разума» было, как в евангельской притче, много званых, но мало избранных. Повторилась старая, но до сих пор вечно новая история: эксплуатация переменила только формы, а борьба приняла еще более острый характер. Тогда за поправку и пересмотр «вечных истин» буржуазных экономистов взялись люди самых различных направлений. Одни стремились отстоять те формы общественных отношений, при которых так растет «национальное» богатство, так увеличивается производительность труда. Другие взглянули на дело с точки зрения интересов пролетариата и находили, что более справедливое распределение национального дохода несколько не препятствовало бы экономическому прогрессу общества. Наконец, третьи старались уверить себя и других, что они стоят выше всяких классовых интересов и предрассудков и стремятся лишь к изучению законов общественного развития и осуществлению необходимых и достаточных в данное время реформ. Родбертус несомненно принадлежит к этой последней категории. Убежденный в своем беспристрастии, он ни в коем случае не согласился бы признать себя ученым представителем какого-нибудь отдельного класса общества. Чтобы понять характер его беспристрастия, нужно, впрочем, определить, что означает это слово в применении его к общественным отношениям. Беспристрастие не тождественно,

конечно, с бесстрашием, с индифферентным отношением ко всем общественным классовым явлениям. Понятие о беспристрастии не исключает сочувствия и самой горячей симпатии, оно требует только, чтобы симпатия эта более справедливым образом распределялась между всеми сторонами, заинтересованными в решении того или другого исторического спора. Но как найти эту точку равновесия? Мы не говорим о том непосредственном отношении к общественным явлениям, которое обуславливается самим положением данного лица или класса. Для целого класса все важные общественные вопросы сводятся к одному роковому вопросу: «быть или не быть», все задачи сводятся к одной задаче: отстоять или создать условия, необходимые для его существования или его дальнейшего развития. Ни один народ, ни один общественный класс не может признать справедливым то, что противоречит самым насущным его интересам. Каждый класс, каждый народ считает наиболее справедливыми те отношения, которые наиболее способствуют его развитию и благосостоянию. Потому-то мы и видим, что «истинное по одну сторону Пиренеев считается ложным по другую». Но отдельные личности могут, конечно, отделаться от исключительно классовой точки зрения и руководствоваться в своей деятельности лишь общими понятиями своими о законах исторического развития. Они могут возвыситься до беспристрастного отношения к общественным явлениям. К чему же, однако, приведет их такое беспристрастие? История до такой степени неблагодарна или, если угодно, «пристрастна», что как только данный общественный слой свершает все, что дано было ему свершить, она немедленно становится к нему в совершенно отрицательное отношение.

Так отвернулась она когда-то от католического духовенства, так покинула она веселое и воинственное феодальное дворянство. Ненужный более для целей истории и покинутый ею класс общества играет роль пятого колеса или даже тормоза, препятствующего движению общественной колесницы. Условия его существования исключают условия общественного развития, интересы его противоречат интересам всего остального общества. Как должен относиться к такому

классу беспристрастный человек, руководящийся в своей деятельности лишь общими соображениями о законах исторического развития? При самом аристидовском беспристрастии, он не может не видеть, что сочувствовать общественному развитию и в то же время отстаивать интересы этого класса — значит желать движения вперед и неподвижности, прогресса и реакции. Отсюда следует, что беспристрастное и отрицательное отношение к известным явлениям не только не исключают друг друга, но в известные исторические моменты положительно немислимы одно без другого. Иначе, желая согласить несогласимое, человек будет препятствовать обществу сделать тот исторический шаг, значение которого он сам хорошо оценил и понял. Примеры такого рода непоследовательности было бы затруднительно привести лишь потому, что они многочисленны; Родбертус является, между прочим, одним из таких примеров. При всем своем стремлении к беспристрастию, он никогда не мог возвыситься до того возвышенного бесстрастия, которое заставляет окончательно разорвать с отжившими и осужденными историей традициями. Он был и до конца жизни остался землевладельцем не только по положению, но отчасти и по симпатиям. Этим объясняется его стремление воспользоваться рабочим движением, между прочим, и в интересах землевладельцев, до сих пор еще не окончивших своей исторической распри с капиталистами; этим объясняется убеждение его в том, что «при современном положении дел землевладельцы и рабочие являются естественными союзниками»¹⁾.

Отсюда же проистекают все противоречия его «практических предложений», его настойчивое желание придумать такую хитроумную комбинацию общественных реформ, которая дала бы возможность увеличить заработную плату, не уменьшая доходов предпринимателей. «Для меня ясно, как день, — говорит он в одном из писем к Вагнеру, — что мой милый «Ягцов» только до тех пор останется во владении моих наследников, пока потомки Блейхрэдера будут беспрепятственно продолжать накопление капитала». В этих

¹⁾ Briefe und Aufsätze, I Band, S. 341.

немногих словах заключается разгадка стремления сесть между двумя стульями, которое замечается во всех практических планах Родбертуса.

Но пока работа мысли нашего автора ограничивалась чисто-теоретической сферой, он имел достаточно беспристрастия для того, чтобы видеть в улучшении положения рабочего класса важнейшую задачу экономической науки. Он очень хорошо понимал, что если «вечные истины» буржуазной экономии были удачной гиперболой в борьбе «третьего сословия» против феодального дворянства, то они ни в каком случае не могут служить критерием для оценки дальнейших стремлений человечества. Общество представлялось ему не законченным совершенно зданием, а развивающимся организмом, который переходит с возрастом из низшего типа в высший. При этих переходах все общественные отношения людей подвергаются самым коренным изменениям. В античном обществе сам человек является, в виде раба, объектом частной собственности. Мало-по-малу рабство и крепостная зависимость уступают место свободному труду, и в «германском государственном порядке» уже только средства производства составляют предмет частной собственности. Родбертус «слышал уже и приближение новой эры», новой формы общественных отношений, в которой частному присвоению будут подлежать лишь предметы непосредственного потребления.

Чем же обуславливается это постоянное изменение общественной организации? Родбертус не дает удовлетворительного ответа на этот вопрос. В некоторых случаях он совершенно недвусмысленно заявляет, что «правовая идея издавна шла рука об руку с экономической необходимостью», и в сочинениях его рассыпано множество непровержимых доказательств этого положения. Если бы он внимательнее проследил влияние экономической «необходимости»; если бы для каждой из указанных им ступеней общественного развития он постарался найти связь между этой «необходимостью» и политическими учреждениями, то он поставил бы философию истории на совершенно реальную почву. К сожалению, он не всегда держался высказанной им светлой мысли. Общественный строй античного и «германского» периодов кажется

ему результатом простого насилия; в решении рабочего вопроса он видит только «акт общественной справедливости». Мы видели уже в предыдущих статьях, что именно насилием, и только насилием, объясняет он возникновение рабства и частной собственности на землю и капиталы. «Как прежде правовая идея опиралась на силу, так и теперь она основывается на постоянном принуждении», — вот все, что говорит он в объяснение современного общественно-экономического строя. Оставаясь на этой точке зрения, Родбертус не вышел еще из области той философии истории, которая в начале XIX столетия пыталась, в лице Огюстена Тьерри, объяснить весь ход английской истории тем обстоятельством, что *«il y a une conquête là-dessous, tout cela date d'une conquête»*.

Уже в сочинениях Тьерри можно заметить всю непоследовательность и несостоятельность такого взгляда. Сохраняя еще некоторое подобие вероятности, пока речь идет о «статике» данного общественного строя, теория насилия оказывается абсолютно неспособной выяснить ход его развития, открыть причины, видоизменяющие соотношение общественных сил. Не говоря уже об «*Histoire du tiers-Etat*», представляющей собою блестящее опровержение теории насилия, даже в статьях своих об «английских революциях» Тьерри вынужден апеллировать к экономическому прогрессу «третьего сословия», обусловившему постепенное его возвышение. Еще более таких противоречий у Родбертуса, как писателя, несравненно более Тьерри обращавшего внимание на экономическую историю народов. «На той ступени развития производительности труда, на которой знают лишь ручную мельницу, необходимо должно существовать рабство», — говорит он в одной статье, написанной им еще в 1837 году. Точно также статья его о римском колонате указывает на экономические причины тех правовых изменений, которыми ознаменовался переход от рабства к крепостничеству. Его сочинение «*Zur Erklärung der Creditnoth*» изобилует примечаниями, которые самым остроумным образом раскрывают связь между правовыми учреждениями античного общества и экономическим его строем.

Наконец, приведенное выше мнение его об исторической роли акционерных обществ ясно доказывает, что соотношение

сил известных классов современного общества находится в теснейшей связи с экономическим его строем. Конечно, в борьбе общественных классов за свое существование сила всегда являлась высшей инстанцией, к которой апеллировали спорящие стороны; в этом смысле сила имела огромное прогрессивное значение, так как она служила «повивальной бабкой старому обществу, беременному новым». Но сказав, что в настоящее время данный класс общества сильнее всех других, мы не объясняем ровню ничего, потому что остается открытым вопрос как о происхождении силы этого класса так и о способах пользования ею. Средневековые варвары так же мало церемонились с побежденными народами, как и греки или римляне; однако, завоевание Пелопонеса дорическим племенем дало совершенно другие результаты, чем завоевание Англии норманнами или Галлии — франками. Эмансипация городских коммун была результатом победы средневековых горожан над их феодальными господами, точно так же, как Великая французская революция победой буржуазии над аристократией; тем не менее, общественный строй городских коммун не имел ничего общего с после-революционной Францией. Впрочем, непоследовательность Родбертуса объясняется тем обстоятельством, что многие факты развития социальных отношений остались для него закрытою книгою. Установленная им схема общественно-исторического развития — рабство, наемный труд, «новая эра» — страдают значительной неполнотою. Он совершенно игнорирует сельские общины, история которых показывает, что начало рабства далеко не совпадает с началом оседлости и земледелия.

Нужно удивляться, каким образом, будучи замечательным знатоком римской истории, Родбертус упустил из виду, что в первые века республики рабство существовало лишь в очень незначительных размерах. Полноправные граждане, а иногда даже знаменитые полководцы и диктаторы, собственными руками обрабатывали принадлежащие им участки земли, и рабский труд служил подспорьем, а не основой древнеримского земледелия. Только мало-по-малу, с развитием неравенства в поземельных отношениях, с концентрацией поземельной собственности в немногих руках, рабский труд

вытесняет из деревень свободное население. Та же постепенность в образовании крупного, основанного на рабском труде, землевладения замечается в Греции. Наконец, разработка истории общинного землевладения в различных странах и этнографические исследования показали, какую огромную роль играли первобытные сельские общины в развитии правовых и социальных отношений всех цивилизованных народов.

Все эти исследования оставались как бы совершенно неизвестными Родбертусу. Возражая против теории поземельной ренты Рикардо, он допускает, правда, что первоначально земля могла принадлежать не только частным собственникам, но и сельским общинам. Однако, он немедленно делает крупную ошибку, утверждая, что общинное землевладение так же точно исключало свободное занятие необработанных земель, как и частное. Когда население возрастало до такой степени, что незанятых земель оставалось очень немного, со стороны общинников было весьма естественно приберегать их для подрастающего поколения. Но «первоначально» общины вовсе не так ревниво оберегали неприкосновенность своих владений. Они принимали в свою среду новых членов, при чем, разумеется, и речи не могло быть о «поземельной ренте». Новые члены получали даже пособие от общины и пользовались некоторыми льготами; по истечении же льготного времени они обязывались лишь принимать участие во всех расходах общины наравне со старыми членами. В книге Беляева «Крестьяне на Руси» можно насчитать немало таких примеров. «А как отыдет льготный год, и мне всякая подать платить со крестьяны вместе», говорит новый член общины в одной из договорных грамот XVI века. Кроме общинных и частных земель существовало, — вопреки мнению Родбертуса, — много земли, ровно никому не принадлежащей, — «дикой», как называлось она в древней России, — которую свободно мог занимать каждый желающий¹⁾. То же мы видим и в Германии, где, по словам Маурера, — «первоначально, пока существовало право свободного занятия, свободный человек мог селиться повсюду, где находил никому не принадлежащую

¹⁾ «Крестьяне на Руси», стр. 19.

землю»; потом для таких «поселений» нужно было согласие общины или короля... но это новое право не скоро получило всеобщее признание, и своевольные занятия земель долго не прекращались. Таким образом селились не только германцы, но и славяне в Баварии и других местах¹⁾. Вообще, история крестьянского землевладения у всех народов может служить опровержением того положения Родбертуса, что и первоначально, с тех самых пор, как существует разделение труда, земля принадлежала не тем, которые занимались ее обработкой, те же, которым она принадлежала, никогда не были бы в состоянии обработать ее собственными силами. По исследованиям Маурера, оказывается, что величина участков, находящихся в пользовании членов общины, определялась именно их «собственными рабочими силами»; это видно из самого названия различных мер земли, Tagwerk, terra journalis, Mannskraft, Mannwerk и т. д.²⁾

Русским читателям известно то же самое из истории русской общины. Наконец, история средневековых ремесленных корпораций показывает, что было время, когда и «капиталы» принадлежали самим трудящимся. Правда, доход средневекового мастера создавался только отчасти его собственным трудом: на него работали ученики и подмастерья. Но эти состояния были переходными, и каждый порядочный подмастерье становился со временем мастером, т.-е. вполне самостоятельным производителем. «Почти до середины XIV столетия звание подмастерья было только ступенью в жизни ремесленника, а не постоянным его призванием... Цехи не представляли еще в то время замкнутых организаций, число мастеров не было ограничено ни непосредственно, ни посредственно, наконец, мастера были большею частью сами работниками, потому что если для самостоятельного ведения дела и тогда нужен был известный капитал, то капитал этот, по тогдашнему состоянию промышленности, был еще очень незначителен³⁾». Мы видим отсюда, что в споре своем с Бастиа и Тьером Родбертус становился на очень скользкую почву, так как на вопрос его:

¹⁾ Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadt Verfassung S. 183.

²⁾ Ibid. S. 129 — 134.

³⁾ Brentano, Das Arbeit. gem. dem heut. Recht, S. 30.

«когда и где принадлежали работнику земля и орудие труда»? — они могли бы сослаться на сельские общины и ремесленные корпорации.

Неверная историческая точка зрения нашего автора лишена в то же время практического значения. Сущность современного социального вопроса ни в каком случае не может быть сведена к юридическому спору о том, когда и кому принадлежали средства производства.

Этого спора не разрешил бы и сам Соломон, по той простой причине, что он никогда не мог бы иметь и миллионной доли необходимых для этого решения данных. Современные цивилизованные народы могут довольствоваться убеждением, что их экономические бедствия представляют собою необходимое следствие капиталистической организации производства и обмена. Им пришлось бы испытать те же бедствия даже в том случае, если бы никогда и нигде не совершалось ни одного насилия и «завоевания»; если бы труд служил «первоначально» единственным основанием собственности, а продукты всегда оценивались бы лишь по количеству труда, затраченного на их производство: словом, если бы в сфере товарного производства и обращения всегда господствовали, по выражению Маркса, «свобода, равенство, справедливость и Бэнтам». Рапо или поздно вся эта идиллия привела бы к появлению на рынке самой рабочей силы, а влияние «Бэнтама», т.-е. сознание собственной выгоды привело бы туда же и покупателей этого нового товара, предпринимателей. Тогда началась бы эра прибавочной стоимости и железного закона заработной платы, всемирного рынка и торговых кризисов, — и человечеству пришлось бы сознаться, что только конец венчает дело. На известной стадии товарного производства и обращения «основанный на них закон присвоения или закон частной собственности превращается в прямую противоположность, путем свойственной ему внутренней, неотвратимой диалектики... Разделение между собственностью и трудом является неизбежным следствием того закона, который исходит, повидимому, из полного их совпадения¹⁾». Именно

1) Das Kapital, S. 572.

в эту сторону, в сторону «неотразимой внутренней диалектики» товарного производства, и должны быть направлены исследования теоретиков и усилия практических деятелей.

Если бы Родбертус обратил более внимания на этот фактор возникновения общественного неравенства, то решение социального вопроса представилось бы ему не только «актом общественной справедливости», но и неизбежным результатом все той же «внутренней диалектики» товарного производства. Впрочем, он не совсем, как кажется, уяснил себе динамические законы капиталистического способа производства. Потому-то и «будущий период» является у него скорее драгоценным подарком человечеству со стороны прихотливой истории, чем логическим выводом из посылок, коренящихся в современной жизни цивилизованных обществ. Потому-то и рабочие представляются ему, с одной стороны, угнетенной и обездоленной частью общества, неспособной к разумной самодеятельности; с другой стороны, они кажутся ему какими-то варварами, более грозными, чем «орды Аллариха».

Что касается до соображений Родбертуса о характере «будущего всемирно-исторического периода», то о них нельзя, разумеется, говорить с такой же уверенностью, как о вопросах прошедшего и настоящего времени. Несомненно, однако же, что относящиеся сюда представления нашего автора являются часто не совсем удачной абстракцией от современного общественного строя. Так, например, его «государство рабочих и чиновников» основывается на том же профессиональном разделении труда, которое исключает всякую возможность всестороннего развития современного среднего человека.

Не говоря уже о раздаче функций двух больших классов будущего общества, — рабочий и «чиновник», сами работники физического труда остаются у него на всю жизнь ткачами, кузнецами, плотниками, рудокопами, земледельцами и т. д. и т. д. По крайней мере Родбертус нигде не говорит о необходимости устранения современной профессиональной однообразности. Он как бы не слышал бесчисленных жалоб на то, что современное разделение общественного труда превращает всю производительную деятельность работника в ряд однообразных, отупляющих механических движений. Он как бы

не видит того обстоятельства, что развитие технического разделения труда все более и более упрощает различные роды производительной деятельности и тем создает возможность перехода от одного к другому. Он целиком переносит на «будущее общество» понятие о современном разделении труда, не отдавая себе отчета в конечной его тенденции. Таким же перенесением в «будущий всемирно-исторический период» современных экономических понятий является и учение его о распределении продуктов по количеству труда, затраченного на их производство. Понятие о таком распределении заимствовано из современного товарного обращения, в котором стоимость продуктов определяется воплощенным в них трудом. Но едва ли можно признать рациональным такое превращение законов товарного обмена в норму для распределения продуктов в будущем. Сам Родбертус заметил совершенно справедливо, что правовая идея издавна шла рука об руку с экономической необходимостью. Мы думаем, что в будущем между ними будет полное согласие; а если это так, то рано или поздно общество должно будет остановиться на таком способе распределения продуктов, который окажется наиболее благоприятным для всестороннего развития производителей. Такой способ распределения будет вполне соответствовать «экономической необходимости», потому что развитие производителей равносильно увеличению производительных сил общества и бесконечному возрастанию власти человека над природой.

XIV.

Переходя теперь к экономической теории Родбертуса в тесном смысле этого слова, мы прежде всего обратим внимание читателя на учение нашего автора о меновой стоимости. Мы видели уже, как твердо держался он того «великого положения», что «все предметы потребления стоят труда и только труда». Стоя на этой точке зрения, Родбертус разрушал, как карточные домики, аргументы экономистов, стремившихся доказать, что «рента вообще» обязана своим существованием не труду работников, а производительным «услугам» почвы и капитала. С этой стороны, навсегда останется неоспоримой

заслуга его, как писателя, много способствовавшего распространению здравых экономических понятий. Но признание труда единственным источником материального богатства общества не предохранило Родбертуса, как и многих других экономистов, от некоторой неясности в понятии о меновой стоимости.

Так, например, он говорит в одном из писем к Вагнеру, что «потребительная стоимость представляет собою сущность понятия о стоимости», и что «из понятия о потребительной стоимости мы выводим, так называемую, меновую стоимость». «Существует только один род стоимости,— говорит он далее,— стоимость потребительная. Противопоставлять ему меновую стоимость, как другой род стоимости, значит делать логическую ошибку. Но эта единая потребительная стоимость является или в виде индивидуальной, или в виде социальной потребительной стоимости. Первая определяется потребностями индивидуума, без всякого отношения к общественной организации. Вторая — потребительная стоимость по отношению к общественному организму, состоящему из многих индивидуальных организмов... Она становится меновой стоимостью лишь путем исторического развития и, следовательно, переходящим образом». В настоящее время «социальная потребительная стоимость необходимо должна принять вид меновой стоимости, но на следующей ступени общественного развития весь этот маскарад прекращается, продукты не будут уже обмениваться на рынке, социальная потребительная стоимость выступит во всей ее чистоте»¹⁾.

Как видит читатель, Родбертус развивает в этом письме одну из любимейших своих идей, необходимость «строгого отделения логических категорий от исторических». Имеет ли это противопоставление такой глубокий смысл, какой усматривал в нем наш автор, это мы увидим ниже, перейдя к учению его о капитале. Теперь же мы заметим, что ради «отделения» различных родов категорий Родбертус отказался от точного определения понятий о меновой и

¹⁾ Zeitschrift für die gesamm. Staatswissensch. I u. II Heft, 1878 S. 222—3—4.

потребительной стоимости. Сказать, что не было и не будет меновой стоимости там, где не было и не будет обмена продуктов,— значит высказать очень верную мысль, которая представляет собою, однако, не более как тавтологию. Заключать же отсюда, что «существует только один род стоимости»,— значит погрешать против того самого «великого положения Смита и Рикардо», которое легло в основание всей теории Родбертуса. И Смит и Рикардо говорили о труде именно, как об источнике меновой стоимости продуктов. Им и в голову не приходило, что можно признавать справедливость их «великого положения» и в то же время отождествлять меновую стоимость продуктов с их «социальной потребительной стоимостью». Они сказали бы, что, конечно, производство должно иметь в виду удовлетворение известной общественной потребности, так как вне этого условия продукты не могут стать товарами; но не все удовлетворяющие общественным потребностям продукты имеют одинаковую меновую стоимость. Меновая стоимость алмаза несравненно больше меновой стоимости хлеба, несмотря на то, что хлеб удовлетворяет одну из самых насущнейших «социальных потребностей», а алмазы служат почти единственно для украшения. Говоря о потребительной стоимости продукта, мы имеем в виду ту услугу, которую оказывает этот продукт целому обществу или отдельному человеку; между тем как меновая его стоимость определяется, по прекрасному выражению Маркса, тою услугою, которая была оказана самому продукту в процессе его производства. Никому не придет мысль определять меновую стоимость машины тем количеством труда, которое она сберегает в производстве; а ведь это количество труда и представляет собою «социальную стоимость машины». Если бы меновая стоимость машин определялась их социальной потребительной стоимостью, то какой смысл имело бы их употребление? Капиталист должен был бы платить за них именно то количество труда, которое они сберегают в производстве, и применение их было бы делом каприза, а не экономической выгоды. «Социальная потребительная стоимость» не только не «является теперь в виде меновой стоимости», но представляет собою совершенно отличное от нее понятие.

«Историческое развитие», совсем не ведет к превращению одного рода стоимости в другой, а только к превращению продуктов в товары. Из этого хода «исторического развития» можно сделать лишь тот вывод, что продукты не всегда бывают товарами и что всякое производство продуктов есть производство меновых стоимостей. Если бы Родбертус ограничился этим выводом, то он не стал бы заботиться о способах определения меновой стоимости в «будущем всемирно-историческом периоде», характерную особенность которого составляет, по его учению, отсутствие товарного производства. Тогда рассуждения его о «будущем периоде» не противоречили бы его понятию о меновой стоимости, как «исторической категории». Но не выяснив себе разницы между продуктом и товаром, Родбертус попадает в целый ряд самых удивительных противоречий. С одной стороны, он упрекает Рикардо и Маркса в том, что они «приняли тяготение меновой стоимости к известной норме за достижение этой нормы», т.-е. что они ошибочно думают, будто меновая стоимость продуктов уже в настоящее время определяется воплощенным в них трудом.

Он говорит, что эта «естественная норма» может быть достигнута меновой стоимостью только в «будущем периоде». С другой стороны, он утверждает, что в этом периоде прекратится маскарад, благодаря которому социальная «потребительная стоимость превращается в меновую, так что последняя исчезнет, как преходящая «историческая категория», а первая «выступит во всей ее чистоте». Выходит, что воплощенным в продуктах трудом будет определяться их «социальная потребительная стоимость», и что Рикардо и Маркс ошибались, считая воплощенный в продуктах труд «естественной нормой» их современной «социальной потребительной стоимости». Но ни Рикардо, ни Маркс никогда, разумеется, и не думали утверждать чего-либо подобного. «Ошибались» не они, а Родбертус, которому пришла охота оспаривать у Прудона сомнительную честь измышления особого рода стоимости, так называемой «*valeur constituée*». Но Прудон был последователем, по крайней мере, в том отношении, что, даря человечеству свое мнимое изобретение, он рекомендовал ему в

то же время навсегда удержать товарное производство и обращение. Зачем понадобилась «*valeur constituée*» Родбертусу, который никогда не думал переносить в свой «будущий период» современного производства товаров — понять решительно невозможно. Для чего определять меновую стоимость товаров там, где продукты не принимают товарной формы? Как видно по всему, под меновой стоимостью продуктов будущего «всемирно-исторического периода» Родбертус понимает просто издержки их производства. Но в таком случае упрек, делаемый им Рикардо и Марксу, окончательно утрачивает всякое значение. Они оказываются виновными в непонимании того, что только в «будущем периоде» меновая стоимость продуктов, т.-е. издержки их производства, будут равняться воплощенному в них труду, т.-е. издержкам их производства. Такие упреки едва ли могут повредить ученой репутации Рикардо и Маркса

Как это ни странно, но путаницей Родбертус обязан именно своему излюбленному приему противопоставления «логических категорий» историческим. Как создавались в его уме понятия о «логических категориях в экономической науке», наглядно показывает учение его о капитале. «Капитал сам по себе, капитал в логическом или национально-хозяйственном смысле этого слова, есть продукт, предназначенный для дальнейшего производства... предварительно совершенный труд. Но относительно же к прибыли, которую он должен приносить, или с точки зрения современного предпринимателя, он должен явиться в виде издержек предприятия, чтобы быть капиталом. Таким образом, современный исторический капитал обнимает собою стоимость материала, орудий труда и заработной платы»¹⁾. Содержание понятия об историческом капитале различно в различные исторические эпохи. В античном обществе сами рабочие являются составною частью капитала, в «будущем периоде» все средства производства перейдут в распоряжение общества так, что исторический капитал сольется с «капиталом в логическом смысле этого слова»: он явится в виде продукта, предназначенного для

¹⁾ Zur Beleuchtung. etc. B. I, S. 98.

дальнейшего производства, а не в виде «издержек частного предпринимателя». Из этого определения «капитала в логическом смысле этого слова», видно, во-первых, что до сих пор он существовал только в головах экономистов, и что понятие о нем получит реальное значение лишь в более или менее отдаленном будущем, вследствие отождествления Ормузда с Ариманом, исторического капитала с логическим. Из него следует далее, что до понятия о «логическом капитале» экономисты достигают, лишая понятие «об историческом капитале» некоторой части его содержания. Какой именно? Это зависит от того, к какому направлению принадлежит экономист, производящий эту «логическую» операцию. Родбертус, например, думает, что понятие о заработной плате, как части «логического капитала», противоречило бы «современному правовому положению работника». Поэтому, он относит ее к категории дохода и понимает под «капиталом в логическом смысле этого слова» лишь материал и орудия труда. Другие экономисты и на рабочего смотрят, как на «машину, на постройку которой был затрачен известный капитал, начинающий приносить проценты с тех пор, как машина становится полезным работником в производстве» (Флорез Эстрада). Эти «ученые» рассматривают вещи, как они существуют *de facto*, и не заботятся о разладе наших юридических понятий с печальной действительностью. Они сказали бы, что понятие о логическом капитале уже в настоящее время совершенно совпало с понятием об историческом капитале, так что «будущий период» может уже не заботиться о заключении мира между Ормуздом и Ариманом. Разногласия эти могли бы подать повод к самым ожесточенным и продолжительным спорам, которые нисколько не уяснили бы, однако, наших понятий о капитале в каком-нибудь смысле этого слова. Они остались бы бесплодными по той простой причине, что сами спорящие стороны, несмотря на кажущуюся тонкость их определений, не знали бы хорошенько — о каком значении «капитала» идет речь, рассматривают ли они его с технической или общественно-экономической точки зрения.

В самом деле, по смыслу предлагаемого Родбертусом определения, кремневый топор и кожа убитого дикарем зверя

являются таким же «капиталом в логическом смысле этого слова», как и хлопчатая бумага и паровые машины современного фабриканта. Кремневый топор есть такой же «продукт, предназначенный для дальнейшего производства», как и паровая машина. С точки зрения процесса производства определение это справедливо: орудия и материалы труда всегда играют одинаковую роль в этом процессе. Но общественные отношения, среди которых совершается этот процесс производства, далеко не одинаковы на различных ступенях общественного развития. Возьмем, для примера, отношение «продукта, предназначенного для дальнейшего производства», к самому производителю. Современный пролетарий поработает машиной, между тем как дикарь, которого европеец презрительно называет фетишистом, не мог бы и вообразить себя в зависимости от своего собственного орудия труда. Дикарь эксплуатирует средства производства, современный же рабочий, напротив, эксплуатируется ими. Теперь уже не «капитал» существует для удовлетворения потребности трудящихся, а трудящийся существует ради удовлетворения потребностей капитала — создания, так называемой, прибавочной стоимости. «Капитал» был вещью для дикаря; он является в виде общественного отношения для современного работника. Определяем ли мы хоть сколько-нибудь это отношение, говоря, что «капитал есть предварительно совершенный труд»? Нисколько: наше определение касается только роли «капитала» в процессе производства, внутри фабрики или мастерской. Чтобы пополнить его, мы должны были бы прибавить, что этот «продукт предварительного труда» господствует над трудом настоящего времени, что «мертвый схватывает живого», как говорят французы. Но и этого мало. Нам нужно было бы сказать еще, что целью этого господства является производство прибавочной стоимости, которая под различным соусом подается различным представителям господствующего класса. В этом смысле и употребляли слово «капитал» экономисты классики. Только они переносили современные им понятия на все фазисы общественного развития, и полагали, что средства производства всегда играли одинаковую роль, что «продукт, предназначенный для

дальнейшего производства», всегда приносил прибыль своему владельцу. Они не делали различия между средствами производства и капиталом по той же причине, по которой большинство их не могло себе представить продукт иначе, как в виде товара. Как меновая стоимость казалась им неизменным свойством всякого продукта, так и «продукт, предназначенный для дальнейшего производства», всегда обладал, по их мнению, способностью приносить прибавочную стоимость, т.-е. процент и прибыль. Родбертус, лучше их знавший экономическую историю европейских обществ, понимал, что обычное представление о капитале справедливо только по отношению к буржуазному ее периоду. Он старался избежать неудобств принятой экономистами терминологии, устанавливая различие между историческими и логическими категориями, между капиталом в логическом и капиталом в историческом смысле этого слова. Первым термином он обозначал средства производства, вне всякой связи их с общественными отношениями людей, вторым — он хотел выразить именно эти общественные отношения. Но для него самого не было еще ясно, когда и при каких условиях «капитал в историческом смысле этого слова» может выражать собою общественные отношения производства. Критерием для определения различных видов исторического капитала он взял чисто юридический признак: большую или меньшую широту сферы частной собственности. Характеристическим признаком античного исторического капитала является у него то обстоятельство, что сами трудящиеся представляют собою объект собственности. С этой точки зрения исчезает всякое различие между античным историческим капиталом и капиталом американских рабовладельческих штатов. Однако, сам Родбертус не согласился бы уподобить римского землевладельца американскому плантатору, хозяйство которого было обставлено совершенно иными условиями. Попытка Родбертуса установить различие между историческими и логическими категориями есть не более, как неудавшаяся попытка понять и формулировать ту особенность товарного способа производства, благодаря которой «общественные отношения людей являются в виде общественного отношения вещей». Если бы для него была ясна эта особенность,

то он не стал бы обозначать одним и тем же термином «капитал» два совершенно различных понятия: о «продукте, предназначенном для дальнейшего производства» — с одной стороны, и об общественных отношениях производства, выразителем которых является этот «продукт», — с другой. Он понял бы далее, что эта двойственность характеризует только буржуазную эпоху общественного развития, и не стал бы искать ее в античном обществе, где товарное производство существовало только в зачаточном состоянии. Тогда в его терминологии не было бы тех странностей, которые мы видим в ней теперь; она не допускала бы отождествления совершенно несходных понятий и не допускала бы для античного и современного общества двух «капиталов»: «логического», к которому относится «продукт», предназначенный для дальнейшего производства, и «исторического», который включает в себе тот же «продукт» с «прибавкой», в первом случае, рабов, во втором — «стоимости заработной платы». Тогда «капитал в логическом смысле этого слова» был бы назван им просто средствами производства; капиталом же эти средства производства явились бы для него лишь в известную эпоху общественно-экономического развития, когда посредством их эксплуатируется труд работника с целью производства прибавочной стоимости, и когда рабочая сила сама является товаром, продаваемым в розницу различным предпринимателям.

XV.

От стоимости и капитала перейдем теперь к другим частям теории Родбертуса, к учению его о кризисах и пауперизме, о поземельной ренте и о способах устранения «недостатков современной общественной организации». Читатель помнит, что все ее недостатки Родбертус сводит к одному «коренному недостатку»: постоянному уменьшению заработной платы, как части продукта. Этим обуславливается как обеднение рабочего класса, так и периодически возвращающиеся торговые кризисы. «Причина кризисов заключается единственно в несоответствии покупательной и производительной силы, — говорит он. — Покупательная сила есть не

что иное, как участие в пользовании результатами производительной силы или в национальном доходе. Она отстает от производительной силы, потому что не регулировано пользование результатами этой последней»¹⁾. Регулируйте пользование этими результатами, и пауперизм исчезнет вместе с торговыми кризисами. Уже этого предполагаемого Родбертусом результата достаточно, чтобы обратить на его учение о кризисах самое серьезное внимание.

Ученце это указывает, по нашему мнению, только на некоторые из элементов, обуславливающих возникновение и интенсивность торговых кризисов, но не рассматривает этого явления в исторической связи его с экономическим развитием общества. Торговые кризисы представляют собою явление гораздо более новое, чем понижение уровня заработной платы, как части продукта. По словам самого Родбертуса, заработная плата падает уже в течение пяти столетий, между тем как торговые кризисы являются характеристическим признаком общественного хозяйства только в XIX веке. Ясно, что одним понижением уровня заработной платы их объяснить невозможно. Притом же хотя кризисы и понижение уровня заработной платы и находятся в тесной связи друг с другом, но связь их не может быть названа причиною: низкий уровень заработной платы так же точно предполагает существование кризисов, как существование кризисов предполагает низкий уровень заработной платы. Оба эти явления представляют собою следствие глубже лежащей причины. Понижение рабочей платы до уровня насущнейших потребностей рабочего обуславливается тем обстоятельством, что с развитием капиталистического способа производства часть рабочего класса постепенно обращается в «относительно излишнее население», которое своею конкуренцией понижает заработок всех рабочих стран. Ход капиталистического накопления имеет, как показал Маркс, ту особенность, что отношение между постоянным и переменным капиталами все более и более изменяется в пользу первого. «Если первоначально это отношение равнялось 1 : 1, то постепенно оно становится равным 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1 и т. д., так что, при дальнейшем росте капитала уже не половина

¹⁾ Zur Erkenntniss etc., S. 29.

его идет на покупку рабочей силы, а только $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, и т. д. А так как спрос на труд зависит не от общей суммы капитала, а от переменной его части, то он прогрессивно уменьшается с возрастанием общих размеров капитала. Капиталистическое накопление создает, и притом в прямом отношении к своему объему и энергии, относительно, т.-е. для средних потребностей капитала, ненужное, а потому и излишнее рабочее население»¹⁾. Но ненужное для средних потребностей капитала «относительно излишнее рабочее население» составляет в то же время необходимое условие существования крупной промышленности. Не говоря уже о том, что оно понижает уровень заработной платы и тем «приковывает рабочих к капиталу», не говоря уже об этой «услуге» относительно излишнего населения, оно становится необходимым всякий раз, когда кризисы сменяются оживлением промышленной деятельности. Чтобы вознаградить себя за временные потери, предприниматели должны расширить размеры производства, а для этого нужно иметь под рукой незанятых рабочих. «Излишнее население служит резервной армией, пускаемой в дело в разгар промышленной горячки. Но оживление сменяется застоём, горячка ведет к кризису, и действующая армия рабочих снова доводится до минимума, остальные же остаются свободными и голодают в ожидании лучшего будущего». Правильная смена периодов оживления промышленной горячки, кризисов и застоя, «этот своеобразный жизненный ход современной промышленности, не встречающийся ни в одном из предшествующих фазисов развития человечества, был невозможен также и в детском периоде капиталистического способа производства. Взаимное отношение составных частей капитала изменялось лишь мало-по-малу. Его накоплению соответствовало, в общем, относительное возрастание спроса на труд... Внезапное расширение производства предполагает внезапное его сокращение; последнее снова вызывает первое, но первое немыслимо без существования свободного контингента работников, без возрастания числа их, помимо абсолютного увеличения народонаселения»²⁾.

¹⁾ Das Kapital, S. 615 — 16.

²⁾ Ibid., S. 619.

Таким образом, кризисы немыслимы без существования «относительно излишнего населения» по той простой причине, что только это население дает возможность расширить производство до той степени, на которой кризис становится неизбежным. С другой стороны, неизбежность кризисов обусловливается общим ходом развития крупной промышленности и служит самым наглядным доказательством неспособности буржуазии распоряжаться созданными ею самою производительными силами. «Участие в пользовании результатами производительных сил» никогда не было «регулировано» в буржуазном обществе, но только крупная машинная промышленность до такой степени увеличила эти силы, что они стали в противоречие с данным способом производства. Возрастание производительных сил требует расширения рынков; но чем более расширяются рынки, тем труднее становится для каждого отдельного предпринимателя следить за всеми колебаниями спроса и предложения. Каждый предприниматель не может действовать иначе, как оцунью, тем не менее он должен спешить доставить на рынок возможно большее количество продуктов, если он не хочет упустить благоприятный момент и быть опереженным своими конкурентами. Некоторое время доставляемые на рынок продукты находят себе сбыт, и тогда производительные силы разных стран обнаруживают все свое могущество. Но вслед за тем рынки переполняются товарами, спрос отстает от предложений, и промышленная горячка сменяется кризисом. Находящиеся на рынке продукты являются излишними, конечно, только в относительном смысле этого слова. Мы видели уже, что рабочее население терпит страшную нужду именно в то время, когда товары не находят себе сбыта. Но капиталиста интересуют не общественные потребности, а так называемый «действительный спрос», т.-е. спрос, опирающийся на покупательную силу. По справедливому замечанию одного экономиста, даже во время голода хлеб ввозится в страну не потому, что население голодает, а потому, что предприниматель надеется получить прибыль. Чтобы иметь возможность покупать переполняющие рынки товары, рабочие должны иметь заработок, а заработок они могут иметь только в том случае, когда предприниматель рассчитывает обратить

труд их в прибавочную стоимость. Во время кризисов он лишается этой надежды, поэтому товары гниют в складах, производительные силы общества остаются без всякого почти приложения, а рабочие превращаются в нищих. Будучи употреблены в дело в широких размерах, производительные силы капиталистического общества приводят в полное расстройство весь ход его экономической жизни и наполняют ее целым рядом самых нелепых противоречий. Ясно, что механизм этой жизни не соответствует более состоянию производительных сил общества и нуждается в перестройке. Но предлагаемый Родбертусом план этой перестройки так же односторонен, как и учение его о причине кризисов. Если, по справедливому замечанию Энгельса, «недостаточное потребление рабочих классов так же мало говорит нам о причинах появления кризисов в настоящее время, как о причинах отсутствия их в прошлом»¹⁾, то увеличение покупательной силы этого класса не может считаться радикальным средством устранения кризисов. Причина кризисов лежит в несоответствии капиталистического способа производства с современным состоянием производительных сил общества. Только приведя организацию производства в соответствие с состоянием производительных сил, можно уничтожить этот «бич, терзающий даже капитал». Но, чтобы установить это соответствие, недостаточно «регулировать пользование результатами производительных сил». Для этого нужно «регулировать» самое производство, поставивши его под контроль общества. Тогда, вместе с другими противоречиями капитализма, торговые кризисы отойдут в область истории, и человечество войдет в новый период своего развития, в котором продукт не будет более господствовать над производителем. При всей плодотворности усвоенного им исторического метода экономических исследований, Родбертус также не выяснил окончательно исторического значения кризисов, как не усвоил он вполне точных и законченных понятий о меновой стоимости, капитале и товарном производстве.

¹⁾ Herren Eugen Dühring's Ummälzung der Wissenschaft, S. 238.

XVI.

Закравшиеся в его учение о стоимости противоречия послужили главным основанием ошибочных представлений его о поземельной ренте. Исходным пунктом его учения о ренте является вопрос о значении материала в земледельческих и промышленных предприятиях. «То, что входит в понятие о материале в фабричных предприятиях, или совершенно отсутствует в земледелии, или составляет продукт собственного хозяйства, а потому совсем не требует издержек, или требует их в очень ограниченных размерах. В земледелии сама почва заступает место материала»¹⁾. Читатель знает уже, какие выводы делал Родбертус из этого обстоятельства. Он был убежден, что его теория ренты неопровержима, и что если бы Рикардо оставался верен своему учению о стоимости, то непременно пришел бы к тем же выводам. Но, по смыслу учения Рикардо, меновая стоимость продуктов не всегда определяется единственно количеством труда, затраченного на их производство. Правило это «значительно изменяется,— говорит он,— вследствие употребления машин и другого рода постоянного и медленно обращающегося капитала»²⁾. Рикардо не говорит, правда, о влиянии различий в стоимости материала. Но, раз допустивши изменение коренного своего положения в виду неодинаковой стоимости орудий труда, он должен был признать возможность такого же изменения в виду различной стоимости материала. И он несомненно признал бы это изменение, если бы не усмотрел каких-нибудь новых факторов, устраняющих влияние различной стоимости материала в различных предприятиях. По замечанию г. Зибера, к числу таких факторов должна быть отнесена практикуемая предпринимателями система взаимного кредита, благодаря которой переход продуктов из одной отрасли производства в другую не представляет уже «непрерывного ряда продаж и покупок», требующих немедленной расплаты и потому увеличивающих издержки предприятий. Стоимость материала не входит, в таком случае, в эти издержки и не влияет на уровень прибыли.

¹⁾ Zur Erklärung etc. der Credita. I Th., S. 123.

²⁾ Works, p. 20.

Потребитель выплачивает, конечно, стоимость материала предпринимателя. Но он выплачивает ее в размере труда, затраченного на производство материала; и каждый отдельный предприниматель получает ту часть этой стоимости, которая соответствует труду его рабочих. Вследствие этого стоимость материала не может влиять на высоту уровня прибыли в различных предприятиях. Замечательно, что Родбертус, который не принял во внимание влияния указанного фактора, сам должен был признать, что общий закон меновой стоимости несколько изменяется вследствие неодинаковой стоимости материала в различных предприятиях. «Принятый Рикардо и Маккуллохом закон меновой стоимости изменяется,— говорит он,— в настоящее время под влиянием другого закона, по которому прибыль стремится к равному уровню во всех предприятиях. На этом основании он и допускает, что меновая стоимость продуктов тех предприятий, которые обрабатывают более дорогой материал, несколько превышает количество труда, затраченного на их производство»¹⁾. В своем учении о ренте он забывает сказанное им в учении о стоимости и упрекает при этом Рикардо в непоследовательности. А между тем единственно его собственной непоследовательности обязана своим существованием его поземельная рента. Из двух взглядов он должен был остановиться на каком-нибудь одном: он должен был или признавать, или отрицать изменение общего закона о меновой стоимости под влиянием стремления прибыли к одинаковому уровню во всех предприятиях. В первом случае его поземельная рента не может иметь места потому, что стоимость фабричных продуктов несколько превышает количество труда, затраченного на их производство, стоимость же сельскохозяйственных продуктов опускается ниже этой нормы, так как фабричная деятельность нуждается в более дорогом материале, чем земледелие. Благодаря этому отклонению меновой стоимости от обычной ее нормы, уровень прибыли будет одинаков во всех предприятиях, и составляющий поземельную ренту остаток прибыли сельскохозяйственных предприятий будет равняться нулю. Во втором случае

¹⁾ Cp. Zur Erkenntniss unserer staatsw. Zustände, S. 160—1.

Родбертус, действительно, мог с грехом пополам доказать, что сельскохозяйственные предприятия должны приносить сверх обычной прибыли еще известный остаток в виде поземельной ренты. Но, оставаясь последовательным, он должен был прийти к тому неизбежному выводу, что подобный же остаток дают и фабричные предприятия. Так, например, несомненно, что ткацкая фабрика нуждается в более дорогом материале, чем бумагопрядильная, потому что первая подвергает дальнейшей обработке продукт, изготовленный второю. Повторяя известное читателям рассуждение Родбертуса, мы приходим к тому заключению, что, при прочих равных условиях, бумагопрядильная должна принести более высокую прибыль, чем ткацкая фабрика. Но так как в стране не может быть двух различных уровней прибыли, то приносимый бумагопрядильней доход распадается на две части: обычную прибыль предприятия и некоторый остаток, соответствующий поземельной ренте в земледелии. Как назвать этот остаток? Поступит ли он в распоряжение предпринимателя? Но это противоречило бы «закону равного уровня прибыли во всех предприятиях». Или он отойдет каким-нибудь другим лицам, существования которых не подозревала до сих пор экономическая наука и не обнаружила практическая жизнь? Разумеется, нам нет основания думать, что наша прядильная рента будет явлением исключительным. Количество видов нового рода ренты будет так же бесконечно велико, как бесконечно различна стоимость материала в различных предприятиях. Разнообразие ее видов увеличивается еще вследствие неодинаковой стоимости орудий труда в различных отраслях производства. Если, при прочих равных условиях, одно предприятие нуждается в более дорогих машинах, чем другое, то уровень прибыли не может быть одинаков в этих предприятиях. Поэтому, фабрикант, употребляющий более дешевые машины, сверх обычной прибыли, получит еще известный доход в виде ренты. Его, конечно, будут мучить угрызения совести, так как он нарушит «закон равного уровня прибыли», удерживая свою ренту. Но пока последователи Родбертуса не укажут ему, как распорядиться с этой рентой, он не будет в состоянии снять с души своей это тяжелое бремя. Читатель видит, что теория поземельной

ренты Родбертуса приводит к абсурду. И это совершенно понятно, потому что наш автор исходит в своем учении о ренте частью из совершенно произвольных и недоказанных положений, частью из явления слишком общего для того, чтобы оно могло объяснить существование социальной категории дохода. Он совершенно неправ, говоря, что материал «или совершенно отсутствует в земледелии, или составляет продукт собственного хозяйства, а потому и не входит в понятие об издержках производства. К таким «продуктам собственного хозяйства» относит он семена и удобрение. Но разве сельский хозяин не относит употребленного на обсеменение полей хлеба к издержкам производства? Разве не вычитает он стоимости этого хлеба из валового дохода имения при определении своей чистой прибыли? Когда, в случае неурожая, он теряет надежду на получение прибыли и заботится только о покрытии своих издержек, разве согласится он признать, что обсеменение полей ему ничего не стоило? Наконец, употребление для посева своего или покупного хлеба зависит не от общих законов земледелия, а от случайных расчетов сельского хозяина. Он может продать весь свой яровой хлеб осенью, в надежде купить семена весной. В таком случае и сам Родбертус не отказался бы, конечно, отнести эту покупку к издержкам производства. Можно ли строить теорию поземельной ренты на таком основании? Если семена и удобрения не входят в понятие об издержках производства на том основании, что «они составляют продукт собственного хозяйства», то зачем же относить к этим издержкам содержание рабочего? Известно, что земледельческие рабочие гораздо чаще фабричных получают от хозяина помещение и пищу, при чем последнее почти исключительно состоит «из продуктов собственного хозяйства». Почему бы не вывести принципа земельной ренты, между прочим, и из того обстоятельства, что сельский рабочий получает свою плату отчасти «натурой». Тогда было бы еще яснее, что земледельческие предприятия должны приносить более высокую прибыль, так как понятие об их издержках ограничивалось бы главным образом орудиями труда и не распространялось бы даже на заработную плату.

К сожалению, всякое исследование о распределении дохода в капиталистическом обществе должно иметь в виду не натуральное, а денежное хозяйство, в котором каждый продукт имеет меновую стоимость. Зная рыночные цены, сельский хозяин имеет полную возможность оценить и отнести к своим издержкам даже те из «продуктов, предназначенных для дальнейшего производства», которые обязаны своим существованием его собственному хозяйству. Таким образом, речь может идти не об «отсутствии» или «присутствии» материала в земледелии, а только о величине его стоимости, которая, как мы видели, различна в различных отраслях производства. И если мы не хотим признать существования особого рода рент во всех отраслях, употребляющих дешевый материал, то мы должны согласиться, что дешевизна земледельческого материала не объясняет еще происхождения поземельной ренты. Да и можно ли с уверенностью сказать, что все отрасли фабричных предприятий нуждаются в более дорогом материале, чем земледелие? Мы полагаем, что вопрос этот остается пока открытым.

Другие возражения Родбертуса против теории ренты Рикардо так же не основательны, как и только что рассмотренное. Так, например, предложенную им «задачу» последователи Рикардо могли бы решить в утвердительном смысле, нисколько не противореча основным положениям своей теории, хотя нужно заметить, что все подобного рода «задачи» напоминают собою уравнение со многими неизвестными, потому что условия их никогда не определяются надлежащим образом. Как помнит читатель, в «задаче» Родбертуса речь идет о круглом острове, в центре которого находится город, служащий для сбыта земледельческих продуктов. Каждое из имений этого острова «простирается от городских стен до берегов» и, заключая в себе «около 5.000 магдебургских моргенов», имеет фигуру сектора. Будет ли существовать здесь поземельная рента? — спрашивает Родбертус. Ответить на этот вопрос можно только, принимая в соображение доходность различных участков каждого данного имения. Посмотрим же, будет ли она одинакова для всех участков. В каком бы пункте внутри имения ни лежал «хозяйский двор», участки не могут

находиться на одинаковом от него расстоянии, потому что именование представляет собою фигуру сектора, а не круга. А, между тем, расстояние это играет важную роль в вопросе о доходности участков. С возрастанием его, уменьшается доходность участка, несмотря на то, что, по условиям задачи, почва острова повсюду отличается одинаковым плодородием. При прочих равных условиях, отдаленные участки будут приносить меньший доход, и если потребности населения вынудят взяться за их обработку, то ближайшие участки, сверх обычной прибыли дадут еще поземельную ренту. Величина этой ренты будет одинакова в каждом из имений секторов, так как они представляют собою не только подобные, но и равные фигуры. Решив в этом смысле предложенную им задачу, последователи Рикардо могли бы воспользоваться ею, как орудием против самого Родбертуса. Они могли бы сослаться на удовлетворительное решение ее, как на доказательство того, что теория Рикардо имеет в виду не только различную величину «поземельной ренты», но и самый ее принцип. Что касается «колебаний уровня прибыли, случающихся раза два в год», то, вопреки мнению Родбертуса, явление это не может служить аргументом против теории Рикардо. Поземельные участки сдаются, по меньшей мере, на год. Каковы бы ни были колебания прибыли в течение года, арендатор легко может определить средний ее уровень, который и послужит нормой его дохода. Он согласится платить ренту только за те участки, которые приносят доход, превышающий средний уровень прибыли. При долгосрочном контракте он окажется, конечно, в проигрыше, если обычный уровень прибыли возвысится. Возможность проигрыша арендатора есть единственное заключение, к которому можно притти в виду продолжительных колебаний уровня прибыли. Но опровергает ли это заключение теорию Рикардо? Мы этого не думаем. Из всей теории поземельной ренты Родбертуса должно быть признано справедливым только учение его о производительности земледельческого труда. Это учение проливает новый свет на распределение национального дохода. Но, по словам самого Родбертуса, оно не касается сущности теории Рикардо. Возрастание производительности земледельческого труда не

устраняет, или, по крайней мере, до сих пор не устранило различий в степени плодородия участков.

XVII.

Нам остается сделать несколько замечаний относительно «практических предложений» Родбертуса. Выше мы говорили уже, под какими «практическими» влияниями находится Родбертус, как реформатор. Он выступает перед нами в этих планах не столько в качестве беспристрастного ученого, сколько в качестве померанского помещика, никогда не теряющего из виду связи интересов землевладения с интересами капитала. Взглянем теперь на его «планы» с точки зрения их осуществимости. Теоретическим центром тяжести всех его планов является установление нового «мерила стоимости», замена денег-товара «простыми билетами». На эту меру опираются все другие предложения Родбертуса, и хотя практическое осуществление некоторых из них возможно, по его мнению, и при современном денежном хозяйстве, но он категорически заявляет, что только введение нового «мерила стоимости» дало бы прочность и законченность предлагаемой им реформе. Он совершенно прав в этом отношении: планы его утрачивают всякое практическое значение для того, кто считает ошибочной основную его посылку. Поэтому, мы и обратимся к оценке ее теоретического и практического значения.

Учение Родбертуса о «рабочих деньгах» тесно связано с учением его о стоимости, которое было далеко небезошибочным. Он утверждает, что идея прудоновской «*valeur constituée*» принадлежит ему, так как он ее высказал несколькими годами ранее Прудона. Действительно, мы находим ее уже в сочинении его «*Zur Erkenntniss etc.*», вышедшем в 1842 году. Но в то время она была далеко не нова. Еще в 1831 году английский писатель Джон Грэй выработал проект национального банка, который, имея отделения во всей стране, выдавал бы производителям, в обмен на их продукты, свидетельства, с обозначением рабочего времени, затраченного на изготовление этих продуктов. Предъявители таких свидетельств получали бы из складов банка соответствующее

количество товаров, обращение которых совершалось бы, таким образом, без посредства чужих денег. Грей так верил в практичность своего плана, что после февральской революции представил временному французскому правительству записку, в которой доказывал, что Франция нуждается не в «организации труда», а в «организации обмена»¹⁾. Как видит читатель, в «практических предложениях» Родбертуса целиком повторялись идеи Грея, с тою, впрочем, разницею, что наш автор, кроме «организации обмена», предлагал еще законодательное регулирование заработной платы. Но это различие не могло придать более веса основным его положениям. Он повторил в них ту же ошибку, которую ранее его сделал Грей, а после Прудон, и которая состояла, по выражению Маркса, в «элементарном непонимании необходимой связи между товаром и деньгами». Товары представляют продукт индивидуальных производителей, так что воплощенный в них труд есть индивидуальный, а не общественный. Меновая же стоимость продуктов определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на их производство. Чтобы знать меновую стоимость продукта, мы должны, следовательно, знать, как относится воплощенный в нем индивидуальный труд к труду «общественно-необходимому». В настоящее время отношение это определяется в процессе товарного обращения. Необходимым следствием обращения продуктов в товары является превращение одного из товаров в деньги, во «всеобщий эквивалент», в различных количествах которого все другие товары выражают свою меновую стоимость. Товар-деньги становятся, таким образом, «воплощением общественного рабочего времени» в противоположность всем другим товарам, как воплощению индивидуального рабочего времени различных производителей. Отношением каждого отдельного товара ко всеобщему товару-денегам и выражается отношение индивидуального рабочего времени к общественному.

По проекту Родбертуса, это последнее отношение определяется в самом производстве. Путем опыта государство

¹⁾ См. Zur Kritik der politischen Oekonomie, von Karl Marx, Berlin 1859, S. 61.

находит среднюю производительность труда в каждом из бесчисленных его отраслей. Таким образом, приводится в известность общественное рабочее время, необходимое на производство каждого отдельного продукта. Стоимость продуктов определяется именно этим общественным временем, независимо от того, каких условий потребовало производство их от данного индивидуума. Но воплощенный в продуктах труд становится общественно-необходимым трудом только в том случае, если они удовлетворяют известные общественные потребности. Будучи произведены в излишнем количестве, продукты перестают соответствовать потребностям общества. Время, затраченное на производство излишних продуктов, есть просто даром потерянное время. А так как ни один производитель не пользуется на рынке какими-нибудь преимуществами перед другими, то потеря эта распределяется между ними пропорционально количеству произведенных ими продуктов. Только часть труда, воплощенного в каждом из их продуктов, признается на рынке трудом общественно-необходимым. «Рыночная цена» продуктов опускается ниже «естественной цены» их, как сказал бы Рикардо, и предприниматели сокращают свое производство до тех пор, пока оно не придет в равновесие с потребностями общества. Колебание рыночных цен регулирует, таким образом, производство. Чем думает заменить этот регулятор Родбертус? Должны ли товары иметь, по его проекту, кроме «конституированной стоимости», еще и рыночную цену, или правильнее, развивается ли первая во вторую? Конечно, нет; весь секрет «*valeur constituée*» именно в том и состоит, что она устраняет различие между ценою и стоимостью продуктов. Родбертус забывает при этом, что «различие между ценою и стоимостью есть не номинальное только различие», что «в нем концентрируются все те невзгоды, которые грозят товару в действительном процессе обращения»¹⁾. Устранить его можно только с устранением самого товарного производства, т.-е. путем такой организации производства, в которой продукты не будут иметь ни цены, ни стоимости по той простой причине, что они не будут

¹⁾ Karl Marx, Zur Kritik etc. S. 46.

товарами. Но при такой организации производства сама «*valeur constituée*» не имела бы ни малейшего смысла. Чтобы быть последовательным, Родбертусу ничего не оставалось, как отказаться от «принадлежащей ему» идеи «конституированной стоимости» и стремиться к новой, планомерной организации всего производительного механизма, в которой не имела бы места современная противоположность между индивидуальным и общественным рабочим временем. Сама логика вещей привела к этому его предшественника Грэя, который «отрицает», по словам Маркса, одно за другим условия буржуазного производства, хотя и предполагает ограничить свою «реформу» деньгами. Так, он обращает капитал в национальный капитал, поземельную собственность — в национальную собственность, и если внимательно приглядеться к его банку, то окажется, что этот последний не только одною рукою получает товары, а другою выдает свидетельства с обеспечением затраченного труда, но регулирует и самое производство¹⁾. Читатель помнит, однако, что предлагая государству осуществить реформы, которые, чтобы привести к чему-нибудь, должны были бы привести к устранению буржуазного способа производства, Родбертус хотел в то же время удержать буржуазный способ распределения национального дохода. Он хотел сохранить во всей неприкосновенности современные отрасли этого дохода: поземельную ренту, прибыль и заработную плату. Конечно, реформаторской фантазии нельзя положить предела, но можно требовать, по крайней мере, чтобы одно «практическое предложение» реформатора не противоречило другому.

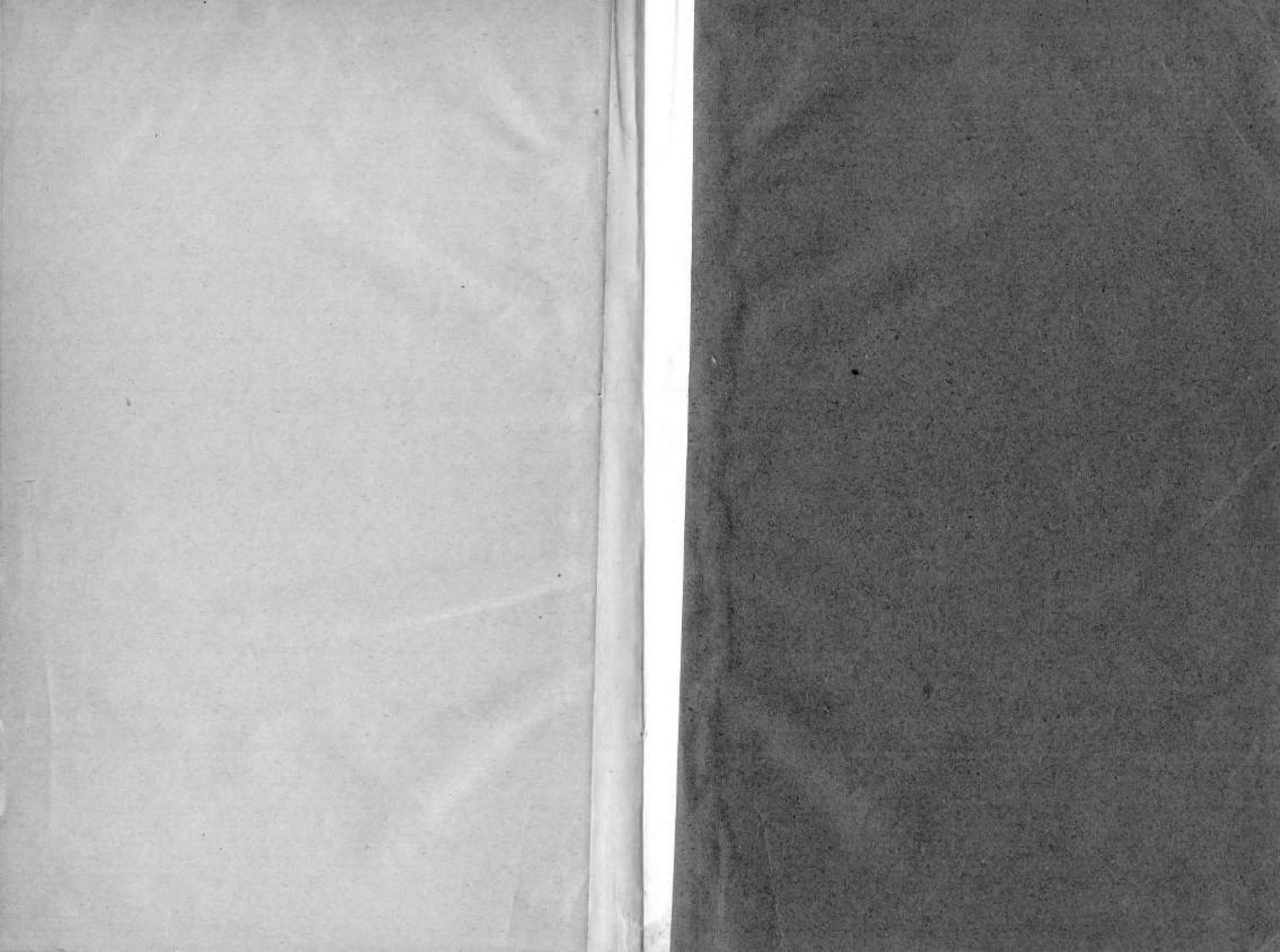
Нетрудно подвести итоги сказанному нами о практических планах Родбертуса. Они неполны, односторонни, внушены соображениями, не всегда согласными с безпристрастием ученого, окончательно отказавшегося от известных интересов и предрассудков. Наконец, — и это главное в основе их лежит недостаточно выясненное понятие о сущности современного производства. Он хочет сохранить это производство, устраняя необходимейшие его условия, хочет товаров без денег,

¹⁾ Ibid., S. 63.

«буржуазии без пролетариата». Если эта неясность понятий повредила много его теоретическим исследованиям, то она лишила всякого значения его «практические предложения».

Закапчивая наш не в меру растянутый этюд о Родбертусе, мы можем повторить сказанное нами о нем в начале статьи. Смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним. Воззрения Родбертуса сложились в тот период истории экономической науки, когда старое здание классической экономики оказалось тесным, обветшалым и потребовало радикальной перестройки. Сочинения его были замечательнейшим «знаменем» этого переходного времени, но не ему суждено было стать архитектором, заложившим фундамент новой науки. Он усердно и добросовестно трудился над ее обновлением, не ограничивал поля своего зрения интересами одних высших классов, не утаивал результатов, добытых классической экономией. Все это обеспечивает ему почетное место в истории науки. Верный последователь Смита и Рикардо, он был бесконечно выше современных ему вульгарных экономистов.

C-2438

Цена 1 рубль.

СКЛАД ИЗДАНИЙ
Краснодар, Красная 29/30.